

Том 5, № 4
2008

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *Е.М. Лаптева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректура *Н.С. Самбу*

Переводы на английский

С.С. Беловой

Компьютерная верстка

Е.А. Валцовой

Адрес издателя и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только

по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2008 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.М. Петров. Тернарность в мышлении, культуре, искусстве: системно-информационные корни бессознательного 3

Факты и размышления

В.Ф. Петренко, Е.А. Коротченко. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов 19

Специальная тема выпуска:

Психодиагностика в России через 5 лет

Д.В. Ушаков, Ю.А. Денисова. Российская психодиагностика в канун перемен 41

Интервью-прогноз. Участники: **М.К. Акимова,**

Т.Ю. Базаров, А.Б. Балунов, Н.А. Батурин,

Л.Ф. Бурлачук, А.Н. Гусев, Т.Н. Корнилова,

К.В. Осетров, М.В. Розин, Л.Н. Собчик,

А.Г. Шмелев 44

Заключительные комментарии 86

Постановление Президиума Российского психологического общества (7 июля 2008 г.) ... 99

Короткие сообщения

Т.Н. Березина. Реакции человека на представление образов спиртного 102

С.С. Белова. Творчество: психологические и компьютерные модели 112

А.А. Гайворонская. Содержание нравственного сознания личности 120

О.В. Гулевич. Влияние цели распределения вознаграждения на выбор нормы дистрибутивной справедливости 126

А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками

россиян 135

Резюме выпуска на европейских языках 144

Указатель статей, опубликованных в журнале «Психология. Журнал Высшей школы экономики» в 2008 г. 147

Vol. 5, № 4
2008

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanschikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

G.V. Ivanchenko

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiakov

V.A. Ponomarenko

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrnikov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *E.M. Lapteva*

Copy editing

O.V. Shaposhnikova, N.S. Sambu

Translation into English

S.S. Belova

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:
ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© SU HSE, 2008

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Petrov. Ternarity in Thinking, Culture,
and Art: System-informational Roots of
Unconsciousness3

Facts and Reflections

V.F. Petrenko, E.A. Korotchenko. Imagery in
Painting and Literature. Visual Analogies
of Literature Tropes19

Special Theme of the Issue.

Psychodiagnostics in Russia:

what it will be like in 5 years

D.V. Ushakov, Yu.A. Denisova. Russian
Psychodiagnostics on the Eve of Changes41

Interview-prognosis. Participants: **M.K. Akimova,**
T.Yu. Bazarov, A.B. Balunov, N.A. Baturin,
L.F. Burlachuk, A.N. Gusev, T.N. Kornilova,
K.V. Osetrov, M.V. Rozin, L.N. Sobchik,
A.G. Shmelev44

Final Comments86
Resolution of the Presidium of Russian
Psychological Society99

Work in Progress

T.N. Berezina. Humans Reactions to Alcohol
Image Reflection102

S.S. Belova. Creativity: Psychological and
Computational Models112

A.A. Gayvoronskaya. The Contents
of the Person's Moral Consciousness120

O.V. Gulevich. The Influence of Reward
Distribution Aim on the Choice of Distributive
Justice Norm126

A.N. Tatarko, N.M. Lebedeva. The Study
of Social Axioms: their Structure and
Interrelations with Socio-economic
Predispositions of Russians135

Summary of the Issue144

Articles Published in Volume 5147

Философско-методологические проблемы

ТЕРНАРНОСТЬ В МЫШЛЕНИИ, КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ: СИСТЕМНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОРНИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В.М. ПЕТРОВ

Петров Владимир Михайлович — главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, профессор Государственного университета управления, доктор философских наук, кандидат физико-математических наук. Вице-президент Международной ассоциации эмпирической эстетики.

Автор более 500 работ, опубликованных на 15 языках, в том числе 14 монографий. Основные монографии: «Прогнозирование художественной культуры: Вопросы методологии и методики» (1991); «Прямое и не прямое воздействие искусства: Проблемы методологии и методики исследования» (1997); «Information and creation: Integrating the "two cultures"» (1995, совместно с Г.А. Голицыным); «Количественные методы в искусствознании» (2004).

Основные области научных интересов: количественные методы в культурологии, психологии, искусствознании, поэтике, лингвистике, социологии.

Контакты: vm Petr@yandex.ru

Резюме

Результаты, полученные в рамках шести информационных моделей восприятия, свидетельствуют о предпочтительности кодирования поступающей информации посредством трехградационных признаков, использования трехпараметрических механизмов и надежной фиксации периодических событий при их трехкратном повторении. В последнем случае важную роль играет превышение порога случайности и закрепление регулярности с помощью положительных эмоций. Дедуцированная тернарность доминирует в сфере бессознательного, проявляясь прежде всего в феноменах культуры (цветовые триады в национальных школах живописи, трехчленность в литературных текстах, религиозных, философских, языковых и т. п. системах), равно как и в трехфакторности семантического пространства и в трехмерности перцептивного мира.

Ключевые слова: информация, восприятие, пороговый эффект, градации, признаки, экономия ресурса, классификация, трехдетекторность, трехпараметричность, трехкратная повторяемость, периодичность, регулярность, живописные структуры, цветовые триады, трехфакторное семантическое пространство, трехмерность перцептивного мира

*Потом идти сквозь дюны упряго,
Пройти три поля, и будет дом...*
Роберт Браунинг. «Встреча ночью»

Информационный подход к исследованию культуры и искусства сейчас набирает силу, и потому стали перспективными весьма специфические исследования, фокусирующие внимание на *связях* между различными ветвями этого подхода, между разными моделями, разработанными в его рамках. Настоящая работа посвящена как раз таким связям, причем интересоваться нас будут главным образом свойства человеческой *памяти* и *порога восприятия*. (Разумеется, эти свойства будут анализироваться в рамках информационной парадигмы.) Мы рассмотрим серию из шести моделей, в которых задействованы названные свойства, и в результате придем к выводам, лежащим довольно далеко от компетенции исходных моделей.

Конечно же, основной вывод, к которому единодушно приведут все шесть моделей, — неоспоримое *преимущество тернарности*, ее главенствующая роль в сфере социально-психологических, культурных и т. п. процессов — отнюдь не является неожиданным. Ранее эти мотивы многократно фигурировали в самых разных трудах. Например, в глубоко фундаментальной монографии А.И. Степанова (Степанов, 2004) тернарность является одним из основных персо-

нажей как теоретического, так и эмпирического анализа, охватывающего самые разные стороны социальной и культурной жизни. Однако до сих пор не удавалось осуществить «объемный», всесторонний анализ этого феномена, строго теоретически дедуцировать его с помощью какого-то одного — но глубокого — подхода, тем более столь перспективного, как подход теоретико-информационный. Обратимся же к этим взаимно переплетающимся моделям, разделив их на два класса, связанных с *пространственным* и *временным* опытом человека.

«Пространственная» тернарность: многосторонние аргументы

А. Первая, самая простая модель существует уже давно (см.: Фомин, 1964) и когда-то рассматривалась вне непосредственной связи с информационным подходом, хотя на самом деле имеет к нему, как мы теперь понимаем, самое прямое отношение. Модель эта исходит из того, что существует некая система (частным случаем которой мы можем считать и человека), имеющая задачу *закодировать информацию* о каких-то объектах либо явлениях, чтобы сохранить («запомнить») их.

Для этой цели в распоряжении системы имеется набор из W символов, а хранить информацию об объектах (явлениях) система должна не непосредственно, а используя некие *параметры*, или шкалы. Сумма градаций всех этих параметров (шкал) как раз и равна W .

Примером такой системы является *память* некоего человека, способная хранить, допустим, сведения о таких параметрах встреченных на улице субъектов, как их пол (две градации — мужчина либо женщина), характер одежды (также две градации — опрятная либо неопрятная), возраст (четыре градации — дети, подростки, взрослые и старики) и походка (две градации — трезвая либо пьяная). Тогда память, работающая в данном случае с суммарным числом символов $W = 10$ (т.е. $2 + 2 + 4 + 2$), способна осуществлять классификацию объектов — разделение их на $y = 2 \times 2 \times 4 \times 2 = 32$ типа. Благодаря этому человек может любого встречного субъекта отнести к одному из 32 типов и принимать решение о своем поведении (например, в зависимости от того, насколько агрессивны представители данного типа). Кстати, тут мы видим *выгодность* такого простейшего *структурирования* исходной информации — хранения ее не в виде непосредственных «гештальтов» — образов объектов (тогда их удалось бы хранить лишь 10), а в виде набора параметров (в три с половиной раза больше!). И в особенности эта выгода важна в ситуациях, когда человеку следует реагировать быстро, т.е. когда должна работать *первая ступень памяти*, имеющая ограниченный объем (около 8 единиц).

Равным образом выгодность такого простейшего структурирования, т.е. разделения всего используемого массива символов на группы, отвечающие разным параметрам, проявляется также и в масштабе того множества классов, которые образуются в результате разнесения символов по параметрам. В самом деле, без какого-либо структурирования число таких классов при наличии 10 символов составляло бы 10^{10} , т.е. 10 миллиардов вариантов, как это имеет место в телефонной сети, основанной на 10-разрядной системе. Выбор должного варианта при столь огромном числе классов явно бессмыслен. А главное, в таком случае нельзя задействовать корреляции между различными параметрами, способные нести значительную информацию о статистических свойствах воспринимаемых объектов. Но ведь именно благодаря таким корреляциям, связям между объектными свойствами, становится возможной ориентация человека в мире — в море объектов, в их параметрическом пространстве!

Итак, мы имеем W символов, которые надо разнести по какому-то числу параметров. Но по какому? И каким образом? В данной простейшей модели считается, что все параметры должны быть «равноправны», т.е. иметь одинаковое число x градаций. Иначе говоря, к каждому параметру «приписано» по x символов. Скажем, если $x = 3$, то все параметры трехградационные (тернарные), каждый из них «оккупирует» три символа. Подобное предположение о структурной одинаковости исходных параметров кажется довольно искусственным, хотя на самом деле оно может вполне отвечать многим

реальным, естественным ситуациям, особенно характерным для ранних стадий развития системы памяти. Значит, мы имеем дело с числом параметров, равным W/x . (Здесь и далее предполагается квазинепрерывная ситуация, т. е. мы считаем, что W и x могут принимать любые положительные значения, включая дробные и иррациональные; равным образом и число параметров, получаемое в результате деления, также может принимать любое значение.) Но тогда общее число классов (типов) объектов составит

$$y = x^{W/x}.$$

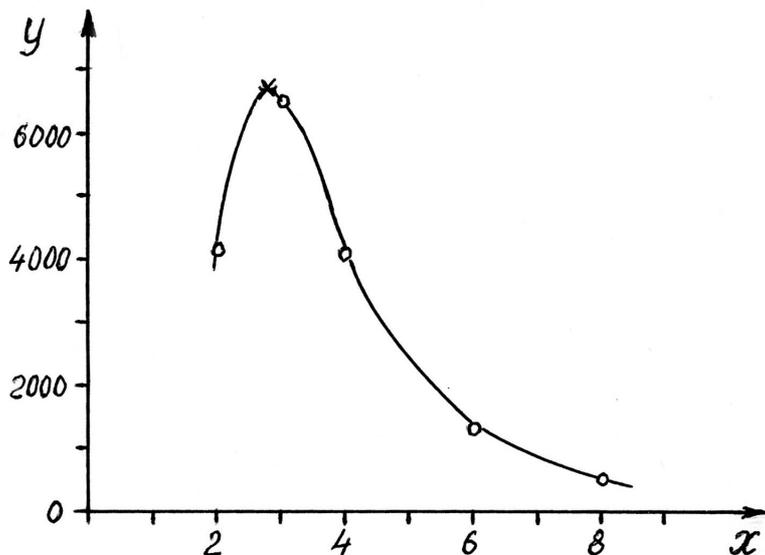
Как нетрудно показать, эта функция имеет только один экстремум (где $dy/dx = 0$) — максимум, отве-

чающий значению $x = e = 2,718...$ Иными словами, наиболее выгодно (с точки зрения получения наибольшего числа классов y , при условии заданного ограниченного запаса исходных символов W) использовать параметры, каждый из которых имеет около 2–3 градаций. А поскольку в реальности число градаций должно быть целым, надо пользоваться только двух- либо трехградационными параметрами.

Сказанное можно проиллюстрировать графиком (рис. 1). Он представляет зависимость числа классов y , получаемых при различных разбиениях общего количества символов $W = 24$, отвечающих разным вариантам: $x = 2, 3, 4$ и т. д. (Совершенно аналогичные зависимости можно получить для любого другого

Рис. 1

Число классов (типов) объектов y , образующихся при использовании набора параметров, в функции числа градаций x , которые имеет каждый параметр (все параметры считаются равноправными). Общее число используемых символов фиксировано на уровне $W = 24$

числа символов W .) Легко видеть, что максимальное значение $y = 6600$ классов действительно достигается при $x = e = 2,718...$ (разумеется, это — «виртуальное» значение, ибо количество градаций может отвечать лишь целому числу). Чуть меньшее значение соответствует реальной ситуации — $x = 3$, т. е. трехградационным (тернарным) параметрам: $y = 3^{24/3} = 3^8 = 6561$ классов. Еще меньшие значения получаются при $x = 2$ и при $x = 4$, т. е. при двухградационных (бинарных, или дихотомических) и четырехградационных (кватерниорных) параметрах: $y = 2^{24/2} = 4096$ и $y = 4^{24/4} = 4096$ классов. А при всех других значениях x число получаемых классов оказывается совсем ничтожным; так, при $x = 6$ образуется лишь $6^4 = 1296$ классов. Таким образом, в рамках данной модели преимущество трехградационных параметров неоспоримо: при их использовании число результирующих классов лишь чуть уступает максимально (виртуально) возможному.

Б. Другая модель — чисто «информационная» (Golitsyn, Petrov, 1995, р. 19–20). В ней рассматривается реакция некоей системы (например, человека) на внешние воздействия. Реакция эта считается состоящей из N независимых компонентов — «степеней свободы», образующих вектор, в котором каждый компонент содержит x градаций с равными вероятностями встречаемости. Функционируя, система расходует ресурс (в роли такового могут выступать различные субстраты, в частности, усилия, требуемые для хранения информации о каждой градации каждого параметра). Считается, что расход ресурса пропор-

ционален числу градаций, а общий объем ресурса R ограничен:

$$R = axN,$$

где a — константа. Каково же оптимальное число градаций (каждого параметра), обеспечивающее максимальную «эффективность» реакций системы, т. е. наибольшую информацию I при заданном ограничении на общий ресурс R ? Как можно показать,

$$I = \ln(xR)/ax.$$

Рассматриваемая в функции переменной x , эта информация оказывается имеющей единственный экстремум (где $dy/dx = 0$) — максимум при $x = e = 2,718...$ А это значит, что снова предпочтительным оказывается составлять каждый параметр из трех градаций (и лишь иногда, быть может, пользоваться двухградационными параметрами).

В. В следующей модели (Сухотин, 1983) уже нет того «слабого звена», которое фигурировало в двух предыдущих моделях: предположения о «равноправии» всех параметров. Считается, что задано некое «требуемое» число классов y , которое надо получить, используя параметры с различными количествами градаций, но стремясь при этом минимизировать общее число используемых символов W (т. е. суммарное число градаций всех параметров):

$$y \leq \prod_x x^{\beta(x)},$$

$$W = \sum_x x\beta(x) \rightarrow \min,$$

где $\beta(x)$ — число параметров, обладающих x градациями, а знаки Π и Σ соответствуют процедурам перемножения и суммирования. Решение этой системы уравнений приводит к весьма нетривиальному результату: оптимальными оказываются только значения $x = 2$ либо $x = 3$, т. е. параметры, имеющие либо две, либо три градации.

Это разрушает широко бытующие представления об обязательной предпочтительности какого-то одного числа градаций для всех параметров. И действительно, для того чтобы обеспечить получение, скажем, 18 классов объектов, можно было бы воспользоваться только двухградационными параметрами, и тогда понадобилось бы 5 таких параметров, ибо $y = 2^5 = 32 > 18$, а общее количество символов было бы равно $W = 2 \times 5 = 10$. Можно было бы воспользоваться и исключительно трехградационными параметрами, и тогда их понадобилось бы 3, ибо $y = 3^3 = 27 > 18$, а общее количество символов $W = 3 \times 3 = 9$, т. е. трехградационные параметры приводят к большей экономичности. Но еще более экономной оказывается «гибридная» система, состоящая из одного двухградационного параметра и двух параметров трехградационных и обеспечивающая получение ровно 18 классов объектов: $y = 2^1 \times 3^2 = 18$, общее же число используемых при этом символов $W = 2 \times 1 + 3 \times 2 = 8$, т. е. меньше, чем при двухградационном либо трехградационном «равноправии».

Г. Совсем из «иной оперы» — модель, описывающая *идентификацию* (т. е. восприятие) какого-либо свойства объектов с использованием для этой цели «приемных устройств» —

детекторов, обладающих *колоколообразными характеристиками*, при том что эту идентификацию требуется выполнять в условиях *меняющегося фона*. Типичным примером такой задачи является определение спектрального цвета воспринимаемого объекта, в условиях меняющегося фонового облучения. Скажем, требуется определять цвет яблока: красное оно, либо зеленое, либо желтое и т. п. в условиях изменяющейся интенсивности солнечного света, причем для идентификации цвета следует пользоваться фотодетекторами, обладающими самыми обычными колоколообразными спектральными характеристиками — зависимостями выдаваемого сигнала от длины волны. Как было показано (Голицын, Петров, 2005, с. 106–109), для такой идентификации недостаточно иметь один тип детекторов (например, обладающих максимумом спектральной фоточувствительности в красной области спектра) либо даже два типа фотодетекторов (с максимумами чувствительности, допустим, в красной и синей областях), но требуется иметь по крайней мере *три типа детекторов*, обладающих сдвинутыми друг относительно друга колоколообразными характеристиками (скажем, в красной, желтой и зеленой областях). Только тогда можно избавиться от двух факторов, препятствующих требуемой идентификации:

– неизбежной при работе с колоколообразными детекторами опасности перепутать сигналы, относящиеся к двум противоположным «склонам холма» («колокола»);

– столь же неизбежной зависимости сигналов от изменяющегося

фона (скажем, от интенсивности солнечного света в данный момент).

Система, снабженная тремя типами детекторов, уже способна решать такую идентификационную задачу, и потому ее следует считать оптимальной для указанных целей. Интересно, что именно *трехдетекторные системы* были реализованы в процессе биологической эволюции, в частности, для восприятия цвета у человека имеются три типа цветочувствительных «колбочек», а у лягушки — три типа «светофильтров»: жировых клеток, обеспечивающих должные сдвиги фоторецепторов относительно друг друга. Большое число типов не обязательно, и потому оно не было реализовано: ведь излишнее усложнение информационной системы привело бы к лишним затратам ресурса на ее поддержание, а также к снижению надежности системы. Впрочем, четырехдетекторную цветовую систему эволюция «опробовала», но потом от нее «отказалась». Словом, и здесь тернарность оказалась самой выгодной для работы информационных структур.

А теперь перейдем к темпоральным проблемам тернарности, их можно считать отчасти следствиями рассмотренных «пространственных» мотивов, хотя можно трактовать и как совершенно автономную сферу.

Аспект темпоральный: порог восприятия и неслучайность событий

Уже из сказанного выше следуют некоторые выводы, касающиеся протекания информационных процессов во времени. Мы рассмотрим две основные ситуации, которые могут

иметь место при *временном изменении* сигналов, поступающих от воспринимаемых объектов. Эти две ситуации:

- идентификация самого факта изменения сигнала;
- фиксация неких закономерностей в изменяющемся сигнале.

Первая ситуация является, бесспорно, наиболее важной; а кроме того, она должна служить «опорной» для всех последующих процессов. Поэтому начнем с модели для идентификации изменений, т. е. с проблемы *порога восприятия*.

Д. Сама *необходимость порога* — который должен быть присущ реакциям любой сложной системы — была уже давно дедуцирована в рамках информационного подхода как следствие принципа «все или ничего» (см., например: Голицын, 1997, с. 116–122). Однако еще недавно оставалась необъяснимой *величина порога*, а главное, кажущееся таинственным его *постоянство для разных континуумов*, ведь относительный порог практически одинаков для столь разных континуумов, как сила света, громкость звука, воздействие электрического тока и т. п., составляя 12–15% (об этом феномене, а также о его системной обусловленности см., например: Забродин, Лебедев, 1977; Mazhul, Petrov, 2007). А между тем, именно опираясь на тернарность, этот феномен можно объяснить, причем в «связке» с объемом первой ступени памяти (знаменитое число Дж. Миллера: 7 ± 2 , см.: Голицын, Петров, 2007). В самом деле:

- поскольку для *первой ступени памяти* главным требованием является ее *быстродействие*, эволюцией был избран наиболее простой и надежный

способ ее формирования, заключающийся в использовании *трех информационных каналов*, по каждому из которых передается бинарный (дихотомический, двухградационный) сигнал; в результате данная ступень памяти оказывается способна хранить ограниченный объем $V = 2^3 = 8$ различных состояний — ячеек для текущей информации;

– относительный порог соответствует такому возрастанию интенсивности сигнала, при котором требуется перераспределить текущую занятость ячеек, чтобы «старому» сигналу соответствовали 7 ячеек, а «новому» — восьмая ячейка; иначе говоря, фиксируется приращение, составляющее $1/7$ часть от предшествовавшего, т. е. около 14.3%; в другом варианте при уменьшении интенсивности сигнала освобождается одна ячейка из 8 занятых, т. е. фиксируется ослабление сигнала на $1/8$ его часть, т. е. на 12.5%; вот почему относительные пороги (S) для разных видов сигналов лежат именно в интервале 12–15% (т. е. $S = 1/V$); этот вывод окажется очень важным для нашей следующей модели.

Таким образом, и в данной области тернарность играет важнейшую роль, определяя протекание процессов, связанных с идентификацией темпоральных изменений.

Е. Переходя к фиксации *закономерностей в изменениях* сигналов, нам следует сконцентрировать внимание прежде всего на проблеме *повторяемости* сигналов, наличии (или отсутствии) *регулярности* в их встречаемости. Недаром еще русские формалисты считали, что искусство может оперировать, по сути дела, лишь двумя приемами: повтором либо за-

держкой, а последняя не может быть мыслима без повторяемости. Тут нам придется *абстрагироваться от конкретной природы* сигналов, чтобы анализировать исключительно восприятие их *повторяемости*. Естественно, при таком анализе главная роль будет принадлежать *вероятностям* получаемых сигналов. Их-то мы и будем рассматривать как источники реакций человека, воспринимающего интересующий его поток сигналов, а значит, как возможные *источники его эмоций* (положительных либо отрицательных). Итак, вероятности как источники эмоций?

Быть может, подобная постановка вопроса может показаться «экзотической»: ведь создается впечатление, что мы выплескиваем из ванны ребенка, оставляя там воду. Но только при такой позиции у нас есть шанс выйти именно на уровень «абстрактно-универсальных» ситуаций, а ведь как раз они-то и должны составить исходную «сырьевую базу» для формирования стабильных процедур переработки информации. Прибегая к намеренно грубому иллюстративному примеру, приведем ситуацию, кажущуюся абсурдной с точки зрения обыденного сознания, но вполне отвечающую нашей модели: человека в очередной раз обворовали при посещении винного отдела соседнего универсама, но он испытывает от этого положительную эмоцию, ибо радуется правильности открытой им закономерности; впредь он будет покупать вино в других магазинах.

Итак, моделированию будет подлежать формирование *эмоций* при восприятии человеком неких событий, для которых важны лишь их вероятности. Тогда главным источником

его положительных эмоций будет *установление статистических связей* между событиями. Иначе говоря, мы будем рассматривать некоего своеобразного «гедонистического субъекта» (*homo hedonicus*), радующегося сделанным им открытиям — познанию новых свойств окружающего мира. В «чистом виде» такой субъект реализуется в ученом — «идеальном научном сотруднике», для которого главное в жизни — познание истины. А в виде «грязного» (или порой замызганного) такой субъект существует в каждом человеке и даже в любом живом существе: ведь только за счет познанных закономерностей в свойствах окружающего мира такое существо способно в этом мире выжить!

Моделировать можно различные ситуации из целого набора возможных случаев поиска связей. Однако какие ситуации следует считать наиболее «острыми» в плане значимости для формирования устойчивых поисковых процедур? Очевидно, те ситуации, которые, с одной стороны, уже содержат какие-то «закономерностные элементы» (т. е. некие «намекы» на закономерности), а с другой — еще требуют дополнительных подтверждений наличия закономерностей. По-видимому, наиболее подходящей (под искомым тип) ситуацией будет описываемый и моделируемый далее *поиск «вторичной периодичности»*, т. е. регулярной повторяемости каких-то событий, протекающий на фоне какой-то уже ранее установленной «первичной периодичности».

Роль «фона» в такой ситуации будет играть некая уже установившаяся первичная временная «решетка» событий, каковые восприни-

маются субъектом (реципиентом) как совершенно регулярные, очевидные. Примером такой первичной решетки может служить совокупность закатов Солнца: они имеют место каждый день, с весьма строгой периодичностью (близкой к 24-часовой), так что их можно считать «узлами» соответствующей темпоральной решетки. В свою очередь, на фоне этой «первичной периодичности» может возникнуть периодичность «вторичная», например, регулярно проходящие по воскресеньям семейные обеды, приходящиеся как раз на время заката. Благодаря этому каждый 7-й узел «первичной решетки» приобретает «окраску» (или определенное «заполнение»). Подобные регулярности могут стать важными не только для какой-то конкретной личности; такого типа закономерности, периодически встречающиеся события (кстати, невозможные без их опоры — периодичности первичной) могут стать «питательной почвой» для формирования всей системы культуры, включая бытующие в ней обычаи и предрассудки. Например, во время Первой мировой войны солдаты на передовой установили странную закономерность: каждый третий солдат, прикуривавший от одного и того же курящего, оказывался тут же сраженным выстрелом вражеского снайпера. (Впрочем, эта мистическая периодичность имела простые причины: при первой вспышке снайпер находил цель, при второй прицеливался, а при третьей стрелял.)

Каким же образом реципиенту удастся *зафиксировать* такую вторичную периодичность? А главное — *как много «окрашенных»* («заполненных») *узлов* должно быть воспринято,

В самом деле, еще при $n = 2$ (т. е. когда событие встретилось лишь два раза в должных позициях) $p_2 = 0.25$, т. е. вероятность *случайного совпадения не слишком мала* (превосходит порог), оно воспринимается как более или менее «обыденное». Но уже при $n = 3$ (т. е. при трехкратной встречаемости в должных местах) вероятность $p_3 = 0.125$ ниже порога, и такая совокупность «попаданий» оказывается воспринимаемой как отнюдь не случайная (своего рода «микрочудо»), т. е. как свидетельство некоей (искомой!) *закономерности*: периодического появления вторичных событий. А далее при $n = 4$ (и $p_4 = 0,0625$) и более эта закономерность, все более подтверждаясь, становится уже скучной, а значит, порождающей *отрицательную эмоцию*. Но для реципиента важнее всего момент *первого открытия* закономерности, сопровождающийся *положительной эмоцией*. Более того, именно эта положительная эмоция фактически определяет, эмоционально окрашивает весь процесс восприятия данной последовательности событий.

Разумеется, наступление этого момента зависит от величины p_k . Так, для того чтобы уже при втором появлении события оно оказалось бы воспринято с уверенностью как индикатор периодической повторяемости, величина p_k должна быть меньше, чем $\sqrt{S} \approx 0.39$. И, конечно же, вторичные события, обладающие еще меньшей вероятностью встречаемости p_k , будучи повторены хотя бы дважды, тем более воспринимаются как «совершенно невероятное везение» (либо, наоборот, невезение)! Пример такого маловероятного

события приводился выше: выигрыш в рулетку крупной суммы. Кстати, когда мы имеем дело с восприятием приемов искусства, во многих случаях величина $\sqrt{S} \approx 0.39$ отвечает «порогу осознания», т. е. рефлексии — пониманию того, что данный прием использован автором произведения преднамеренно (см.: Petrov, 2002).

Тем не менее наиболее распространенной (и практически самой значимой) является ситуация, отвечающая вышеобозначенной версии: $p_k = 0.5$, т. е. выбору между двумя *равновероятными случаями* — появлению либо непоявлению данного вторичного события в данном узле. По крайней мере, именно таков выбор при первом повторении события, т. е. когда $n = 2$, из-за априорно неизвестной вероятности этого события. И вполне естественно, что при этом реципиент исходит — пусть даже имплицитно — из принципа максимального правдоподобия, т. е. считает равновероятным и появление события, и его отсутствие. (Ведь подобная стратегия оптимальна в таких условиях!) А уже при третьем появлении ($n = 3$) череда событий неизбежно воспринимается как закономерная, поскольку $p_3 = 0.125 < S$. Так что мы снова видим *тернарные структуры* как порождение *ожиданий*, свойственных процессу восприятия.

Между тем имеет смысл рассмотреть ситуацию, отвечающую не столь строгим требованиям ко вторичным событиям, но в более «мягкой» трактовке периодичности: когда они появляются не точно в должном узле решетки, а быть может, либо в узле предыдущем, либо последующем, т. е. в одном из этих трех узлов. Тогда

вероятность случайно встретить данное событие на должном месте либо вблизи него составляет: для второй «мягкой» встречи $p_2 = 1 - (1 - p_k)^3$, что при $p_k = 0.5$ соответствует $p_2 = 0.875$; для третьей же «мягкой» встречи $p_3 = 0.875^2 = 0.766$ и т. д. И только если значение p_k достаточно мало, искомая периодичность может почувствоваться более или менее скоро, например, если $p_k = 0.2$, то $p_2 = 0.488$, $p_3 = 0.238$ и только $p_4 = 0.116 < S$. Иными словами, при подобных «мягких» требованиях периодичность начинает восприниматься только после четвертой либо даже гораздо более поздней встречи с событием. Возможно, именно такая «мягкая» ситуация характерна для сферы бытующих в культуре народных поверий, касающихся повторяемости погодных явлений (см.: Харуто, 2007).

От частных психологических и культурологических закономерностей к общим

Приведенной полудюжиной моделей (А — Е), тесно взаимопереплетенных и имеющих дело как с пространственным, так и с временным опытом человека, далеко не исчерпывается аргументация в пользу тернарности. Но дело не только и не столько в этом:

- во-первых, устанавливаются связи между различными ветвями информационного подхода и его внешние связи (т. е. более тесные связи между частными моделями, разработанными в рамках этого подхода, а также в смежных с ним областях);
- во-вторых, появляется возможность прийти к ряду нетривиальных выводов, относящихся к различным

психологическим, социальным и культурным закономерностям, включая (как мы скоро увидим) даже выводы мировоззренческого порядка.

Однако прежде всего было бы желательно найти *границы* интересующего нас феномена: всегда ли тернарность является оптимальной, во всех ли сферах и ситуациях?

Возвращаясь к корням данного феномена, нам следует вспомнить о том, что все рассматривавшиеся модели обладали одной специфической чертой (ее мы уже охарактеризовали как «выплескивание ребенка» вместо воды из ванны): нас никогда не интересовало *конкретное «содержание»* воспринимаемых событий. В самом деле, ведя речь, например, об использовании параметров для разделения объектов на классы (в моделях А — В), мы совершенно не касались «жизненной роли» каждого из получаемых классов, ибо нас волновала лишь задача экономного хранения этих классов в памяти. Точно так же, говоря о трехдетекторной процедуре идентификации свойств объектов (модель Г), мы не интересовались ролью какого-то конкретного объектного свойства (например, вкуса красного яблока), но лишь самой возможностью идентификации свойства. Наконец, в модели появления вторичной решетки (Е) также не задействованы какие-либо «полезные» свойства воспринимаемых явлений (наоборот, мы специально оговорили желательность исключить такие свойства из рассмотрения).

Во всех этих случаях, если бы мы захотели учесть «содержание» («собственные свойства») конкретных объектов или явлений, троичность могла бы оказаться отнюдь *не самым*

выгодным модельным результатом. Скажем, если в модели (Е), имеющей дело с положительными эмоциями от восприятия регулярности наблюдаемых явлений, таковые сами по себе вызывают эмоции отрицательные (например, это трагические события), то на «выходе» модели мы бы получили вовсе не периодический процесс, но более сложную закономерность (в которой были бы задействованы многоуровневые психические процессы). Словом, во многих конкретных ситуациях поведение человека (равно как и любой информационной системы, включая культуру) может оказаться не подчиняющимся диктату троичности.

Но, конечно же, гораздо интереснее те ситуации, которые предоставляют наиболее *благоприятные возможности* для реализации феномена тернарности. Разумеется, здесь прежде всего надо иметь в виду сферу *искусства*, где, как известно, именно *незаинтересованное восприятие* играет важную роль. Впрочем, такого рода картину мы видим и в целом ряде смежных с искусством областей. Быть может, к числу проявлений данного феномена следует отнести наличие специфической *цветовой триады* в каждой национальной школе живописи (см., например, исследование 822 картин XV–XX вв., принадлежащих к четырем европейским школам: Gribkov, Petrov, 1996; Петров, 2004), *трех главных персонажей* как в народных сказках, так и в иных прозаических произведениях (например, три мушкетера), тернарных структур в *религиозных системах* (Троица), *философии, лингвистике* и др. Так, в *антропологии* мы видим характерные для любой примитив-

ной (и не только) культуры три главных цвета: красный, белый и черный (соответствующие трем основным веществам человеческого организма: крови, сперме и калу — см.: Тернер, 1966/2007). Многочисленные примеры тернарности, господствующей в самых разных областях культуры и социальной жизни, приводит А.И. Степанов (Степанов, 2004).

В перспективе имело бы смысл рассмотреть, в частности, феномен *музыкальной мелодии* — в свете принципа тернарности. В самом деле, слушатель находится в постоянном ожидании — надежде открыть определенную закономерность, *повторяемость* в неких *параметрах* воспринимаемого звукового потока. Число таких «находящихся в состоянии боевой готовности» параметров не может быть более трех по причине вышеупомянутой ограниченности объема первой ступени памяти, способной хранить лишь 8 состояний. В качестве подобных параметров могут выступать, например, тональность, громкость и т. д. Композитор, создающий произведения так называемой «легкой музыки» (например, джаза), обладающей упорядоченностью преимущественно на малых пространствах (которые могут включать диапазон работы первой ступени памяти либо второй, отвечающей временному интервалу до 3 секунд), вполне может довольствоваться лишь одним видом ожидаемых повторений. А в произведениях «серьезной» музыки (например, симфониях), работающих на очень больших временных просторах (до нескольких часов, что отвечает режиму третьей ступени памяти, не имеющей ограничений на объем хранимой

информации), общее количество используемых параметров может быть гораздо больше, ибо они могут функционировать на разных уровнях: один набор параметров — на уровне текущего звучания, другой набор связывает между собой определенные «блоки», а какие-то иные наборы параметров могут обеспечивать повторяемость на более высоких уровнях (в более крупных масштабах).

Равным образом перспективным может стать применение вышеописанного подхода к анализу *поэтических структур*. Тут, несомненно, важную роль должна играть «*трехмеханизменная модель*» языковых процессов. В этой модели участвуют три механизма восприятия сегментов речевого потока: ассоциативный, грамматический и корреляционный, — и все богатство нашего духовного мира обеспечивается взаимодействием трех названных механизмов (см., например: Golitsyn, Petrov, 1995; Голицын, Петров, 2007). Такой конкретный прием, как *рифма* вместе с ее возможными (в будущем) границами, представляется разумным анализировать в свете «удовольствия», получаемого реципиентом благодаря повторению определенных фонем (либо их параметров, либо каких-то иных параметров), как-то подчиняется принципу тернарности. А само существование *свободного стиха* (не пользующегося рифмой) с критериями его отличия от прозы и от стиха «классического» также может изучаться на основе тернарности.

Тем не менее действие данного феномена выходит далеко за границы сферы искусства: он, обладая весьма высокой универсальностью (не-

специфичностью), способен проникать во многие сферы, особенно в те, где велика роль *бессознательного*. Например, трехмерное *семантическое пространство*, характерное для большинства процессов восприятия (а именно такое пространство обычно фиксируется в экспериментах с использованием методики семантического дифференциала, начиная с работ: Осгуд и др., 1957/2007), несомненно, является следствием доминирующей тернарности. Более того, саму *трехмерность* всего нашего *перцептивного мира* (в коем мы живем), скорее всего, следует также трактовать как результат всемогущей тернарности: нам хочется испытывать положительные эмоции от восприятия различных объектов и явлений, а значит, желательно погрузить их в некое трехмерное пространство. Во всяком случае, как показали все рассмотренные (и взаимопереплетенные) модели, и «пространственные», и «темпоральные» мотивы толкают нас к подобному взгляду на мир.

Так, может быть, мы вообще живем в очень *странном мире*, характер которого определяется главным образом нашим желанием получать *положительные эмоции*, разумеется, при заданных внешних ограничениях (конкретных свойствах памяти и процедурах переработки информации)? А в свою очередь, наши положительные эмоции, вызванные процессами установления закономерностей, тесно связаны с самим нашим *выживанием*? (Ведь, чтобы выжить, надо зафиксировать связи, существующие в окружающей среде.) А значит, для выживания нужно постоянно *искать закономерности*, и тернарность является одним из

мощнейших *инструментов* в этом процессе. Возможно, именно здесь корни многих свойств нашего мира, включая его трехмерность?

А идея далее в этом направлении, быть может, удастся найти ключ к знаменитому «*антропному принципу*» — загадке самог существования мира, в котором мы живем?

Мы надеемся, что дальнейшие усилия по «взаимоувязыванию» различных ветвей информационного подхода приведут не только к росту самосогласованности этого подхода, но и к всевозможным новациям как конкретного, так и общего характера.

Благодарности

Автор искренне признателен А.П. Левичу, К.В. Сапожниковой, А.И. Степанову и Р.Е. Тайманову за плодотворные дискуссии по проблемам данной работы.

Литература

Голицын Г.А. Информация и творчество: На пути к интегральной культуре. М.: Русский мир, 1997.

Голицын Г.А., Петров В.М. Информация и биологические принципы оптимальности: Гармония и алгебра живого. М.: КомКнига, 2005.

Голицын Г.А., Петров В.М. Информация. Поведение. Язык. Творчество. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Забродин Ю.М., Лебедев А.Н. Психофизиология и психофизика. М.: Наука, 1977.

Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам (1957) // Искусствометрия: Методы точных наук и семиотики / Под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 278–297.

Петров В.М. Количественные методы в искусствоведении. М.: Академический проект, 2004.

Степанов А.И. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке,

литературе, науке, современной политике, философии, истории. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Сухотин Б.В. Классификация и смысл // Проблемы структурной лингвистики. 1981 / Под ред. В.П. Григорьева. М.: Наука, 1983. С. 52–65.

Тернер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) (1966) // Искусствометрия: Методы точных наук и семиотики / Под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 50–81.

Фомин С.В. Системы счисления. М.: Наука, 1964.

Харуто А.В. Годовой цикл изменения температуры воздуха и народный календарь: статистическое сопоставление // Информация, время, творчество: Тезисы докладов Международной конференции «Новые методы в исследованиях художественного творчества» и Международного симпозиума «Информационный подход к исследованию культуры и искусства» / Под ред. В.М. Петрова, А.В. Харуто. М.:

Государственный институт искусствознания; Московская гос. консерватория им. П.И. Чайковского, 2007. С. 88–93.

Golitsyn G.A., Petrov V.M. Information and creation: Integrating the «two cultures». Basel; Boston; Berlin: Birkhauser Verlag, 1995.

Gribkov V.S., Petrov V.M. Color elements in national schools of painting: A statistical investigation // Empirical Studies of the Arts. 1996. 14. 2. P. 165–181.

Mazhul L.A., Petrov V.M. Logic of finiteness: intellectual systems in the informa-

tion era. 2. Limits to diversity, exactness, and economy // Philosophy of the Information Society (Papers of the 30th International Wittgenstein Symposium) / H. Hrachovec, A. Pichler, J. Wang (eds.). Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2007. P. 150–152.

Petrov V.M. Devices of art: optimal frequency of occurrence (information approach) // R. Tomassoni (ed.). La psicologia delle arti oggi. Milano: Franco Angeli, 2002. P. 43–48.

Факты и размышления

ОБРАЗНАЯ СФЕРА В ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЕ. ВИЗУАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРОПОВ

В.Ф. ПЕТРЕНКО, Е.А. КОРОТЧЕНКО

Петренко Виктор Федорович — заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл исследований в области психосемантики сознания.
Контакты: victor-petrenko@mail.ru

Коротченко Евгения Александровна — аспирант Психологического института Российской академии образования.
Сфера интересов — психология искусства (живопись, в частности), психосемантика, психология восприятия, психолингвистика, арт-терапия.
Контакты: evekoro@yandex.ru

Резюме

Настоящая статья посвящена исследованию визуальной семантики. Проводится аналогия между различными формами метафоризации, используемыми в риторике и филологии (так называемыми тропами: метафорой, метонимией, гиперболой, литотой, оксюморонам и т. п.) и визуальными формами

образного материала, так же, на наш взгляд, дающими возможность метафоризации. Исследование проводится на материале живописи. Утверждается, что функция метафоризации заключается не только, как принято считать в филологии и риторике, в украшении речи, но, с точки зрения психологической науки, выступает как средство трансформации сознания творца и зрителя, порождения и трансформации смысла визуального образа. Ставится проблема энергетического (магического) потенциала образа.

Ключевые слова: *визуальная семантика, смысл, виды тропа, метафора, метонимия, гипербола, литота, оксюморон, психическая энергия*

Цель данной статьи состоит в попытке рассмотреть виды тропов (метафору, метонимию, оксюморон, гиперболу и т. д.) не только как риторические фигуры и средства украшения речи, но и как формы ментальных операций, связанных с работой (деятельностью) по порождению, преобразованию и трансформации смыслов художественной реальности, и распространить анализ действий этих ментальных операторов на образную сферу визуального искусства. Будут рассмотрены визуальные аналоги литературных тропов и дана попытка описания действия тропа на семантику психологического образа, а как следствие этого — на построение, трансформацию и преобразование смысла художественного произведения.

Хотя традиционно литература и живопись рассматриваются как два различных вида искусства, грань между образом, представлением и словом достаточно условна. Художник не копирует на холсте собственное восприятие, а решает, как говорил А.Н. Леонтьев, задачу на смысл, или, другими словами, на осознание экзистенции человеческого бытия и его места в мироздании. Создавая за-

мысел, тему произведения, оперируя представлениями, образами, продумывая композицию, визуальные планы, цветовые и световые решения, художник мыслит формами, красками, звуками, решая образными средствами вечные проблемы существования человека, смысла бытия. Представления (вторичные образы — см.: Гостев, 1998), т. е. образы фантазии или памяти, возникающие у человека силой воображения и без наличия физических стимулов, вообще занимают какую-то мало изученную, в отличие от психологии восприятия (см.: Гибсон, 1988, Барабанщиков, 1997; Величковский, 2005), нишу перехода от образа к понятию. Это область психологии практически terra incognita. На наш взгляд, эвристичным направлением для ее изучения являются голографические модели сознания и памяти (Прибрам, 1980; Талбот, 2008).

Представления выступают тем виртуальным, незримым материалом, в котором художник творит еще не проявленное полотно. Как композиторы сочиняют музыку, проигрывая ее на «немом» (не издающем звуки) пианино, так и художник вначале рисует картину, не используя

кисти, а в собственном воображении. Даже работая на пленэре, он не копирует данность, а выбирает то, что созвучно его раздумьям, его эмоциональному состоянию. Пейзаж выступает проекцией души художника (см.: Петренко, Коротченко, 2009). Сознание и воображение пронизывают творчество и литератора, и художника. «Всякое искусство есть образное мышление, т. е. мышление при помощи образа» (Потебня, 1990, с. 163). О проблемах образа в искусстве см. работы П. Флоренского (Флоренский, 1993; 1996), Р. Арнхейма (Арнхейм, 1973; 1974; 1994; 2004), А. Моля (Моль, 1966), Ф.В. Басина, А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозии (Басин и др., 1978), В.П. Зинченко (Зинченко, 2001; 2005), Г. Руубера (Руубер, 1985), С.Х. Раппопорта (Раппопорт, 1978), А.Л. Ярбуса (Ярбус, 1965), В.Ф. Петренко (Петренко, 1988; 1997; 2005), В.В. Знакова (Знаков, 2005).

В своем творчестве художник не менее рефлексивен, чем писатель, создающий нарративы, или философ, оперирующий всеобщими категориями. И если художник движется от сознательного замысла и смыслового решения к непосредственному созданию материальной плоскости картины, то зритель, отталкиваясь от визуального живописного поля, постигает замысел художника.

Восприятие живописи зрителем требует встречного движения, так же как понимание речи говорящего включает активный процесс встречного порождения, коррекции и реконструкции замысла текста слушающим (см.: Леонтьев, 1967; Ушакова, 2006). От покрытой красками поверхности картины (плана выражения в

терминах Ф. де Соссюра) зритель поднимается к вершинам замысла и духа творца, от относительно простого процесса зрительного восприятия цветовых паттернов — к реконструкции той системы смыслов, вопросов и ответов, которые решал художник.

Читая лекции по общей психологии, А.Р. Лурия любил повторять студентам мысль о симультанности образа и сукцессивности речи (текста), видя в этом одно из их базисных противопоставлений (см.: Лурия, 2004). Но и здесь, на наш взгляд, грань между образом и текстом далеко не абсолютна. В работах И.А. Мельчука (Мельчук, 1974), Ю.Д. Апресяна (Апресян, 1995а;б) разрабатывается модель формализации смысла текста, где содержание последовательности текста сводится к «картинке» — симультанному связанному ориентированному семантическому графу, по узлам которого стоят базисные смыслы (слова этого глубинного языка), а ребра задаются обобщенными отношениями (предикатами этого языка). Симультанный язык смыслов, на наш взгляд, чрезвычайно перспективен для психологии, где мог бы использоваться при изучении целостных инсайтных переструктурировок гештальтов в мыслительных задачах дункеровского типа.

Использование аналогии образа и текста позволило нам дать трактовку «образа как перцептивного высказывания о мире» (Петренко, 1976, с. 270) и открыло возможность применения методов психосемантики и лингвистики для анализа визуального искусства (см.: Петренко, 1988; 2005).

Живописные произведения имеют, как правило, литературную тему,

которая в простейшем случае зафиксирована уже в названии полотна, давая движению ассоциаций литературный дискурс, направление. Это утверждение справедливо, в первую очередь, для классической сюжетной живописи, которая тяготеет к развитию, но развитию уже вне произведения. «...Литературная тема обязательно выводит нас за пределы картины, требует, если можно так выразиться, развития» (Ингарден, 1962, с. 281). Чтобы понять изображенное на картине, нужно обратиться именно к ее литературному аспекту (к ее литературной теме). Р. Ингарден приводит пример (см. рис. 1 на цветной вклейке): «Если, например, мы оставим в стороне всю легенду об Иисусе в том смысле, что выключим ее, рассматривая картину, из своего сознания, то картина Леонардо наверняка будет представлять для нас нечто совершенно иное, чем она “должна” представлять применительно к своему названию. Мы бы видели тогда не Иисуса и его учеников, собравшихся на последнюю трапезу, и не понимали бы вкушение хлеба и вина в духе христианского учения, а видели бы перед собой всего лишь какое-то собрание мужчин разного возраста за общим столом, причем различные жесты и выражения лиц мы понимали бы с трудом или вообще не понимали. Но и тогда в рассматриваемой нами картине содержалась бы определенная литературная тема, хотя и совершенно иная, чем та, которая выражена в ней для нас, если мы знаем историю Иисуса, и благодаря названию картины внимание наше заранее привлечено к определенному моменту этой истории» (там же, с. 283).

Художественный образ символичен по своей природе. «Художественный образ, лишенный этой обобщающей силы [символа] и мощной символической картины этой жизни всегда есть только бессильная натуралистическая копия жизни...» (Лосев, 1991, с. 251).

Переход образа в символ, по выражению М.М. Бахтина, «придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу <...> Подлинный символ своим содержанием соотносится с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума» (Бахтин, 1986, с. 381–382).

Осознание символического значения произведения искусства, по мнению Р. Арнхейма, — это главная задача зрителя, наблюдающего картину (Арнхейм, 1994). Созерцая произведение, зритель ощущает атмосферу, переданную в картине: изображается туманный берег реки, а переживается чувство забвения, успокоения, изображается гора — переживается чувство величия. Каждый из множества художественных (или изобразительных) символов, используемых в жанре пейзажа, имеет собственную интерпретацию и связан с собственным значением (см.: Петренко, Коротченко, 2009). Если представить, как можно изображать, например, умиротворение, то это может быть образ безмятежной морской глади и светлого неба, но вряд ли для этого подойдет картина, запечатлевшая движение множества людей в городском пейзаже.

Как элемент языка искусства художественный образ в каждом произведении искусства неповторим, уникален. Живописный символ многомерен: он рождает в зрителе больше,

чем только, например, безмятежность. Он может навеять некоторую спокойную отстраненность, грусть; он может породить ощущение замедления хода времени или другие переживания — символ может стать резонансным состоянием, образу мысли зрителя. Сложные эмоциональные отклики зрителя на произведение — результат удачно использованных выразительных средств, служащих для создания художественного образа, которыми, в частности, являются тропы.

Одно из определений тропа было дано еще в античности римским оратором Квинтилианом: «Троп есть такое изменение собственного значения слова в другое, при котором получается обогащение значения» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 520). В теории риторики дается следующее определение: «Троп (от греч. “тропос”) — слово или фраза в переносном значении, образное выражение, сдвиг в семантике слова от прямого к переносному значению, например, метафора, метонимия, аллегория, литота, гипербола и т. д.» (Александров, 1999, с. 45). В основе построения многих тропеических образований лежит семантическая несовместимость. Порождая «парадоксальную семантическую ситуацию», тропы раздвигают границы между возможным и невозможным в языке, обеспечивают условия для проникновения в глубинную структуру реальности (Наер, 1976, с. 77).

Рассмотрим классическое определение **метафоры**: «(греч. “metaphora” — перенос) — вид тропа, перенесение свойств одного предмета (явления или аспекта бытия) на другой по

принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту». Примеры метафоры: *Жизни гибельный пожар* (А.А. Блок), *Русь — поцелуй на морозе* (В. Хлебников) (Зарецкая, 2002, с. 261). Ряд авторов (Тимофеев, Тураев, 1978; Зарецкая, 2002) определяют метафору как скрытое сравнение, в котором слова *как, как будто, словно* опущены, но подразумеваются. Метафора замечательна своим лаконизмом, недоговоренностью и тем самым — активизацией читательского восприятия. В отличие от сравнения, где оба члена — то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, — сохраняют свою самостоятельность (хотя ее степень в типах сравнения различна — Чернец, 2000б), метафора создает единый образ, как бы размывает границы между предметами или понятиями (Чернец, 2000а). «По отношению к метафоре такие приемы выразительности, как аллегория, олицетворение, синестезия, могут рассматриваться как ее разновидности или модификации» (Арутюнова, 1979, с. 130).

С точки зрения психологии, слова, образующие метафорическую пару, являются коннотативными (смысловыми) синонимами. Возьмем, например, известное стихотворение Ю.М. Лермонтова:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.*

Оценим (прошкалируем) с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда образ «тучки» и образ «изгнанника», и хотя эти понятия

принадлежат к совершенно различным понятийным классам в пространстве семантического дифференциала, по ряду базисных факторов они займут близкие позиции (т. е. выступают коннотативными синонимами).

Действительно, что общего между человеком-путником и тучкой — облаком водяного пара? Но, исходя из архаической антропоморфизации, приписываемой языком неживым объектам («ветер дует», «дождь идет», «облака бегут, облака»), мы можем приписать элементам метафорической пары сходные психологические переживания и, установив их сходство по ряду одних глубинных факторов, сделать перенос качеств одного объекта на другой. Например, установив близость «тучек» со «странником» по качеству одиночества, можно говорить об их общей отверженности.

На основе метафоризации возможно и мифологическое мышление. Так, в 1990-е гг. в дискуссиях о возможности свободной продажи земли в частную собственность использовался такой аргумент: земля наша кормилица, она дает жизнь, земля нам мать, а мать продавать нельзя. Таким образом, из коннотативной синонимии (общности одного из смыслов: порождать жизнь) переносится качество одного объекта (матери) на другой (земельный участок), а именно недопустимость продажи в собственность.

На языке метафоры разговаривают сны, поэзия, индивидуальное и коллективное бессознательное. Наличие аффекта уменьшает размерность семантического пространства (см.: Петренко, 2005), и категори-

зация объектов переходит от большего числа высокодифференцированных предметно-денотативных характеристик к ограниченному числу глубинных базисных коннотативных факторов. Объекты, относившиеся в нейтральном состоянии сознания к разным семантическим областями и, казалось бы, не имеющие ничего общего в предметном плане, в ситуации уплощения семантического пространства попадают в близкие координаты коннотативного пространства и становятся коннотативными синонимами, что позволяет использовать их как метафоры.

Понятия метафоры, метонимии применяются рядом известных семиотиков и культурологов в суждениях о таком визуальном искусстве, как кино (Лотман, 1973; Иванов, 1973, 1981; Арутюнова, 1979; 1990; Иванов Вяч. Вс., 1998; Шкловский, 1983). Визуальные аналогии с метафорой, метонимией, сравнением, противопоставлением и другими литературными приемами и тропами довольно часто встречаются как в средневековой, так и в современной живописи. «Живописная метафора», так же как и «художественный образ», — понятия, хорошо известные искусствоведам, но редко применяемые в психологии. Обратимся в связи с этим к одному из интуитивных описаний метафоричности живописи в Интернет-статье, посвященной юбилейной выставке работ Дмитрия Жилинского: «Ангелы Жилинского — метафоры. Язык метафор светской живописи (сакральная не в счет, ибо она — окно, раскрытое оттуда, где метафоры становятся Откровением) уместен, когда его расшифровка необязательна. Необязательность эта иллюстрирует

библейское изречение: “Дух дышит, где хочет”. Вот пример из далекого прошлого. Мы смотрим на “Чету Арнольфини” Яна ван Эйка. Видим гениальный портрет. Ух! Сердце бешено колотится. На лбу испарина. И только тогда, в осознании, что привычный порядок более невозможен, что перед нами не повседневный хаос, а космическая мистерия, берем томик Эрвина Панофского и, жадно ища подтверждение нашим догадкам, принимаемся за расшифровку скрытых в бытовых мелочах эмблем и символов. Вот пример из не очень далекого прошлого. Портреты Валентина Серова. Портреты великолепные. Однако не претендующие на то, чтобы быть борхесовской каплей, в которой сверкает и дрожит Вселенная. Скрытые метафоры у В. Серова превращаются в остроумную живописную пантомиму. Сакрального символизма нет и следа. Зато присутствуют удачно найденные зрительные ассоциации: девочка — персики — свежесть; княгиня — ваза — роскошь и т. п. И в первом (ван Эйк) и во втором (Серов) случае зрителю предлагается выбор: хочешь — смотри без перевода на метафорический язык, хочешь — угадывай и сопоставляй» (Хачатуров, 2002, с. 1).

Построение метафоры предполагает объединение разнородных образов, что порождает поэтическую выразительность. «...Два момента, из которых она [метафора] состоит, эстетически вполне равноправны. И это равноправие доходит до того, что оба момента образуют нечто целое и неделимое» (Лосев, 1991, с. 59). «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на

самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора — это вызов природе. Источник метафоры — сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге. Метафора не только и не столько сокращенное сравнение, как ее квалифицировали со времен Аристотеля, сколько сокращенное противопоставление» (Арутюнова, 1990, с. 17–18).

В современных статьях можно найти несколько определений визуальной метафоры. Теоретик кино Н. Кэрролл (Carroll, 1996) полагает, что визуальное изображение не может считаться метафорическим, если в нем нет слияния двух различных областей опыта, образующих новое, пространственно ограниченное бытие. Метафора образуется замещением ожидаемых визуальных элементов неожиданными (при этом между ними не должно быть существующей, конвенциональной связи) (см.: Forceville, 1994; 1995; 1996). Такие определения проясняют природу визуальной метафоры, однако, похоже, являются частными описаниями визуальных метафор. «Изобразительная метафора» глубоко отлична от метафоры словесной: «Она не порождает ни новых смыслов, ни новых смысловых нюансов, она не выходит за пределы своего контекста и не стабилизируется в языке живописи или кино, у нее нет перспектив для жизни вне того произведения искусства, в которое она входит. Сам механизм создания изобразительной метафоры глубоко отличен от механизма словесной метафоры, непременным условием действия

которого является принадлежность к разным категориям двух ее субъектов (денотатов) — основного (того, который характеризуется метафорой) и вспомогательного (того, который имплицирован ее прямым значением). Изобразительная метафора лишена двусубъектности. Это не более чем образ, приобретающий в том или другом художественном контексте символическую (ключевую) значимость, более широкий, обобщающий смысл» (Арутюнова, 1990, с. 22). Метафора в живописи — это источник ярких представлений, она создает образность произведения.

Визуальную и вербальную метафору следует различать ввиду того, что они имеют разные репрезентации, т. е. визуальная и вербальная метафоры рассматриваются как два способа выражения одного и того же. Значение и метафоричность изображения может также быть вызвана тем, как эта мысль отражена в вербальной форме (Refaie, 2003). «Мы читаем художественный текст как шифр <...> символ, знак, метафора и аллегория действительно подразумевают более или менее внятное вербально-смысловое значение» (Арабов, 2003, с. 30). Многие вербальные метафоры могут быть перенесены в визуальный план, т. е. могут быть изображены в рисунке, на картине. С другой стороны, в вербальном плане действительно лучше (проще) выражать действия и хронологию, а в визуальном — пространственные отношения.

Рассмотрим примеры визуальных метафор (рис. 2, 3, 4 на цветной вклейке). На автопортрете Ф. Кало «Сломанная колонна» автор на место своего позвоночника ставит ан-

тичную, колонну, сломанную в нескольких местах, а боль изображает как гвозди, которыми усыпано тело. Сломанная колонна — так ощущает себя Фрида Кало, это метафора ее состояния и переживаний. В визуальной метафоре часто сочетаются самым неожиданным образом различные объекты и их свойства, что является источником новых смыслов.

Визуальная метафора — это всегда загадка для зрителя. Часто в ней сочетаются несочетаемые признаки различных предметов, а это ведет к мгновенному перевороту привычного хода восприятия. Если вербальная метафора может быть отражена в визуальном плане и может быть легко узнана, то чисто художественная визуальная метафора является более сложной для «прочтения».

Картина «Постоянство памяти» С. Дали (рис. 3 на цветной вклейке) — это визуальная метафора. Анализ и интерпретацию ее давали разные авторы (Etherington-Smith, 1993; Zeri, 1999; Поперечный, 2005 и др.). Можно прийти к выводу, что эта картина является метафорой гибкости времени, относительности времени (металлические карманные часы, изображенные рядом с «мягкими», указывают на то, что время может двигаться по-разному: плавно течь или четко идти).

Другой пример визуальной метафоры — картина И. Глазунова «Больной. Последний лист» (рис. 4 на цветной вклейке). Открытая клетка, в которой нет птицы, — это метафора души, отлетевшей от тела. Одинокий листок на дереве указывает на уходящие мгновения жизни. Бюст, стоящий на подоконнике, и тяжело больной человек, изображенные на

картине, входят в оппозицию, как жизнь и смерть, вечное и преходящее. Зритель «читает» «осеннее» настроение картины по облакам, видит последний лист на сухом дереве, пустую клетку птицы, бюст: человеческая жизнь вот-вот оборвется, как вскоре сорвется с ветки этот последний лист. Данная картина пересекается с литературным произведением — рассказом О'Генри «Последний лист», что является своеобразным визуальным цитированием.

Как и в художественном тексте, в картине часто имеет место переплетение множества выразительных средств (в данной картине можно найти как минимум две визуальные метафоры, а также синекдоху), создающих в целом художественный образ.

Метонимия (греч. “metonymia”, букв. “переименование”) в лингвистическом понимании — это троп, в основе которого лежит принцип смежности. Вещь получает название другой, связанной с ней вещи. Явления, приводимые в связь посредством метонимии и образующие «предметную пару», могут относиться друг к другу самым разным способом: вещь и материал (*Не то на серебре, — на золоте едал* — А.С. Грибоедов; *Вся в тюле и в панбархате в зал Леночка вошла* — А.А. Галич.); содержимое и содержащее (*Трещит затопленная печь* — А.С. Пушкин); носитель свойства и свойство (*Смелость города берет*); творение и творец (*Мужик... Белинского и Гоголя с базара понесет* — Н.А. Некрасов); место и люди, находящиеся на этом месте (*Вся Москва об этом говорит*) и др. Метонимия как перенос названия имени основывается на смежности значений, в ос-

новном пространственной, временной и причинно-следственной. Важным свойством метонимии является то, что связь между предметами предполагает, что предмет, имя которого используется, существует независимо от предмета, на который это имя указывает, и оба они не составляют единого целого (Зарецкая, 2002). Метонимия — это яркий символический троп. Она создает и усиливает зрительно ощутимые представления, характеризуя при этом явление не прямым способом, а косвенно. Ю.М. Лотман определяет акт метонимии как выделение существенно-специфического и исключение из рассмотрения несущественного (Ю.М. Лотман и тартуско-московская..., 1994).

Рассмотрим в качестве примера метонимии в визуальном искусстве изображение куклы, лежащей на земле, на картине «Кукла» И. Глазунова (см. рис. 5 на цветной вклейке). На ней не изображен ребенок, но кукла отсылает нас к образу ребенка — это аналог метонимии в визуальном плане.

Такая «визуальная» метонимия функционирует иначе, чем вербальная: здесь нет названий предметов, но остается лишь связь между, например, куклой и ребенком, который с ней играл. Таким образом, изображение куклы отсылает зрителя к воображаемому ребенку, обозначая тем самым ретроспективную направленность сюжета. Перед зрителем явлена кукла, и он может дорисовать в воображении любые (даже самые ужасные) истории, произошедшие с ребенком, который играл с этой куклой.

В живописи метонимия может переходить в скрытое **цитирование**:

например, французские импрессионисты часто использовали сюжеты, темы, композиции великих мастеров эпохи Возрождения, чтобы увидеть в сегодняшнем дне вечные проблемы человеческого бытия, ввести собственное творчество в исторический контекст (хотя на то время соотношение классических образов великих мастеров с образами импрессионистов, ставших со временем также великими, шокировало зрителей). В картинах Гойи «Маха обнаженная» (рис. 6а на цветной вклейке) и Мане «Олимпия» (рис. 6б на цветной вклейке) усматривается цитирование знаменитой «Данаи» и «Венеры Урбинской» Тициана (рис. 6в,г на цветной вклейке). И Венера Урбинская, и Олимпия, и Маха изображены в домашней обстановке; и Венера Урбинская, и Олимпия одинаково опираются на правую руку, у обеих женщин одинаковое положение рук, а правая рука украшена браслетом, взгляд их направлен прямо на зрителя. На обеих картинах в ногах у Венеры Урбинской и Олимпии расположился маленький зверек (котенок или собачка), стоит с ложем рядом служанка. Взгляд обнаженной Олимпии такой же прямой и открытый, как в «Махе обнаженной» Гойи.

Такое «визуальное» цитирование, как и цитирование в литературе, вводит новое произведение в уже известный контекст. Таким образом, на данное полотно переносится часть смыслов, новое осмысляется в категориях уже сложившихся. Подобное цитирование встречается не только в живописи, литературе, но и, например, в различных концертных шоу и перформансах (ср.: исполняя песню

«Жить, чтобы рассказать», певица Мадонна предстает распятой на кресте и с терновым венцом).

Особым видом метонимии является синекдоха. **Синекдоха** (греч. “synekdoche”, букв. “соотнесение”) определяется лингвистами (Розенталь, Теленкова, 1976; Реформатский, 1999; Диброва и др., 1997) как перенос значения с одного предмета, явления на другой по признаку количественного отношения между ними. Например: «*Эй, борода! А как проехать отсюда к Плюшкину?..*» (Н.В. Гоголь), где совмещены значения «человек с бородой» и «борода»; «*И вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ*» (М.Ю. Лермонтов) — о жандармах. Синекдоха отличается от метонимии тем, что оба предмета составляют некоторое единство, соотносясь как часть с целым, а не существуют автономно (Зарецкая, 2002).

Возьмем живописный пример: изображение ног человека, лежащего в постели на картине И. Глазунова «Больной. Последний лист» (см. рис. 4 на цветной вклейке) — это аналог синекдохи в визуальном плане. Изображение части тела отсылает зрителя к целостному образу человека. (О метафоре в данной картине см. выше.)

Еще один пример — картина современного художника А. Айзенштата (см. рис. 7 на цветной вклейке): изображены руки в разных положениях, а зритель в этом усматривает множество смыслов. С одной стороны, это руки разных людей, имеющих разные характеры (разную жестикуляцию) и беседующих между собой. С другой стороны, все они испытывают трудности (экстремальные

трудности) лагерного бытия. У них разные судьбы и одна вилка, чашка, бутылка... — одна участь.

В искусстве и литературе широко используется преувеличение, преуменьшение или какое-то иное нарушение измерения. В художественных образах, писал А.И.Герцен, «для резкости... увеличивают углы и выпуклости, обводят густой краской» (Герцен, 1955, с. 38). Рассмотрим классическое определение **гиперболы**: гипербола (от греч. “hyperbole” — преувеличение) — «чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления» (Аксенова, 1974а, с. 59). Этот прием используется для усиления нужного впечатления. М.В. Ломоносов, причисляя гиперболу к тропам, дает следующее ей определение: «Гипербола, или превышение, есть когда представленная речь несколько натуральное понятие превосходит ради напряжения или послабления страстей, н.п.: бег скорейший вихря; звезд касающийся Атлас; из целых гор иссеченные храмы» (Ломоносов, 1952, с. 54). Визуальный аналог гиперболы также служит для «напряжения» или «послабления» «страстей», т. е. для усиления эмоционального впечатления от изображенного предмета или явления.

В русской литературе к гиперболе охотно прибегали Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.К. Толстой: «*Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега*». Примером гиперболы в живописи будет изображение исполинской фигуры большевика, которая движется с красным знаменем по городу (картина Б. Кустодиева «Большевик», см. рис. 8 на цветной вклейке).

Очень часто приемы выразительности переплетаются в словесном искусстве и в живописи: на картине «Большевик» изображен русский городской пейзаж, который служит метафорой всей России в целом в дни революции (Сандомирский, 2007). Гигантская фигура большевика движется по улице сквозь толпу мелких людишек, он идет и неизбежно вместе со следующим шагом раздавит кого-то, достаточно его одного неловкого движения — и он снесет церковь. Так показана необузданная сила и страх перед ней. Без обращения к мнению искусствоведов и биографов Б. Кустодиева нам трудно оценить то, насколько осознанно он закладывал в этот образ страх перед несокрушимой силой «большевизма», а может быть, художником владело амбивалентное чувство восхищения мощью всенародного подъема и неосознанный страх перед этой силой.

Литота (от греч. litotes) — «троп, противоположный гиперболе... это оборот, в котором содержится художественное преуменьшение величины, силы, значения изображаемого предмета или явления» (Трофимов, 1974, с. 197): *Такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить* (Н.В. Гоголь). Если говорить о визуальных аналогах литоты, то можно привести в пример картины И. Босха (рис. 9 на цветной вклейке): изображение, например, мелких человеческих фигур указывает на ничтожность, суетливость, незначительность греховной человеческой жизни. Каждая фигурка занимается каким-то своим делом, копошится, что создает впечатление хаотичности, беспорядка, это

своеобразный взгляд свыше на человеческие жизни.

Олицетворение (или персонификация — от лат. “personification”) — «такое изображение неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ...» (Аксенова, 1974б, с. 252). Это присвоение признака «духовности» объектам неживого мира, выражение, дающее представление о каком-либо понятии или явлении путем изображения его в виде живого лица, наделенного свойствами данного понятия: *Пели пули, били пулеметы, ветер упирал ладони в грудь...; Все безрадостнее, все явственнее ветер за плечи рвет года* (Н. Асеев). Примером визуального аналога олицетворения можно считать персонажей из мультфильма «Мойдодыр» (рис. 10 на цветной вклейке). Главный персонаж данного мультфильма (и сказки) наделен свойствами человека: он говорит, вздыхает, двигается, смотрит, но при этом является умывальником.

Кроме этого, олицетворение всегда есть там, где изображаются, например, античные боги или стихии в облике людей. На рис. 11 на цветной вклейке изображены ветра в человеческом облике. Поскольку при использовании приема олицетворения неживой предмет наделяется свойствами живого, зритель получает возможность ярче представить данный предмет.

Аллегория (греч. allos — иной и agogeo — говорю) — это «иносказательное изображение отвлеченного понятия при помощи конкретного, жизненного образа: в баснях и сказках хитрость показывается в образе лисы, жадность — в облике волка,

коварство — в виде змеи и т. д.» (Розенталь, Теленкова, 1976, с. 19). «Аллегория — конкретное изображение предмета или явления действительности, заменяющее абстрактное понятие или мысль. Зеленая ветка в руках человека издавна являлась аллегорическим изображением мира, молот являлся аллегорией труда и т. д.» (Крупчанов, 1974, с. 12) «Аллегория есть формально-логическая общность», т. е. автор, используя аллегорический образ и изображаемое с его помощью явление: «Баснописец вовсе не думает, что животные по-человечески говорят» (Лосев, 1995, с. 152).

«Происхождение многих аллегорических образов следует искать в культурных традициях племен, народов, наций: они встречаются на знаменах, гербах, эмблемах и приобретают устойчивый характер. Многие аллегорические образы восходят к греческой и римской мифологии. Так, образ женщины с завязанными глазами и с весами в руках — богини Фемиды — аллегория правосудия, изображение змеи и чаши — аллегория медицины» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 35). Богиня Психея часто изображается как бабочка или сопровождается бабочкой (рис. 12 на цветной вклейке). Психея, согласно греческой мифологии, — «смертная, обретшая бессмертие, стала символом души, ищущей свой идеал» (Годфруа, 1992, с. 83–84). Множество примеров аллегорий можно встретить в средневековой живописи.

Аллегория как средство усиления поэтической выразительности широко используется в художественной литературе. Она основана на сближении

явлений по соотнесенности их существенных сторон, качеств или функций и относится к группе метафорических тропов (Riesel, Schendels, 1975, s. 220). В психологическом смысле аллегория — это возможность пережить некоторое «озарение», переживание открытия, когда некоторая идея представлена с помощью неожиданных средств. В случае с живописью переживание такого «озарения» сохраняется, но оно переживается менее остро, поскольку зритель, как правило, осведомлен о том, что часто греческие божества изображаются в человеческом облике.

Оксюморон (греч. — острая глупость) в лингвистическом значении — это «сочетание противоположных по смыслу определений, понятий, в результате которых возникает новое смысловое качество» (Аксенова, 1974в, с. 252), нарочитое сочетание противоречивых понятий: *Смотри, ей весело грустить* Такой *нарядно-обнаженной* (А. Ахматова). Оксюморон основан на неожиданном сочетании предметов или явлений. «Если в сознание одновременно ввести логически несовместимые вещи, то механизм сознания начинает искать способ связывания их в непротиворечивое целое <...> Сознание пытается избавиться от двусмысленностей» (Аллахвердов, 2001, с. 66–72).

В качестве оксюморона приведем пример анекдота советских времен. К очередному ленинскому юбилею в

рамках социалистического соревнования различные промышленные производства выпустили юбилейную продукцию: мебельная фабрика — трехспальную кровать под лозунгом «Ленин с нами»; банно-прачечный комбинат — мочало под девизом: «По ленинским местам» и т. п. Часовой завод, в свою очередь, выпустил часы с кукушкой. Ровно в двенадцать часов они отбивали бой, открывалось окошко и из него выезжал на броневике, с указующим жестом Владимир Ильич и произносил: «Ку-ку».

Совмещение несовместимого в оксюмороне, объединение двух противоположных частей создает, как в физике, эффект аннигиляции частицы и античастицы, сопровождающийся выбросом энергии. Объединение сакрального (образа великого вождя) и профанного (часы с кукушкой), вызывая множество амбивалентных эмоций, уменьшает исходную энергетику эмоционально значимого объекта¹. По-видимому, это достаточно универсальный прием карнавальной культуры (в духе М. Бахтина — Бахтин, 1965) или смеховой (в духе Лихачева — Лихачев, 1984), кстати, необязательно ведущей к десакрализации объекта осмеяния. В глубоко религиозной средневековой Испании в дни карнавала прихожане вполне могли пародировать епископов и знать в духе раблезианских шуток на тему физического низа, а в современной католической Испании свободно можно купить куклы, изображающие

¹ Интересно отметить, что этот анекдот уже не вызывает соответствующую эмоциональную реакцию у молодого поколения. Образ вождя перестал быть для них сакральным, а анекдот кощунственным, соответственно и дающим эмоциональный выброс. Очевидно, мы переживаем время не только «смерти богов» (Ницше), но и «смерти вождей».

монахов и священников, нажатие на расположенный сзади куклы рычажок поднимает ее огромный половой член. Можно вспомнить и отечественную телепередачу «Куклы» времен правления Б. Ельцина, в которой осмеяние политических лидеров велось скорее к их узнаванию и популяризации в народе, к приближению к народным персонажам (типа Василия Ивановича или Петьки с Анкой-пулеметчицей). В 1990-е гг. при вынужденной посадке правительственного вертолета с высшими государственными чиновниками где-то в глухой глубинке России к вертолету бежали местные жители с радостными криками узнавания: «Куклы прилетели!»

Приведем пример визуального аналога оксюморона: картина Ф. Гойи «Пожилая женщина, смотрящаяся в зеркало», или «Las viejas» (эта картина имеет разные названия) (рис. 13 на цветной вклейке) — яркий пример оксюморона.

Картина выражает иронию сатирика, ему удалось создать выразительный острый и лаконичный образ пожилой женщины с ярким макияжем, характерными кокетливыми жестами и мимикой. Одежда, аксессуары, прическа — все это не сочетается с выражением лица и возрастом. Гротесковое преувеличение не остается незамеченным для зрителя: такой портрет воспринимается, с одной стороны, как глубоко психологичный, с другой — как юмористический.

Перифраз (греч. “perifrasis” — описательное выражение) в лингвистике — «троп, в котором название предмета, человека, явления заменяется указанием на его признаки...»

(Аксенова, 1974г, с. 267), «стилистический прием, заключающийся в непосредственном, описательном обозначении предметов и явлений...» (БЭС: Языкознание, 2000, с. 371): *Юная птомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном* (молодая талантливая актриса) (А. Пушкин). Визуальный аналог данного тропа требует того, чтобы на картине были изображены действия, атрибуты, символы некоторого явления, которое само не показано. Например, иллюстрации на страницах или обложках учебников литературы, на которых изображены перо, чернильница, бумага при свете свечи. Примером визуального аналога данного тропа будет известная картина Жана Батиста Шардена «Атрибуты искусства» (см. рис. 14 на цветной вклейке). На картине не изображен художник, но понятно, что все предметы на картине используются им и составляют, например, натюрморт, над которым работает не изображенный художник.

Антитеза (греч. antithesis — противоположность) — «резко выраженное противопоставление понятий или явлений» (Крупчанов, 1974б, с. 18). Рассмотрим пример визуального аналога антитезы: картина Э. Делакруа «Тигр, напавший на лошадь» (рис. 15 на цветной вклейке). Здесь противопоставление реализуется даже на уровне цвета: сталкиваются две роли, два характера — охотник и добыча.

К приемам работы с живописными образами можно отнести способы преодоления временной статичности и введение динамики изображения. В триптихах и на клеймах икон (житиях святых) отдельные

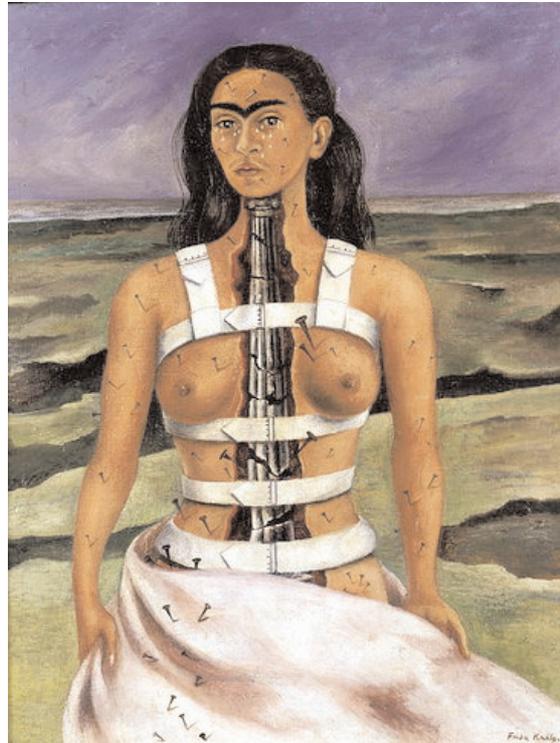
Рис. 1

Леонардо да Винчи. Тайная вечеря

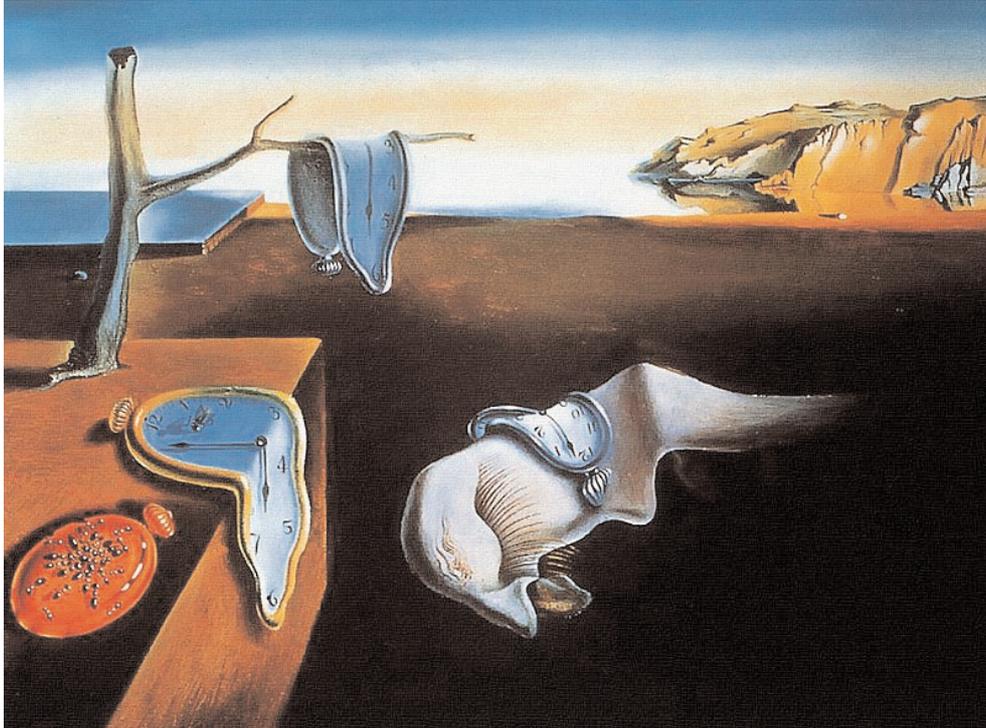

Рис. 2

Ф. Кало. Сломанная колонна

С. Дали. Постоянство памяти

И. Глазунов. Больной. Последний лист

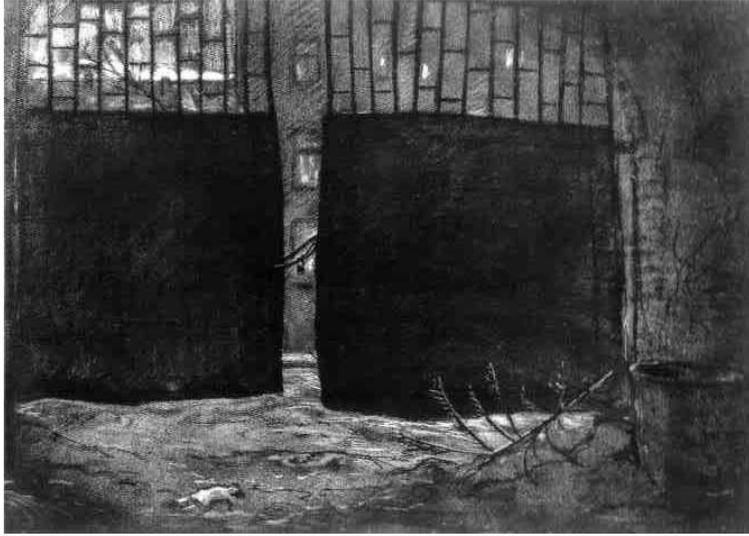

Рис. 5
И. Глазунов. Кукла

Рис. 6а
Э. Гойя. Маха обнаженная

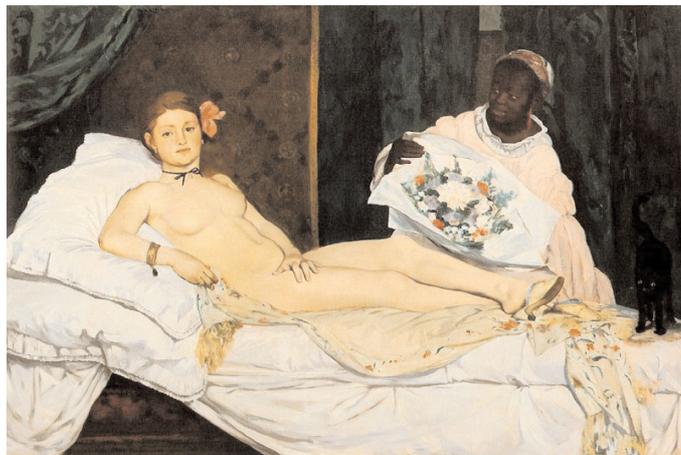

Рис. 6б
Э. Мане. Олимпия

В. Тициан. Даная

В. Тициан. Венера Урбинская

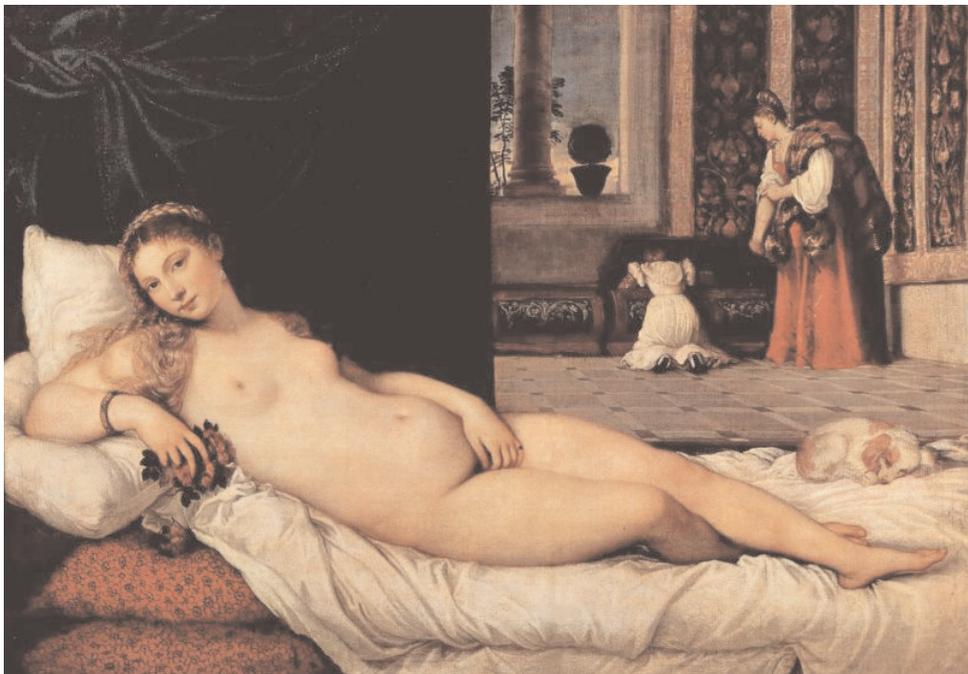
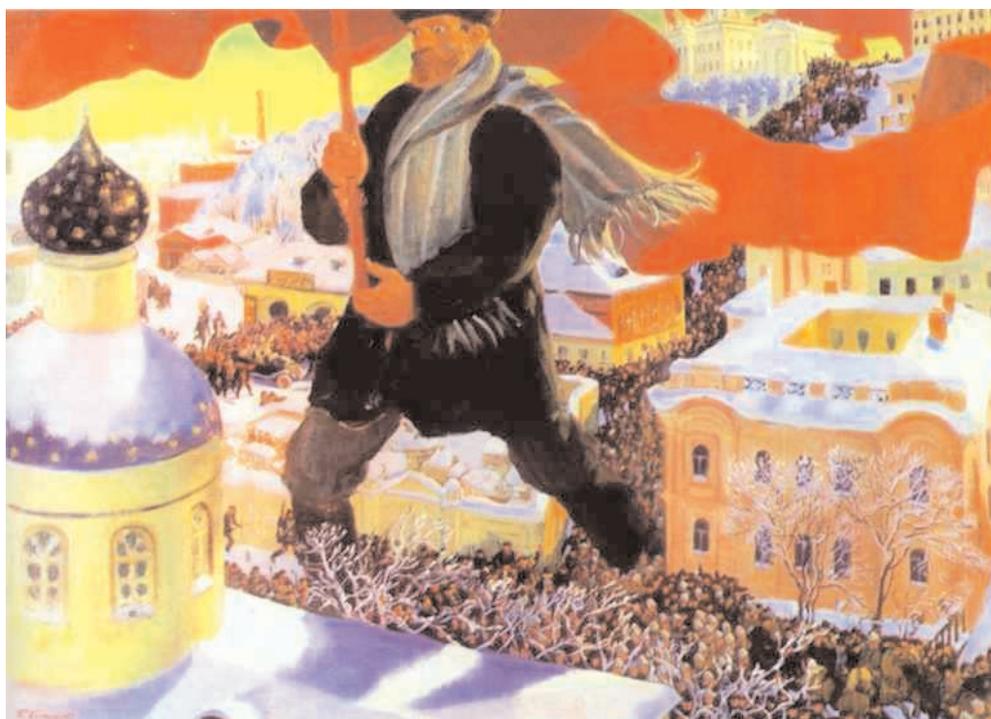

Рис. 7
А. Айзенштаг. Feast in the camp
(Праздник в лагере)

Рис. 8

Б. Кустодиев. Большевик

И. Босх. Сад земных наслаждений (центральная часть триптиха)

Рис. 10
И. Прокофьева. Мойдодыр
(Союзмультфильм, 1954,
по сказке К. Чуковского)

Дж. Баттиста Тьеполо. Ветра (часть фрески)

Рис. 11

Рис. 12
Э.Дж. Пойнтер.
Психея в храме любви

Рис. 13
Ф. Гойя. **Пожилая женщина,**
смотрящая в зеркало

Musée des Beaux-Arts
Lille France

eeveemts.com/goya

Рис. 14

Ж.-Б. Шарден. Атрибуты искусства

Рис. 15
Э. Делакруа.
Тигр, напавший на лошадь

Рис. 16а

И. Босх. Сад земных наслаждений

Рис. 16б

Икона Преподобного
Сергия Радонежского с житием

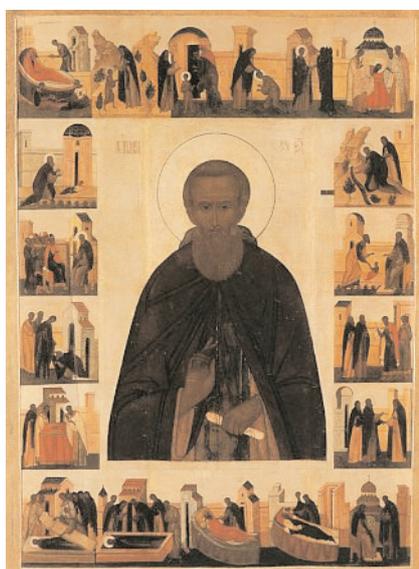

Рис. 17

П. Пикассо. Скрипка и виноград

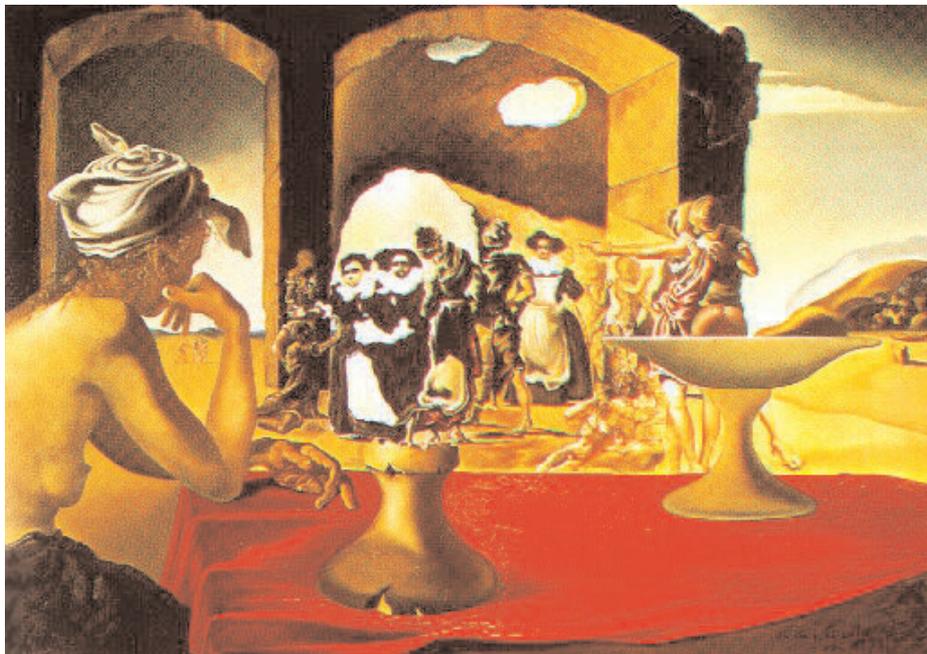

Рис. 18
Ханс фон Аашен. Смеющаяся пара

С. Дали. Невольничий рынок с исчезающим бюстом Вольтера

Рис. 19

Картина неизвестного корейского автора

события связаны в рассказ, такое «серийное» изображение является приемом выразительности (см. рис. 16а, 16б на цветной вклейке). Рассматривая одну часть изображения за другой, зритель имеет возможность проследить за изменениями сюжета. Это своего рода кадры, в которых может быть передано развитие действия.

Некоторые выразительные средства, используемые в живописи, редко применяются в литературе: например, нарушение **предметной логики** (ср. у Пикассо — изображение скрипки в разных проекциях — рис. 17 на цветной вклейке). Изображение предмета в разных проекциях — это прием, позволяющий отойти от стереотипов, совместить разные точки зрения, сравнить и сопоставить. Такое изображение создает новые смысловые акценты.

В живописи, в отличие от литературы, неизбежно фиксируется **позиция наблюдателя**, как правило, совпадающая с позицией создавшего произведение художника. В литературном тексте может быть несколько позиций: автора, повествователя, рассказчика, главного героя, а также возможна смена позиций в ходе повествования, например, герой произведения становится насекомым и начинает иначе видеть мир в «Превращении» (1915) Ф. Кафки и в «Общем деле “Грентон Стар”» (1996) в новелле Ирвина Уэлша. В литературном тексте смена позиций растягивается во времени, тогда как на картине это дано одновременно. Так, используя прием изображения **зеркала**, можно одновременно зафиксировать несколько возможных позиций наблюдателя (см., например,

на картине «Смеющаяся пара (Joking Couple)» Ханса фон Аашена на рис. 18 на цветной вклейке). Мужчина, держа зеркало, вождленно смотрит на молодую женщину. Она же, глядя в зеркало, любит себя. Таким образом, в картине (как в полифоническом романе, по М. Бахтину) фиксируется множественность позиций наблюдателя: взгляд мужчины, молодой женщины и зрителя, позиция которого, по-видимому, совпадает с позицией художника.

Зеркало — нередкий прием в визуальной семантике, оно создает так называемую «матрешечность»: изображение пространства в пространстве. Живописный рассказ дан всегда зрителю в определенном ракурсе: «Предметы... изображенные на картине, могут быть видимыми для нас только с какой-то определенной стороны и расстояния, с той стороны, которую раз навсегда выбрал и запечатлел в своей живописи художник» (Ингарден, 1962, с. 280). С помощью зеркала художник может увеличить число ракурсов. В живописном произведении данные приемы дают возможность рассмотреть объект с разных сторон и открывают больше измерений в картине. Здесь заложена символичность — возможность увидеть скрытое, понять тайное. Этот прием вводит наблюдателя, которому представлено нечто неявное. Чем больше позиций наблюдателя в произведении (как в живописи, так и в литературе), тем более многомерна художественная реальность. В живописи острее, чем в литературе, зафиксирована позиция наблюдателя. В литературе похожим приемом является использование гипертекста, текста в тексте.

На картине С. Дали «Невольничий рынок с исчезающим бюстом Вольтера» (см. рис. 19 на цветной вклейке) используется психологический феномен чередования **фигуры-фона**, благодаря чему зритель видит попеременно то двух монахинь (другая интерпретация — дам в голландских платьях), то бюст Вольтера работы скульптора Гудона.

Помимо психологического феномена смены «фигуры – фона», образующего различные смысловые фигуры (гештальты), на динамику восприятия влияют также движения глаз по плоскости картины. Переключение внимания с одного элемента изображения на другой создает их смысловое противопоставление или наоборот, подчеркивает ощущение их смысловой близости. Эта особенность человеческого восприятия наиболее целенаправленно используется в искусстве натюрморта, пейзажа, при монтаже в киноискусстве.

Рассмотрим в качестве примера образных оппозиций картину корейского художника (рис. 20 на цветной вклейке), дающую несколько смысловых противопоставлений: незыблемого и постоянного (дома на скальной твердыне) и вечно изменяющегося, мягкого и пластичного (горного потока). Но здесь же присутствует и иная оппозиция: рукотворного (человеческого жилья), а значит — подверженного тлению и распаду, и природного, непрерывно меняющегося, но остающегося вечным (горного потока).

Отметим также особые ментальные операции, на которых строится образность киноискусства. Это, помимо монтажа, укрупнение план, смена позиции съемки. Использо-

вание ряда из последовательно сменяющихся друг друга кадров при монтажном построении фильма задает смысловой дискурс, влияет на эмоциональное состояние зрителя (эффект Кулешова) и в конечном итоге, влияет на его понимание. Монтажное построение сильнее и более выразительно по сравнению с построением «с одной точки» (Эйзенштейн, 1938).

Картина (изображение) словно текст, который можно прочесть. Удачно использованные тропы в тексте являются одним из источников его образности, придают ему новый смысл. Тропы могут изменить способ восприятия содержания текста: всякий раз, когда есть возможность, опираясь на сравнение или метафору, можно использовать воображение и домыслить или развить сюжет. Каждый прием выразительности каким-то образом трансформирует художественный образ. Это приемы-средства (психотехники) работы с образной сферой, они подталкивают зрителя к фантазированию и меняют его эмоциональное состояние. Использование **прямой и обратной перспективы, феномена зеркала, динамики фигуры-фона, смены позиции наблюдателя, смены планов, монтажа** и др., очевидно, имеет универсальный характер в семиотике искусства.

Общее обсуждение

Когда старший по возрасту соавтор настоящей статьи был студентом, нам читал курс общей психологии ученый с мировым именем А.Р. Лурия, который четко разделял блок когнитивных процессов (процессы

памяти, мышления, речи) и эмоционально-энергетический блок психики человека (потребности, эмоции, мотивы). Это противопоставление не было для Александра Романовича абсолютным, и он сочувственно цитировал высказывания Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна о «связи эмоциональных и когнитивных процессов», о «единстве аффекта и интеллекта». Тем не менее и в наши дни взаимосвязь этих сфер психического (когнитивного и эмоционального) остается мало изученной, и проблемы волевого действия, поступка, языка, творчества, эмоционального состояния чрезвычайно редко рассматриваются в едином контексте и как единый процесс.

В недавно опубликованной обстоятельной статье В.Л. Шульца и Т.М. Любимовой рассматривается, в частности, восходящая к В. Гумбольдту идея внутренней энергии языка и участия его в волевом действии. «Выражая волю, язык становится действием. Происхождение языка, по его мысли, следует искать в силе и воле людей и народов. Именно потенциальное действие, заложенное в вербальных формах и выражающее историческую волю, структурирует и определяет действительность. Этот тезис М. Фуко (1994) восходит к В. Гумбольдту» (Шульц, Любимова, 2008, с. 45).

Оригинальным преломлением гумбольдтовских идей стала так называемая «философия имени» — самобытное течение в русской философии 10–20 годов XX в. (П.А.Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев). По мысли А.Ф. Лосева, внутреннее ядро имени образуется некоей силой, энергией. Слово заряжается энергией через свое инобытие в раз-

личных пластах бытия. «Уметь владеть именами — значит мыслить и действовать магически» (Кассирер, 2008, с. 42). «Магическое слово не описывает вещи и отношения между вещами; оно стремится производить действия и изменять явления природы, магическая функция слова явно доминирует над семантической функцией (Кассирер, 1990, с. 159). Мирощущение немецких романтиков, французских символистов, упомянутых выше русских философов — православных экзистенциалистов о магии слова, о символическом образе как отображении трансцендентального находит свое выражение в русской поэзии символистов и акмеистов Серебряного века (Блока, Гумилева, Ахматовой).

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонил лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
.....
Не забыли мы, что осеянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.
(Гумилев, 1990, с. 201)*

Представление о тексте, об образном искусстве, способном нести внутреннюю энергию, меняющем эмоциональные состояния не только самого творца произведения искусства, но зрителя или еще шире — способном трансформировать энергетику местности и социума сподвигло нас написание этого текста.

Рассмотрев примеры метафоры и других тропов, мы попытались расширить эту филологическую проблематику на более широкую семиотическую область, включающую визуальное искусство, сопроводив текст статьи многочисленными иллюстрациями, позволяющими обращаться к художественной интуиции в одном лице — читателя и зрителя. Глубокие мысли и наблюдения в этой области уже высказывались Ю.М. Лотманом (Лотман, 1973; 1994), В.В. Ивановым (Иванов, 1973; 1981), Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1990), Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Лакофф, Джонсон, 1987). Особенность нашего видения этой проблемы заключена в том, что, будучи профессиональными психологами, мы рассматриваем фигуры тропов, в первую очередь, как ментальные операции, конструирующие психологический образ, вводящие его в целостный контекст (дискурс) ситуации, задающие его эмоциональную окраску и порождающие и акцентирующие его смыслы.

«Искусство... обладает столь высокими художественными образами, цель которых заключается не только в том, чтобы быть самодовлеющим предметом бескорыстного удовольствия, но и быть орудиями ориентации человека в безбрежном море действительности, а также инструментом для ее *творческого переделывания*» (Лосев, 1995; курсив наш. — В.П., Е.К.).

Рассмотрим в качестве примера психологического анализа коммуникативного воздействия работу психотерапевта в рамках подхода НЛП (нейролингвистического программирования) (см.: Бендлер, Гриндер,

1995), объединившего в своем методическом арсенале различные психотехники: от бихевиоральных приемов в духе условнорефлекторных методик Павлова до мягкой гипнотерапии и работы с образами Милтона Эриксона. Одна из основных работ Р. Бендлера и Д. Гриндера не случайно, на наш взгляд, называется «Структура магии», ибо в рамках этого подхода вербальный текст суггестора рассматривается как магическое действие, что близко по мысли приведенному выше высказыванию Э. Кассирера.

В отличие от психоанализа, где психоаналитик выступает своеобразным дешифровщиком посланий бессознательного (снов, оговорок, неадекватных поступков и т. п.), в связи с чем его работа требует сложной реконструкции вытесненного из памяти прошлого пациента, практикующий представитель НЛП не может интересоваться содержанием травмирующего переживания того человека, которому он помогает. Пациента просят представить (но не рассказывать) ситуацию, вызвавшую мощные негативные переживания, проецируя ее, как в кино, на плоскость воображаемого экрана, и наблюдать эту ситуацию со стороны, как зритель. Пациент может приблизить или удалить от себя киноэкран, приглушить или сделать более яркими краски, изменить четкость изображения и т. п. В любом случае он переходит из позиции страдающего объекта, с которым **«это произошло»**, в позицию субъекта наблюдателя и исследователя, осознающего еще один свой жизненный опыт. И дело не только в большей саморефлексии, переводящей личную травму

в прецедент общечеловеческого опыта. Использование ментальных операций изменяет эмоциональные установки, психические состояния, общую энергетику человека (например, от эмоционально-депрессивного состояния к состоянию духовного покоя или даже творческого подъема, когда самоосмысление нуждается в заинтересованном диалоге).

В художественной литературе прием «отстранения» широко используется, например, в романах А. Камю, где события собственной жизни персонажа рассматриваются как бы со стороны и полностью отстраненно. Например, в романе «Посторонний» главный персонаж, описывая предстоящую ему смертную казнь за свершенное убийство, переходит на эмоционально нейтральный «бихевиоральный» язык: «Именем французского правительства мне должны отрезать голову» и т. д. В рассказе Н.В. Гоголя повествование по поводу получения чиновником долгожданного ордена ведется с позиции его собаки, не понимающей всей этой социальной символики и оценивающей орден с точки зрения съедобности/несъедобности.

В романе Ф. Кафки восприятие мира дается и вовсе глазами хищного насекомого, в которое превращается персонаж. Если прием «отстранения» позволяет снять эмоциональный накал воспринимаемой ситуации, деперсонализировать ее, то восприятие с иной точки зрения, с позиции иноязычного, инокультурного, инопланетного (как в «Солярисе» С. Лема) существа позволяет снять привычные формы категоризации ситуации, самого себя, мира. И не просто по-другому увидеть, а построить

иные миры бытия, дать, как это обозначил Карлос Кастанеда (Кастанеда, 2006), «иные точки сборки».

Рассмотрение поэзии и живописи с точки зрения используемых ими ментальных операций, операциональных приемов работы со смыслами (выраженными, в частности, в тропах), необходимо требует расширения понятийного тезауруса филологических и семиотических понятий и введения в него в качестве рабочих таких понятий, как: «энергия», «представление», «эмпатия» и «сопереживание», «синхроничность», «измененные формы сознания», «магия слова» и «магия образа», «мысль-действие», «мысль-образ», «опредмечивание» и «распредмечивание» представлений фантазии, «построение художественных возможных миров». А.А. Гостев полагает: «Многие люди не понимают, что их судьба зависит от содержания их воображения, что фантазии могут — к счастью или к сожалению — реализовываться произвольно. Дело в том, что образы формируют своеобразные “матрицы”, которые, притягивая психическую энергию человека, наполняются “жизненным материалом”. В результате создаются программы для реализации желаемого или нежелательного» (Гостев, 1998, с. 6).

Эта новая область изучения энергетики коммуникативного воздействия, возникающая на стыке видов искусства — поэзии и живописи, гуманитарной науки (философии, семиотики, лингвистики, языкознания, психологии, теории коммуникации) и естественных наук (физики, теории информации, проксемики, синергетики) ждет своих первопроходцев и исследователей.

Литература

- Аксенова Е.* Гипербола // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974а.
- Аксенова Е.* Олицетворение // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974б.
- Аксенова Е.* Оксюморон // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974в.
- Аксенова Е.* Перифраз // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974г.
- Александров Д.Н.* Риторика: Учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 1999.
- Аллахвердов В.М.* Психология искусства: Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: ДНК, 2001.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. Т. 1.
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995б. Т. 2.
- Арабов Ю.Н.* Кинематограф и теория восприятия. М.: ВГИК, 2003.
- Архейм Р.* Визуальное мышление // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент. Душанбе, 1973.
- Архейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
- Архейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
- Архейм Р.* Визуальное мышление. 2004. URL: <http://www.philosophy.ru/library/katr/arnheim1.html>.
- Арутюнова Н.Д.* Лингвистика и поэтика. М.: Просвещение, 1979.
- Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Барабанщиков В.А.* Динамика зрительного восприятия. М.: Наука, 1990.
- Барабанщиков В.А.* Окуломоторные структуры восприятия. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
- Басин Ф.В., Прангишвили А.С., Шеро-зия А.Е.* О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве // Вопросы психологии. 1978. № 2.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Бендлер Р., Гриндер Д.* Рефрейминг: Ориентация личности с помощью речевых стратегий. Воронеж: НПО «Модек», 1995.
- Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М.: БСЭ, 2000.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. М.: Академия; Смысл, 2006.
- Герцен А.И.* // Русские писатели о литературном труде (XVIII-XX вв.): Т. 1 / Под ред. Б. Мейлаха и др. Л.: Сов. писатель, 1955
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гумилев Н.* Стихи. Письма о русской поэзии. М.: Худ. лит., 1990.
- Годфруа Дж.* Что такое психология. М.: Мир., 1992. Т. 1.
- Гостев А.А.* Дорога из зазеркалья: Психология развития образной сферы человека. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Гриндер Д., Бендлер Р.* Структура магии. М.: КААС, 1995.
- Диброва Е.И., Косаткин Л.Л., Щеболева И.И.* Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. Ч. I.

- Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры / Сост. Н.Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990.
- Зарецкая Е.Н.* Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2002.
- Зинченко В.П.* Мышление и язык. М., 2001.
- Зинченко В.П.* Загадка творческого понимания: (К 100-летию Д.Б. Эльконины) // Вопросы психологии. 2005.
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: Изд-во ИП РАН, 1994.
- Знаков В.В.* Психология понимания. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Иванов В.В.* Фильм в фильме // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6; Тарту, 1981. Вып. 14.
- Иванов Вяч. Вс.* Нечет и чет: Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки славянской культуры, 1998. Т. 1.
- Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
- Кастанеда К.* Путешествие в Икстлан: Фолио, 2006.
- Крутичанов Л.* Аллегория // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974а.
- Крутичанов Л.* Антигега // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974б.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. М.: Прогресс, 1987.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистика. Л.: Наука, 1967.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
- Лихачев Д.С.* Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
- Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7.
- Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
- Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
- Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
- Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2004.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «смысл-текст». М.: Наука, 1974.
- Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.
- Наер В.Л.* Конспект лекций по стилистике английского языка. М., 1976.
- Петренко В.Ф.* К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность / Под ред. А.Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 268–293.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Петренко В.Ф.* Лекции по психосемантике. Самара: СамГПУ, 1997
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
- Петренко В.Ф., Коротченко Е.А.* Категориальная структура восприятия живописи // Современная психофизика / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН, 2009 (в печати).
- Поперечный И.* Игры разума Сальвадора Дали. Новосибирск, 2005.
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1980.
- Раппопорт С.Х.* От художника к зрителю. М., 1978.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Аспект пресс, 1999.

- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976.
- Руубер Г.* О закономерностях художественного визуального восприятия. Таллин: Валгус, 1985.
- Сандомирский С.* Искусство прочтения живописи. Взгляд // Русский глобус. Интернет-журнал: <http://www.russian-globe.com/N59/Sandomirsky.Kustodiey.Bolshevik.htm>. 2007. № 1. Январь.
- Талбот М.* Голографическая Вселенная. М.: София, 2008.
- Тимофеев А.И., Тураев С.В.* Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1978.
- Трофимов И.* Литота // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.
- Ушакова Т.Н.* Психоллингвистика. М.: ПЕР СЭ, 2006.
- Флоренский П.А.* Обратная перспектива // Иконостас. Избранные труды по искусству. М.: Русская книга, 1993.
- Флоренский П.А.* Иконостас // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2.
- Хачатуров С.* Бумажные ангелы // Время. 2002. № 90. 23 мая (URL: <http://www.vremya.ru/print/23313.html>).
- Чернец Л.В.* «Ночевала тучка золотая...» (О метафоре) // Русская словесность. 2000а. № 6.
- Чернец Л.В.* «...Плыло облако, похожее на рояль» (О сравнении) // Русская словесность. 2000б. № 2.
- Шкловский В.Б.* Избранное: В 2 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1.
- Шульц В.Л., Любимова Т.М.* Язык как метареальность и прогностическая структура // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 38–50.
- Эйзенштейн С.М.* Монтаж. М.: ВГИК, 1998.
- Ярбус А.Л.* Роль движений глаз в процессе зрения. М.: 1965.
- Carroll N.* A Note on Film Metaphor // Journal of Pragmatics. 1996. 26 (6). 809–22.
- Etherington-Smith M.* The Persistence of Memory: A Biography of Dali. Westminster, Maryland: Random House Inc, 1993.
- Forceville C.* Pictorial Metaphor in Advertisements // Metaphor and Symbolic Activity. 1994. 9 (1). 1–29.
- Forceville C.* IBM is a Tuning Fork: Degrees of Freedom in the Interpretation of Pictorial Metaphors // Poetics. 1995. 23. 189–218.
- Forceville C.* Pictorial Metaphor in Advertising. London: Routledge, 1996.
- Refaie E.* Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // Visual Communication. 2003. 2. 75.
- Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. Moskau, 1975
- Zeri F.* Dali, The persistence of memory. Nde Publishing, 1999.

*Специальная тема выпуска:
Психодиагностика в России через 5 лет*

РОССИЙСКАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА В КАНУН ПЕРЕМЕН

Современная психодиагностика в ее лучших образцах — это плод многих десятилетий совместных усилий психологов и специалистов по математической статистике, стандарты и традиции отбора и обучения на психологических факультетах, отработанная правовая база для практической психодиагностической работы и многое другое. Историки науки могут спорить об объективных и субъективных причинах Постановления ЦК ВКПб «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», вышедшего в 1936 г., однако сегодня несомненно, что это постановление, как и проводившаяся вслед за ним в течение 40 лет политика в отношении тестов и тестирования, существенно затормозили формирование психодиагностической культуры в нашей стране.

В настоящее время складывается ощущение, что отечественная психодиагностика находится в поле влия-

ния сил, которые способны вызвать перемены в ее состоянии в ту или иную сторону. На одной чаше весов — тенденции укрепления и обновления нашей психодиагностики. Так, существует серьезный и при этом платежеспособный спрос на психодиагностику со стороны практики. Кроме того, наша фундаментальная наука, в той или иной степени находясь в русле общемировых тенденций, осваивает различные психодиагностические сферы, включается в психодиагностическую проблематику. На другой чаше весов лежит груз накопившихся проблем: нецивилизованный рынок методик, факты психодиагностической безграмотности некоторых выполняемых психологами работ и т. д. Эти проблемы создают мощную инерцию: многие люди нашли себе ниши при нынешнем состоянии дел; изменения, такие как строгое соблюдение авторских прав на методики, не могут не причинить

неудобств более или менее значительному числу психологов.

Противоречия ведут к «брожению» в психологическом сообществе. Работа в соответствующем направлении началась в рамках Российского психологического общества. В сентябре этого года в Челябинске состоялась конференция «Современная психодиагностика в изменяющейся России». Любая конференция такого плана — это своеобразная рефлексия научного сообщества, попытка осмыслить текущую ситуацию в предметной области и обозначить основные пути развития. Интересно, однако, что в данном случае основной акцент был поставлен скорее не на содержательных проблемах психодиагностики. Конечно, работали секции по различным направлениям, обсуждались конкретные методики и наработки. Однако лейтмотивом конференции стали вопросы, касающиеся организации и структурирования ситуации в области психодиагностики в России в целом. Как должна строиться сертификация специалистов и методик? Как должно происходить обучение разработчиков тестов? Как могут выстраиваться отношения разработчиков методик и их конечных пользователей?

В этом номере журнала вниманию читателя предлагается интервью-прогноз «Психодиагностика в России через 5 лет». Ответить на вопросы интервью приглашены специалисты разных направлений — исследователи-разработчики, преподаватели университетов, представители крупнейших консалтинговых компаний в области оценки персонала. Такой состав участников связан с тем, что психодиагностика, как никакая другая

научная область, находится на стыке теоретических разработок и проблем практического использования тестов. Здесь встают вопросы не только фундаментальных исследований, но и адекватности конечного продукта таких исследований, его применимости и окупаемости. Специалисты в этой области говорят не только на языке науки, но и на языке бизнеса, анализируют запрос на новые методы со стороны конечного потребителя, оценивают собственную конкурентоспособность на рынке психодиагностических методик, пытаются прогнозировать прибыль и возможные риски при том или ином развитии ситуации. Понимают ли друг друга исследователи-разработчики тестов и специалисты-практики? Умеют ли они слышать друг друга? Сходным ли образом видят они потребности и перспективы российской психодиагностики?

Журнал попросил участников интервью ответить на восемь вопросов, а потом предоставил возможность познакомиться с ответами друг друга и дать заключительный комментарий. Проф. Н.А. Батуриц, организатор конференции в Челябинске и инициатор обращения журнала к психодиагностической тематике, любезно согласился дать более подробный комментарий. Комментарий Н.А. Батурина идет первым, затем расположение отражает алфавитный порядок фамилий авторов.

В заключение раздела публикуется постановление Президиума Российского психологического общества по проблемам психодиагностики.

Журнал, как и во всех подобных случаях дискуссий по острым актуальным проблемам психологии,

принимает на себя функцию нейтральной площадки, дающей возможность высказаться всем сторонам. Все же хотелось бы подчеркнуть одну позицию, которая представляется весьма важной для судьбы нашей психодиагностики. Участники интервью практически единодушно отмечают проблему кадров, способных вести образование психодиагностов. Однако понятно, что учить учителей могут только те, кто обучились сами в процессе собственных исследований. Отсюда принцип — хорошее высшее образование может быть лишь там, где есть хорошая фундаментальная наука. Поэтому локомотивом развития психодиагностики у нас вряд ли может стать что-либо, помимо науки.

Дискуссия, прошедшая в этом номере журнала, получит продолжение в Интернет-пространстве в рамках

проекта А.Г. Шмелева по адресу www.ht.ru. На сайте А.Г. Шмелева уже обсуждались вопросы, близкие к тем, что затрагиваются в нашем интервью. Можно отметить разделы «Система сертификации» (<http://www.ht.ru/press/certification/>) и «Блоги экспертов» (<http://cabinet2.ht.ru/infolane/index.php?act=bloggers>).

По материалам дискуссии там создан экспертный опросник с адресом <http://cabinet.ht.ru/surveys/?page=respond&user=ags08&object=s08121101>. Надеемся, что во всех этих обсуждениях сложится то самосознание психодиагностического сообщества, которое, наверное, и является ключом к прогрессу отечественной психодиагностики.

Д.В. Ушаков, Ю.А. Денисова

ИНТЕРВЬЮ-ПРОГНОЗ

Вопрос 1. Каково будет соотношение на нашем рынке отечественных и адаптированных зарубежных психодиагностических методик? Как будет складываться конкурентная борьба российских и зарубежных компаний, разрабатывающих и внедряющих психодиагностические тесты?

Н.А. Батурин. При ответе на первый вопрос сразу необходимо уточнить понятие «наш рынок» (в области психодиагностики). Рынок действительно НАШ, родной, но легальный, надводный рынок небольшой, большой — нелегальный. А на таком рынке очень трудно предсказать какое-либо «соотношение». Если примем хороший вариант развития и через пять лет рынок станет в основном цивилизованным и легальным, то есть надежда, что на рынке соотношение будет 30 к 70 с преобладанием зарубежных психодиагностических методик.

Конкурентная борьба будет вялой. Выдержать ее будет очень трудно, так как нашим, скажем, «хилым организациям» противостоят транснациональные корпорации с филиалами во многих странах по всему миру (Pearson, SHL, Hogreve и т. д.), со штатом в сотни человек, с годовым оборотом, исчисляемым в сотнях тысяч долларов. Для примера: в этом году корпорация Pearson поглотила (купила) обе части компании Harcourt почти за миллиард долларов. Думаю, что о стоимости наших компаний лучше промолчать. У нас издание методик — это не бизнес, а любительство.

Уже сегодня в Москве работают несколько представительств зарубежных компаний. Например, компания SHL уже больше 10 лет в России предлагает 270 методик. В ближайшее время начнут работать представительства компаний LTP и CO. С нашей стороны — девять отечественных фирм, предлагающих ассортимент, более чем на половину состоящий из устаревших, но опять же зарубежных методик. Фактически только половина из них занимается разработкой и внедрением новых отечественных методик.

Кроме того, ситуация с распространением методик кардинально меняется за последние годы, особенно в сфере обслуживания бизнеса. Фирмы переходят от продаж методик к аутсорсингу и продаже услуг по диагностике. Психолог, пройдя обучение в компании, получает стимульный материал, а ключи, обработку и даже интерпретацию заказывает у компании, получая отчет в виде графика или диаграммы.

Однако не все так безысходно. Психодиагностическое сообщество «должно встать на защиту отечественного производителя», например, введя требование сертификации в наших Центрах методик, используемых зарубежными фирмами на территории России. Могу предсказать, что большинство таких методик не пройдут стандартизацию на отечественных выборках, а следовательно, не смогут быть сертифицированы.

Нужно предпринимать и другие меры. О них в ответах на следующие вопросы.

М.К. Акимова. По-моему, число отечественных психодиагностических методик существенно возрастет и сравняется с количеством зарубежных адаптированных. Основания для такого вывода у меня следующие: издание журнала «Психологическая диагностика» и мой опыт обучения курсу психодиагностики молодого поколения психологов показывают, что очень многие начинают понимать значение влияния фактора культуры на результаты диагностических методик; отсюда неудовлетворенность и разочарование тем, что дают переводные методики даже для исследовательской работы, а тем более для психологической практики. Поэтому увеличивается число работ, направленных на создание отечественных методик, причем методик качественных, соответствующих психометрическим требованиям и имеющих теоретическое обоснование. Однако в основном это опросники, а разработок тестов почти нет, поскольку их создание требует усилий коллектива психодиагностов и больших временных затрат. Относительно конкуренции российских и зарубежных компаний, разрабатывающих психодиагностические методики, пока говорить рано: ее нет сейчас и в ближайшие годы, по-моему, не предвидится. Кроме того, снова встает вопрос об учете культуры и особенностей развития и формирования человека: отечественные психодиагносты должны разрабатывать отечественные методики, кроме них этого не сможет сделать никто. Возможно, в отдаленном будущем встанет вопрос о конкуренции российских разработчиков методик.

К.В. Осетров. На этот вопрос очень хочется отвечать патриотично: мол, в России будет увеличиваться доля отечественных методик, а лет через пять они вообще вытеснят все зарубежные тесты на российском рынке. Но, к сожалению, оснований для подобного оптимизма очень мало; в практике используются, конечно, российские психодиагностические тесты, только вот разработаны они зачастую несколько десятилетий назад и уже давно требуют доработки и адаптации, а вновь разрабатываемые методики очень редко становятся востребованными и популярными. Причин такого положения дел,

как мне кажется, несколько. Это и специфика обучения психологов в нашей стране, и отсутствие серьезных психодиагностических и психометрических традиций, и существенный разрыв между практической и фундаментальной психологией, ведь востребованными скорее могут стать те методики, которые были разработаны с учетом реальных запросов среды, а не просто в рамках, например, защиты конкретной кандидатской диссертации. Вряд ли ситуация в этой области существенно изменится в ближайшие пять лет. А конкурентная борьба российских и зарубежных компаний, занимающихся адаптацией и распространением тестов, не кажется мне острой и непредсказуемой. Эти компании в целом занимают собственные ниши на рынке и сосуществуют, как мне представляется, практически не мешая друг другу. Зарубежные фирмы-разработчики обслуживают преимущественно иностранные компании, где их инструменты адекватно воспринимаются и вписываются в общую концепцию работы с персоналом. Российские компании, занимающиеся адаптацией или модификацией иностранных тестов, страдают скорее от обилия нелегально используемых методик, а не от реальной конкуренции. Для того чтобы данное соотношение было нарушено, на рынок психодиагностических услуг должны повлиять какие-либо существенные внешние факторы, а такие вряд ли появятся в ближайшее время.

М.В. Розин. Я рассуждаю так: кризис будет долгим (2–3 года). У зарубежных компаний будет мало денег для выхода на новый рынок. В целом статус и ореол Запада, а значит, западных компаний и их методик несколько понизится. Идеи «своего пути» и некоторой локальности (чтобы меньше зависеть от мировых пертурбаций) будут нарастать. Соответственно можно рассчитывать, что будет больше отечественных психодиагностических методик.

Л.Ф. Бурлачук. Я думаю, что через 5 лет по-прежнему лидирующее положение будут занимать известные «старые» зарубежные тесты (разумеется, в их современных модификациях), но это уже не будет контрафактной продукцией, с которой психологи привыкли иметь дело. Есть все основания полагать, что реальной адаптацией этих тестов займутся два-три специализированных издательства. О конкуренции говорить сложнее, поскольку начнется эта работа с создания подразделений западных издательств в России. Насколько мне известно, первые шаги в этом направлении уже сделаны. Вероятно, со временем это будут полностью российские издательства. Надо полагать, что отечественные методики (вероятно, поначалу немногочисленные) уже через 2–3 года будут соответствовать международным стандартам. Необходимость следования международным стандартам сегодня является одним из условий вхождения наших психологов в международное психологическое сообщество не в качестве почетных его членов, чем многие напрасно гордятся, а в качестве полноправных деятелей и производителей конкурентоспособной продукции и, если хотите, участников международного психологического рынка, на котором нам пока торговать нечем.

А.Г. Шмелев. Если не произойдет глобальных катаклизмов (вроде присоединения НАТО к Шанхайскому договору...), то никаких принципиальных изменений в соотношении я не ожидаю. Уже сейчас сложилась определенная тенденция: зарубежные методики доминируют в транснациональных корпорациях. И это понятно, так как там к персоналу предъявляются международные требования. А в национальных российских компаниях зреет понимание того, что зарубежные тесты работают хуже, хотя они значительно дороже. Так что рост присутствия транснациональных корпораций будет действовать как фактор в одну сторону, а разочарование в зарубежных тестах в российских компаниях — в другую. Исключения для определенных невербальных психодиагностических методик возможны. Но никакой глубокой работы по созданию, например, особых кейс-тестов для России со стороны зарубежных компаний я не ожидаю. Потому что это очень дорого и невыгодно, а они (в отличие от нас) умеют считать деньги.

А.Б. Балунов. Никакой борьбы не будет, как ее нет и сейчас, поскольку практически не существует современной отечественной психодиагностики. Госбюджетные учреждения (московские академические психологические институты и университетские факультеты психологии) давно уже не могут или не хотят продуктивно работать в этом направлении. По крайней мере, наши неоднократные попытки найти (заказать) там какие-нибудь оригинальные разработки, интересные для рынка, готовые к производству, не увенчались успехом. Коммерческим структурам, работающим в области практической психологии, очень трудно содержать научную лабораторию (как известно, процесс создания методики занимает несколько лет). Вся надежда на разработчиков-энтузиастов, которые, конечно, не могут конкурировать с известными зарубежными компаниями. Не вижу причин для изменения этой ситуации через 5 лет.

Л.Н. Собчик. Ситуация с психодиагностикой в нашей стране осложняется тем, что с 1936 г. ее успешное развитие было блокировано, а когда она перестала носить на себе клеймо лженаучного направления, то прошло долгих 70 лет,

Акимова Маргарита Константиновна — заведующая кафедрой Российского государственного гуманитарного университета, заведующая лабораторией Психологического института РАО, главный редактор журнала «Психологическая диагностика», доктор психологических наук.

Области научных интересов — природа и сущность интеллекта (докторская диссертация посвящена теме «Интеллект как динамический компонент в структуре способностей»), нормативный подход к диагностике индивидуальности и личности, разработка методов диагностики и коррекции когнитивной сферы школьников.

Контакты: m.k.akimova@rambler.ru

и мы теперь вынуждены наверстывать упущенное. Но востребованность этих методов в настоящее время, с одной стороны, раскрывает возможности для совершенствования в этой сфере, с другой — происходит наплыв плохо проверенных, «халтурных» методик с уродливой интерпретацией отчасти из-за плохого перевода, отчасти из-за психологической безграмотности их разработчиков. На Западе тестирование применяется в той степени, в какой это необходимо в связи с тщательным профессиональным отбором, но в связи с отсутствием какого бы то ни было централизованного подхода каждая организация решает этот вопрос по-своему. Там уже прошла волна повального увлечения тестами и наблюдается большая избирательность.

Но, к сожалению, зарубежные психологи, особенно американские, слишком уповают на психометрику, ищут легких путей выявления компетенций или признаков отклонения от нормы путем математического анализа, как бы забыв о роли психолога, его подготовленности и задатков, которые необходимы для работы с человеком, с личностью.

К осторожности в применении методов математического анализа призывают нас известные в этой области специалисты. Они пишут о том, что «явления, составляющие предмет гуманитарных наук, неизмеримо сложнее тех, которыми занимаются точные науки. Они гораздо труднее поддаются формализации». «В психологии нет собственных единиц измерения, которые можно было бы соотнести с психическими феноменами.., хотя математика, несомненно, систематизирует мышление и позволяет выявить закономерности, не всегда очевидные»¹. Естественно, что для начинающего специалиста формализованные показатели являются опорными пунктами, той линией отсчета, с которой он берет старт, опираясь на добытые разработчиком теста опыт и знания, тем самым оберегая себя от грубых ошибок. Но что касается полной и достоверной оценки личности, то я бы не сводила психодиагностику только к психометрическим критериям.

Настоящее владение методами исследования личности нельзя подменить измерениями; это искусство, которое приходит с опытом, но для освоения которого нужен и особый склад личности. Б.В. Зейгарник считала, что психологом нужно родиться, чтобы быть наделенным психологическим даром Божьей милостью.

Математический анализ необходим, он заслуживает всяческого уважения. Но нельзя буквально воспринимать статистические выкладки, когда речь идет о столь сложной структуре, как личность, которую нельзя втиснуть в узкие формализованные рамки.

Огорчает также разобщенность отечественных психологов, ревниво-конкурентное отношение к иным взглядам и новшествам, недоверчивое отношение к когда-то отвергаемым методикам, а заодно и к тем, кто с ними работает. Прежде чем с порога что-то отвергать, не мешало бы отнестись к работам коллег вдумчиво, а если спорить, то аргументированно.

¹ См.: Сидоренко Е.Н. Математические методы анализа в психологии. СПб.: Речь, 2005.

Если развитие психодиагностики пойдет правильным путем с учетом вышесказанного, то у нас все сложится отлично. Надо больше обмениваться опытом. Я рада, что в последнее время появилась тенденция к общению психологов разных школ. Раньше мы были очень разъединены. А я за сотрудничество.

Т.В. Корнилова. Если отечественные методики будут повторять пути разработки зарубежных, то, конечно, они будут проигрывать, поскольку несопоставимы затраты, опыт и квалификация разработчиков. Нужно разрабатывать новые подходы, чтобы выигрывать. Но пяти лет для этого явно недостаточно. Новые технологии, построенные на новых моделях, могут появиться только в результатах деятельности людей, владеющих накопленным надындивидуальным опытом и творчески использующих его в новых перспективах.

В своем эссе «Наука и культура» М.К. Мамардашвили говорит о различии творчества профессионалов и дилетантов именно по критерию владения современными схемами мышления, связывая «второе рождение» человека именно с освоением надындивидуальных знаний.

Это известная истина: повторяя, вечно будешь догонять. Но это не значит, что повторять не следует. Повторять в отечественных методиках уже разработанные методологические пути надо хотя бы для того, чтобы владеть современным уровнем психодиагностики и не изобретать велосипеды. Пока же остается только мечтать о том, чтоб нашим студентам в практикуме преподавали не ММРП или наличествующий на всех развалах литературы отечественный аналог, а современные психодиагностические подходы к разработке методик.

Часто слышишь, что у нас нет хороших тестов, зато есть хорошие теории. Но пока теоретический подход не операционализирован, он не будет иметь отношения к диагностической практике. У нас есть два примера. Первый — «экспериментальные методики патопсихологии», разработанные и испробованные Б.В. Зейгарник (совместно с учениками) и С.Я. Рубинштейн. Они остаются золотым фондом отечественной науки, которым уже практически не пользуются. Они ушли с рынка. И дело не только в том, что психолог меняет направление, переходя к проблематике психологии здоровья. Дело в том, что такого типа качественная диагностика требует и определенного уровня качества квалификации психолога, который должен владеть диагностическим

Базаров Тахир Юсупович — профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, учредитель Центра кадровых технологий — XXI век, вице-президент Российского психологического общества, доктор психологических наук. Автор более 90 научных работ, среди которых учебники и учебные пособия по социальной психологии, управлению и оценке персонала. Руководитель более 50 консультационно-исследовательских проектов, в т. ч.: Аттестация представителей Президента РФ (1993 г.), Отбор персонала для работы в центральном аппарате Госкомимущества РФ (1995, 1997–2001 гг).
Контакты: tbazarov@mail.ru

мышлением, а не просто методикой (скажем, исключения лишнего понятия, пиктограммы и т. д.), быть мыслящей личностью. Качественные диагностические методики (примером которых являются «патопсихологические») предполагают большой диапазон размышлений психолога относительно того, почему данный человек демонстрирует такие данные, т.е. требуют самостоятельности мышления, включают не только опору на базовые знания, но и на интуицию, требуют экспертного мышления. Ему научить трудно.

М.К. Мамардашвили говорил, что мысль — это всегда усилие и акт, не переносимый из одной головы в другую. Лучшее, что может преподаватель, — способствовать тому, чтобы ученик сам осуществлял акты мышления. А усилия прилагать трудно, не всегда хочется. Куда проще взять нормативный текст с заданными клише интерпретаций, чем всерьез разбираться с индивидуальным случаем.

Второй пример — та линия обучающего эксперимента, построенного на основе культурно-исторической концепции, которая в сегодняшних мировых изданиях известна как динамическое тестирование². Это случай, когда отечественная методологическая парадигма легла в основу зарубежных диагностических методик.

Таким образом, на научном «рынке» хорошо конкурируют наши теоретически обоснованные подходы, если ассимилируют современную культуру к апробации психодиагностических средств.

Я часто с удовольствием слушаю очень «правильные» размышления коллег о том, что такое интеллект или что нужно развивать в обучении, но не вижу их следующего шага — к разработке средств операционализации своих представлений в диагностической методике.

Ввиду малого опыта разработки методик и слабого развития контроля за профессиональной деятельностью психологов (и в области практики, и в области науки — отсутствие сертификации и оценки научных проектов, планов исследований, проверки наличия лицензии на методики), рынка методик как бы и нет. В основном продающиеся тесты — это методики для работников в сфере HR и консалтинга, при этом представление о психологическом ассессменте и у их «разработчиков», и у «пользователей» может быть очень приблизительным. Т.е. методики есть, но непонятного качества, мало кто учит их использовать, а многие специалисты в областях их практического применения имеют весьма отдаленное представление о сути психодиагностики.

Кроме всего прочего, как нам говорила Б.В. Зейгарник, психодиагностика — это всегда диагностика чего-то (особенностей мышления, мотивации и т. д.). Я не вижу пока отечественных «компаний», которые были бы ориентированы на содержательные аспекты разработки тестов. Так, совершенно неважным многие считают такое «малозначительное» различие при построении тестов, как различие в диагностируемой психологической реальности, и в

² Sternberg R.J., Grigorenko E.L. Dynamic Testing: The Nature and Measurement of Learning Potential. Cambridge, 2002.

результате психометрика оказывается общей при характеристике интеллектуальных и личностных тестов.

Необходимо развитие и «внедрение» как культуры разработки (а это невозможно без опоры на мировой опыт психодиагностов), так и культуры применения (а это невозможно без учета мирового опыта контроля, оценки, экспертизы профессиональной деятельности психологов во всех областях,

Для вхождения в мировое научное сообщество за 5 лет можно построить практику, соответствующую закону об авторских правах. А то наши студенты считают не просто «нормальным», но «обязательным» использование, например, пиратского статистического софта. При этом научные и учебные учреждения должны обеспечивать свои коллективы и студентов такими программами, как это происходит во всем мире. Итак, если появится рынок и у рынка будет хорошая система оценки продуктов — будут поначалу в основном адаптированные зарубежные методики. Если система оценки будет хромать — появится огромное количество «сырых» продуктов от «отечественного производителя», не владеющего в основной массе должными нормативами.

Пока рынок выглядит как «ухватить и использовать» (т. е. продавать диагностический продукт). Правильным мне представляется иной путь: разрабатывать тесты в контексте решения содержательных психологических задач (значит, в рамках научного исследования), заказчикам включаться в этот процесс и лишь потом продавать что-то на рынке.

Но практикующие коллеги-психодиагносты идти по этому пути не хотят. Мой опыт апробации методики для диагностики глубинной мотивации, которую я с разрешения наследников автора могу использовать только в некоммерческих целях (в учебной и научной работе в университете), меня удручает именно с точки зрения взаимоотношений в научном сообществе. Ко мне многократно обращались (из разных центров РФ и русскоязычного зарубежья) с просьбой дать методику. Я объясняю, что дать могу только в рамках целей общего использования (с кем-то из МГУ); скажем, вы собираете данные по ней и включаете в общий банк, мы помогаем с построением оценки критериальной валидности теста (с точки зрения целей заказчика), в интерпретационной части и т. д. Для реализации этого нужно заключать с договор о творческом сотрудничестве (речь идет о бесплатном варианте обучения и сотрудничества). Но как только становится понятным, что они не могут взять

Балунов Аркадий Борисович — основатель и президент Группы компаний Иматон (Комплексное обеспечение психологической практики), вице-президент Санкт-Петербургского психологического общества. Выпускник факультета психологии ЛГУ. Инициатор и руководитель общероссийских проектов: «Психологическая газета», Выставка достижений практической психологии, Национальный конкурс «Золотая Психея».
Контакты: ab@imaton.com

методику, опубликовать и бесконтрольно ее применять в любых целях, сразу все разговоры и заканчиваются. Исключение было одно: психолог из МВД не поленился составить договор и теперь благополучно использует эту методику.

Поскольку на разработку методики, предполагающей содержательное обоснование конструкторов и латентных переменных, апробацию на разных выборках и в разных ситуациях уходит очень много усилий, этот вид профессиональной деятельности не может быть просто делом личного интереса. Он должен специально финансироваться. Мне, однако, не известны такие центры, которые заказывали бы разработку диагностических средств для решения конкретных задач (иное дело — есть центры с конвейером разработки методик на продажу, у них в основном практика перелопачивания чужих авторских методик «новыми» авторами на новый лад).

Сможет ли изменить ситуацию государственный заказ? Для ЕГЭ он состоялся. Но что-то психологов он не обрадовал. В мировой образовательной практике (Европа и США) в последнее десятилетие очень сильна тенденция связывать ассесмент в образовании с психологическими теориями, в частности теориями способностей. Если специалисты в области образования решат, что это необходимо, конечно, зарубежные методики будут поначалу переводиться и превалировать в этой области.

Хотелось бы, чтобы этому делу специально учили студентов, магистрантов и аспирантов. Имеется в виду особая специализация на факультетах психологии университетов. Особенность данной специализации могла бы состоять в том, что с начальных курсов студентам предоставляется возможность участвовать в реальных проектах адаптации, создания и апробации диагностического инструментария.

А.Н. Гусев. Мне представляется, что особых изменений в соотношении отечественных и зарубежных методик не будет. По-видимому, будет идти закономерный процесс создания нового отечественного инструментария и адаптация зарубежного, как и в других странах. Почему не будут преобладать отечественные: 1. «Россия не родина слонов» — это первый и самый главный фактор; имеется в виду то, что в мировом разделении психодиагностического труда наши психологи не занимают сколько-нибудь достойного, выдающегося места. Нарботок зарубежных коллег пока намного больше, и они в целом более высокого качества. 2. Тем не менее в соответствии с известным законом диалектики Г.В.Ф. Гегеля о переходе количественных изменений в качественные в нашей стране наряду с лавинообразным ростом массы дипломированных психологов (конец 1990-х гг. — начало текущего столетия) наблюдается постепенное увеличение числа грамотных профессионалов, способных как адаптировать зарубежные методики, так и проектировать и создавать новые. Мне кажется, что эти два процесса идут параллельно.

Конкурентной борьбы я не предвижу, поскольку большинство зарубежных психодиагностических методик в нашей огромной и многонациональной стране требуют серьезной адаптации и стандартизации, а эту работу эффек-

тивно смогут выполнить только наши отечественные специалисты-психологи. Поэтому лучше говорить не о конкуренции, а о сотрудничестве российских и зарубежных компаний, обмене опытом, взаимодополнительности усилий и инвестиций. Вообще конкуренцию очень трудно прогнозировать, поскольку реального и более или менее цивилизованного рынка психодиагностических продуктов в нашей стране пока нет. Надеюсь, что все-таки будет. Моя надежда подтверждается целенаправленной активностью моих коллег (Н.А. Батурин, С.Б. Малых и др.) по проведению всероссийского мониторинга использования психодиагностических методик (2006–2007 гг.) и созданию их компендиума.

Вопрос 2. Как будут строиться обучение и профессиональная карьера специалистов в области психодиагностики и разработки тестов?

Т.В. Корнилова. В идеале это не отдельная специализация, но дополнительные курсы по современной статистике, психодиагностике и психометрике, а также постдипломное образование при обязательном взаимодействии со специалистами из других областей (математики-статистики, консалтинга). Обучение с обязательной жесткой сертификацией не на уровне «вопрос — ответ», а на уровне «задание — решение», т. е. вот тут как раз в качестве заданий для сертификации идеальны: 1) проектные методы, 2) кейсовый метод. Но именно эти методы, как требующие ненормированных усилий и креативности от преподавателей, практически не задействованы в нашем образовании. Нужно учить психодиагностике в новом формате трансляции знаний, а значит, учиться нужно преподавателям.

В курсе экспериментальной психологии мы имели непродолжительный опыт такого «проектного» обучения, пока оно финансировалось в рамках полученного факультетом гранта. В целом же эта практика отклика у коллег не вызвала, и вновь погружаться в работу такого уровня тот же коллектив преподавателей не стал. Значит, сами образовательные центры сначала должны прийти к пониманию необходимости инноваций в их рамках.

Батурин Николай Алексеевич — декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), заведующий кафедрой психологической диагностики и консультирования, научный руководитель лаборатории психодиагностики, научный руководитель психодиагностического предприятия «ПсиХрон», доктор психологических наук, профессор. Руководитель комиссии по психодиагностике при Президиуме Российского психологического общества, член Экспертного совета РПО. Автор ряда диагностических методик и комплексов, а также более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий.
Контакты: nikbat@list.ru

Хорошо, если обучение психодиагностике, в том числе и в целях разработки методик, будут оплачивать компании, заинтересованные в новых специалистах, т. е., например, с обязательством проработать на компанию в течение хотя бы двух лет. Профессиональная карьера в этой области возможна, если будет достаточное количество «контор», т. е. если будет рынок. И если, например, в ходе «просветительских» мероприятий заказчики начнут обращаться с запросами в эти профессиональные центры, сведущие в разработке методик. Это «контрактный тип» работы. В мировой практике часто встречается и уход людей «из науки» как таковой в фирмы, занимающиеся разработкой методик и т. д. Пример — компания Educational Testing Service (ETS), разрабатывающая тесты SAT, GRE, GMAT, TOEFL и т. д. для поступающих в университеты, бизнес-школы, аспирантуры и т. д. На ETS работает целая армия «психометристов», каждый год обкатываются тысячи новых заданий.

Хорошо бы, чтобы был «проектный» метод не только в обучении студентов, но и в способе объединения усилий заказчиков и профессиональных разработчиков. Тогда специалист в области психодиагностики курирует проект, в котором энное количество психодиагностов работают над решением конкретной задачи, а им выплачиваются деньги из средств проекта. Пока я не вижу, однако, у молодого поколения желания быть «рабочими лошадками». Все хотят сразу быть авторами тестов, не понимая, что такой наукоемкий и трудоемкий продукт, как психологический тест, не может быть результатом индивидуальной работы.

Не думаю, что оправданно создание отдельных «психодиагностических» центров, ориентированных только на коммерческие заказы с полной занятостью. Я вижу такие центры в будущем в качестве филиалов университета или института. Все-таки вне научной деятельности трудно строить профессиональное развитие, и только люди, остающиеся в науке, могут курировать такие проекты, потому что именно они отвечают за «имплементирование» новых научных идей и психодиагностических подходов в какую-либо практическую область.

Выделение уровня бакалавра могло бы служить основой для формирования состава психологов, которые сначала включались бы в качестве исполнителей в диагностические разработки. Переходя же на следующие образовательные уровни, они могли бы строить свои карьерные планы уже как исследователи, ведущие самостоятельные проекты.

Значит, без университетского подспорья (в любом варианте, в том числе и академического института) не обойтись либо университет должен оказаться внутри компании по разработке тестов. Такой оргструктуры у нас пока не было.

К.В. Осетров. Здесь важно уточнить, о ком мы говорим: о специалистах, применяющих психодиагностические методики, или о разработчиках тестов. Потому что компетентность психологов-практиков, применяющих психодиагностические инструменты, — это напрямую вопрос качества преподавания на факультетах психологии. А вот построение обучения специалистов в области психометрики и разработки тестов — это, на мой взгляд, действитель-

но интересная проблема. Вряд ли таких специалистов в стране должно быть много, я скорее настороженно воспринял бы возникновение подобных программ и специализаций в рамках общего психологического образования во всех без исключения вузах на территории нашей страны. Мне представляется, что подобное обучение должно строиться в виде определенного курса семинаров, причем, учитывая состояние отечественной психометрики и ее отставание от мировых разработок, такое образование неизбежно должно включать классы приглашенных зарубежных специалистов. Очень хочется верить, что именно по такому пути пойдет развитие отечественной психодиагностики в ближайшие 5 лет. А в профессиональной области должна быть обеспечена преемственность таких специалистов, своеобразная система наставничества; в области кадрового консалтинга и оценки персонала такая необходимость чувствуется особенно остро.

А.Г. Шмелев. За 5 лет еще не сложится вся цепочка подготовки психодиагностов «с пеленок». На это как минимум нужно 10, а не 5 лет. Но доля постдипломного образования в этой области увеличится. Появятся магистерские программы по психодиагностике, а также специальные курсы для аспирантов — разработчиков методик. Среди психодиагностов будет неуклонно повышаться доля лиц со вторым высшим психологическим образованием. Развитие информационных технологий приведет в психодиагностику инженеров-информационщиков, которым проще освоить статистику и психометрику, чем нынешним психологам с базовым психологическим образованием.

Л.Н. Собчик. Нужно создавать кадры специалистов-педагогов, которые могли бы обучать психодиагностике новое поколение психологов. Но у нас пока преимущественно идет опора на психометрику. А этого недостаточно.

Бурлачук Леонид Фокич — заведующий кафедрой Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины. Председатель научно-методической комиссии по психологии при Министерстве науки и образования Украины. Координатор международных проектов в области профессионального (психологического) образования.

Основные труды в области медицинской психологии, психодиагностики и психологии личности: «Психодиагностика интеллекта и личности» (1978), «Исследование личности в клинической психологии» (1979), «Словарь-справочник по психологической диагностике» (1989, 2-е изд. — 1999), «Психодиагностика личности» (1989), «Психодиагностика» (1995), «Введение в проективную психологию» (1997), «Психология жизненных ситуаций» (1998), «Основы психотерапии» (1999, 2-е изд. — 2001), «Focus Eastern Europe: Psychological and Social Determinants of Behaviour in the Transition Countries» (Innsbruck, 2001), учебник «Психодиагностика» (СПб., 2003), учебник «Психотерапия» (СПб., 2003).

Контакты: psydiag@voliacable.com

Я много лет веду курсы повышения квалификации психологов по психодиагностике, но это так непросто! Я имею в виду организационную сторону вопроса, никто с меня эти заботы не снимает. Почти нет специалистов по психодиагностике, в основе которой лежит теоретический подход, а интерпретация базируется на многофакторном (а не линейном, чисто измерительном) подходе, когда соотношение показателей нескольких тестов позволяет обрисовать многогранный образ личности. Таких множество среди тех, кто прошел серьезное обучение и понимает, что психодиагностика не сводится к простым измерительным процедурам, что изучение личности — это искусство владения многими тестами в их сравнительном анализе.

Т.Ю. Базаров. Отмечу три момента, без которых, на мой взгляд, ничего не изменится в лучшую сторону.

Первое. Нужна «Школа психодиагностики». Не в смысле учебного заведения или обучающей программы. Школа в значении нескольких поколений исследователей и подвижников, которые этому делу отдают все свое время.

Второе. В обществе в целом или, по крайней мере, в определенных его сегментах (семья, образование, армия, государственное управление и т. п.) должна возникнуть серьезнейшая потребность в «психодиагностическом знании» и доверие к его носителям.

Третье. Общественные профессиональные содружества (союзы, общества и ассоциации) должны быть построены по типу профессиональных (а не образовательных или квалификационных) гильдий. Почему именно гильдий? Потому что речь идет не об учебных тестотеках, а об инструментарии профессионала. Этот инструментарий не только предполагает фиксацию авторства разработчика, а следовательно, его прав на интеллектуальную собственность, но и становится источником его благосостояния. Тогда понятно, почему эти люди могут позволить себе отдавать все свое время данному делу.

М.В. Розин. Как всегда, кто-нибудь будет пробовать монополизировать обучение и сертификацию специалистов по оценке. Но думаю, что единого признанного лидера, который учит и сертифицирует оценщиков, не появится; будет много локальных центров обучения и центров разработки тестов.

Что касается карьеры таких специалистов, то я не вижу серьезных отличий от того, что происходит сегодня.

Вообще 5 лет — срок не очень большой. А в условиях экономического спада психодиагностический бизнес сузится и заморозится: мало заказов, мало денег на инвестиции — значит, и изменений будет не так уж много.

Н.А. Батурин. В резолюции сентябрьской Всероссийской конференции «Современная психодиагностика в изменяющейся России» (Челябинск, 2008 г.) зафиксировано, что необходимо создавать систему обучения специалистов в области психодиагностики и разработки тестов. Для этого необходимо:

1) начать подготовку по специализированному направлению магистратуры (в существующем стандарте это направление «Дифференциальная психоло-

гия и психодиагностика», на факультете психологии ЮУрГУ с 2008 г. уже ведется подготовка по этому направлению);

2) ввести в номенклатуру обучения в аспирантуре специальность «Психодиагностика»;

3) просить ВАК восстановить научную специальность «Дифференциальная психология и психодиагностика» в перечне специальностей 19.00.00.

В резолюцию конференции также вошло еще одно важнейшее положение — разработка программы для курса «Современная психодиагностика» (по специализациям или по отдельным психологическим наукам).

Нужен учебник с содержанием, соответствующим современным мировым реалиям. В него необходимо ввести разделы по on-line тестированию и вообще по тестированию с удаленным доступом при организации аутсорсинга; содержание требований к этике работы психодиагноста; разделы о международных требованиях к тестам; о сертификации психодиагностов-пользователей; современные разделы психометрики; разделы по разработке тестов принципиально нового типа (например, индивидуально адаптируемых или ипсаптивных) и мн. др. Кстати, комиссия по психодиагностике Президиума РПО уже приступила к разработке тематики учебника. Пользуясь случаем, приглашаю желающих примкнуть к нам.

Что касается прогноза профессиональной карьеры специалистов-тестологов, то, конечно, через 5 лет они будут более востребованы, чем сейчас. Другое дело, где? В ставших на ноги наших компаниях или в фирмах зарубежных, к тому времени или поглотивших, или «задавивших» наши? Сценарий зависит от активности нашего профессионального сообщества: сможет и захочет ли оно поддержать одну из ключевых областей психологии — психодиагностику — от вымирания.

Л.Ф. Бурлачук. Очевидно, дело будет обстоять так же, как и во всем мире. Диплом психолога, пока еще являющийся лицензией на ведение любой психологической деятельности, будет иметь ограниченное значение, поскольку научить работе с тестами в ходе достаточно кратких учебных курсов и практикумов по психодиагностике нельзя. Впрочем, невозможно в вузе научить не только профессиональной психологической оценке личности, но и психотерапии и многому другому. Необходимо дальнейшее углубленное изучение правил

Гусев Алексей Николаевич — профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, доктор психологических наук. Член Президиума УМО, эксперт Минобразования и науки РФ. Автор более 80 публикаций, в т. ч. 2-х монографий, 3-х учебников и учебных пособий. Область научных интересов — психофизика, психология индивидуальных различий, разработка инструментария для научных исследований и сопровождения учебного процесса.

Контакты: angusev@mail.ru

работы с разными типами тестов и соответствующая сертификация пользователей. Сегодня любой может объявить себя специалистом по тестам, и возразить ему, ежели он имеет диплом психолога, мы не сможем.

М.К. Акимова. На мой взгляд, хорошо было бы использовать зарубежный опыт по подготовке профессиональных психодиагностов: а) те из них, кто хотят быть практическими психологами, должны проходить специальное обучение в практических центрах под руководством опытных психодиагностов; там их должны обучать работе с наиболее сложными диагностическими методиками (индивидуальными тестами интеллекта, проективными методиками) — процедуре проведения, анализу и интерпретации результатов, соотнесению последних с дополнительной информацией об испытуемых, полученной методами наблюдения, беседы, экспертных оценок и пр., постановке диагноза, написанию психологических заключений, а также правилам отбора методик для решения конкретных практических задач; б) тех, кто хочет заниматься исследованиями в области психодиагностики и конструированием новых методик, нужно специально обучать по дополнительным программам (возможно, в рамках спецкурсов); может быть, следует ввести специализацию «Психологическая диагностика».

А.Н. Гусев. Я полагаю, что профессиональное психологическое сообщество как академических, так и практических психологов все-таки осознает важность и своевременность решения проблемы хотя бы минимального воспроизводства высококвалифицированных кадров в области создания психодиагностического инструментария. Надеюсь, что уже в новом (т. е. третьем) государственном образовательном стандарте найдет четкое выражение необходимость усилить базовую подготовку студентов в области психодиагностики. Кроме того, насколько я знаю, некоторые деканы ведущих факультетов психологии нашей страны уже подумывают об открытии магистерских программ по психодиагностике. Дело это сложное, но не безнадежное.

Сложность заключается в том, что практически ни в одном вузе (пожалуй, кроме МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского университета — пусть коллеги из других вузов не обижаются, поскольку это правда или почти правда) не найдется критической массы профессиональных преподавателей (напомню: требуется не менее 5 докторов наук по профилю), чтобы организовать современную и качественную магистерскую программу, реально руководить выполнением качественных магистерских работ. К сожалению, практически во всех вузах, где готовят магистров-психологов, это работа, на мой взгляд, пока ведется неудовлетворительно. Что уж говорить о магистратуре по психодиагностике...

Мне представляется более целесообразным готовить профессионалов-психодиагностов в аспирантуре. Наша страна большая, поэтому всегда найдутся талантливые молодые люди, которые захотят стать кандидатами психологических наук под руководством А.Ф. Ануфриева, А.Г. Шмелева, Н.А. Батурина, С.Т. Посоховой, Е.С. Романовой или других моих уважаемых коллег.

Безусловно, в этой работе (обучение аспирантов и защита диссертаций по психодиагностике) главная роль принадлежит ведущим классическим университетам и академическим институтам (ИП РАН, Психологический институт РАО и др.).

О профессиональной карьере специалистов по психодиагностике особенно заботиться не нужно; они широко востребованы, по крайней мере, в больших университетских городах. Это кадровые агентства, психологические консультации, разнообразные психологические центры (в том числе и негосударственные), крупные коммерческие, финансовые и производственные структуры. Очень важно, чтобы ведущие вузы приглашали известных практикующих психодиагностов в качестве преподавателей – без этого мы никогда не будем выпускать умных и квалифицированных студентов, не только желающих, но и готовых работать практически, решать конкретные прикладные задачи, которые ставят перед психологами бизнес-структуры.

А.Б. Балунев. Факультеты психологии университетов дают необходимое и достаточное образование для высокопрофессиональной деятельности в данной области (во всяком случае, так было 25 лет назад).

Вопрос 3. Будет ли осуществляться добровольная или обязательная сертификация методик, специалистов и услуг в сфере психодиагностики? Если сертификация будет добровольной, поможет ли она заметно повысить культуру психодиагностики? Если обязательной, как будет решаться проблема коррупции и монополизации, сопровождающая в нашей стране разнообразное лицензирование?

М.К. Акимова. Несмотря на высказываемые намерения сертифицировать методики, реальных шагов в этом направлении пока не видно. В немалой степени это связано с непониманием важности такого шага со стороны многих в психологическом сообществе, со сложившейся практикой использования

Корнилова Татьяна Васильевна – профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Ее научные интересы охватывают психологию мышления, мотивации, риска, а также методологию психологии. Т.В. Корнилова является автором более 120 работ, среди которых – «Введение в психологический эксперимент» (1997), «Экспериментальная психология» (2002), «Диагностика мотивации и готовности к риску» (1997), «Психология риска и принятия решений» (2003), «Подростки групп риска» (2004, совместно с С.Д. Смирновым и Е.Л. Григоренко), «Методологические основы психологии» (2006, совместно с С.Д. Смирновым).

Контакты: tvkornilova@mail.ru

чужих методик без отчетливого понимания того, какими параметрами они должны обладать. Сертификация возможна при повышении общей культуры психологов и психодиагностов, при изменении их профессионального сознания. А это процесс очень долгий. Когда же наступит время для сертификации, эффективность работы практических психологов-психодиагностов заметно возрастет.

Н.А. Батурич. Вне всякого сомнения, сертификация через 5 лет уже будет. Во-первых, сертификация (аттестация или лицензирование — в разных странах и даже разных штатах по-разному) — это международная практика проверки и подтверждения квалификации профессиональных психологов. У нас в стране вот-вот будет зарегистрирован Национальный институт сертификации профессиональных психологов.

В области психодиагностики сейчас разрабатываются стандарты требований и к психодиагностам, и к методикам, и к услугам, ведется работа по их согласованию с общеевропейскими. Время оказалось удачным. Сейчас Европейская федерация ассоциаций психологов (EFPA) пересматривают и унифицируют свои стандарты, и есть надежда сделать наши сертификаты конвертируемыми.

Сертификация в целом направлена на общее повышение качества практической психологии и предполагает не только проверку, тестирование, собеседования, но и обязательное досертификационное последипломное обучение, а в ряде отраслей психологии — супервизию.

Я лично считаю, что сертификация должна быть добровольной и предельно открытой, где это возможно и нужно. Кому-то она не нужна, например, психологу, который занимается научными исследованиями. А где-то она необходима и почти обязательна, например, в сфере оказания услуг населению и организациям, так как психодиагносты при официальном оказании услуг одновременно подпадают под действие Закона о защите прав потребителей, и тогда ошибки или безграмотность, приведшие к тяжелым последствиям, могут быть уголовно наказуемыми по решению суда.

Что касается коррупции при сертификации, то она в какой-то мере неизбежна везде, где появляется бюрократия, но ее масштаб зависит от общей культуры нашего профессионального сообщества. И потом нельзя же «из-за страха перед возможными волками не ходить в лес».

М.В. Розин. Я очень рассчитываю на то, что обязательной сертификации не появится. Собственно, насколько я понимаю, ни в одной сфере психологии и психологического консалтинга ее, славу Богу, не появилось. Я лично считаю, что обязательная сертификация всегда ведет к коррупции и формализму, поэтому я категорически против этой идеи.

Что касается добровольной сертификации, то и к ней я отношусь неоднозначно. С одной стороны, действительно неплохо то, что появилась возможность создания авторитетных органов, помогающих бизнесу отделять качественные методики от некачественных. С другой стороны, никто не отменял правило: кто не умет работать — руководит, кто не умеет руководить — учит руководителей.

Думаю, «сертификаторы» стоят в конце этой цепочки. Тот, кто уж совсем ничего не умеет, норовит начать выдавать сертификаты и еще заодно пробует сделать свой сертификат обязательным. Вопрос «А судьи кто?» неизбежен.

Т.Ю. Базаров. Тема сертификация для меня — это, прежде всего, вопрос социальной институционализации любой профессии. Без общественной экспертизы, добровольной (обязательной) сертификации методов, специалистов и организаций, осуществляющих этот вид деятельности, невозможно обеспечить ключевые требования, задающие границы профессии, а именно единые профессиональные стандарты разработки, валидизации и применения инструментария, единые этические принципы работы специалистов, отбор профессионально лучших программ подготовки специалистов и т. д.

Л.Ф. Бурлачук. Мне кажется, что это некая игра словами, нам не нужна ни добровольная, ни обязательная сертификации тестов. Никто не задает себе вопроса о том, сертифицированы ли тесты, выпускаемые, скажем, издательством Pearson. Все прекрасно знают, что это тесты, соответствующие международным стандартам. Издательство не допустит появления на рынке как отечественных, так и зарубежных тестов, не соответствующих требованиям надежности и валидности. Точно так же должно быть и у нас. Другое дело — сертификация пользователей, но об этом говорилось раньше. Это уже забота профессионального сообщества. А коррупция в сертификации пользователей... — это тоже забота ассоциаций, объединений и других форм организации профессионалов, а не Министерства внутренних дел.

А.Н. Гусев. По-видимому, нужна и обязательная, и добровольная сертификация. Если речь идет о психодиагностике в системе образования, в структуре госслужбы (вооруженные силы, силовые структуры, аттестация гражданских чиновников-госслужащих и др.), то, безусловно, государство обязано следить за использованием качественных методик, рекомендованных для решения именно тех задач, для которых они адекватны.

Профессиональное психологическое сообщество России (например, члены Российского психологического общества) уже задумалось над проблемой добровольной сертификации, создана соответствующая рабочая группа, предложен

Осетров Константин Владимирович — генеральный директор ЗАО «Евроменеджмент», кандидат психологических наук. Вице-президент Ассоциации консультантов по подбору персонала. Входит в число ТОП-1000 наиболее профессиональных высших менеджеров России (2005–2007 гг.). Лауреат I Всесоюзного конкурса разработчиков автоматизированных систем психодиагностики. Специалист в области комплексного управления в «больших системах», персонал-консалтинга, реструктуризации бизнес-процессов и организаций.

Контакты: osetrov@emd.ru

очень разумный документ о процедуре добровольной сертификации. На мой взгляд, должно пройти какое-то время, чтобы коллеги осознали необходимость и полезность прохождения такой процедуры. Такие дела быстро не делаются.

Безусловно, самый главный и важный вопрос — а судьи кто? Кто будет входить в состав экспертов, оценивающих предложенный психодиагностический инструментарий? Это вопрос о доверии, доверии профессионалам, уважаемым, доброжелательным и беспристрастным коллегам. А не просто тем, кто заинтересован быть экспертам, поскольку это может приносить хорошие деньги и известность. Важно, чтобы в экспертной группе были не только хорошие психологи, но и классные специалисты-психодиагносты, те, кто уже создал зарекомендовавшие себя психодиагностические средства, проводил адаптацию и стандартизацию зарубежных тестов, руководил аспирантскими работами, написал умные книги (а не просто переписал другие книги по психодиагностике), имеет опыт практической работы с самыми разными психодиагностическими методиками. К сожалению, такой экспертной группы у нас пока не создано, хотя ее можно создать. Например, кто будет возражать, чтобы в нее вошел профессор А.Г. Шмелев или профессор Д.А. Леонтьев — вряд ли кто-то будет сомневаться в справедливости моего предложения? Этот пример сугубо частный, личный, но он показывает, что надежных и профессиональных экспертов, кому бы мы могли доверить сертификацию своей методики, выбрать можно, они есть, мы все о них знаем.

Я с полной уверенностью могу сказать, что сертификация психодиагностических методик (добровольная или обязательная) пойдет на пользу всему профессиональному сообществу. Необходимо создать экспертные группы (пусть их будет много), реалии нашей жизни сами покажут, кто будет проводить более надежную и более объективную экспертизу. Как только «запахнет» коррупцией, необъективностью, сами профессионалы скажут об этом, можно не беспокоиться — все быстро узнают правду.

Хорошо ли поставлена эта работа сейчас? Ответ однозначный: почти никак. Но продолжать ее нужно. По-видимому, не на съезде РПО, где большинство делегатов всегда проголосуют за список экспертов, предложенный «президиумом», а более профессионально и целенаправленно, т. е. на собрании профессионалов из числа уважаемых специалистов (я никоим образом не дезавуирую тот состав экспертов, который был избран на съезде РПО, я лишь обращаю внимание читателей на то, что процедурно выборы экспертов вряд ли можно назвать вполне подходящими и внушающими доверие тем, кто будет проходить добровольную экспертизу). Причем со строгим соблюдением всех норм и правил, которые так хорошо нам (т. е. специалистам по психодиагностике) известны. По-видимому, следует обратиться к опыту Американской психологической ассоциации, где такая работа поставлена хорошо и ведется уже давно. Беря пример с зарубежных коллег, нужно четко предусмотреть как процедуры выдвижения и выбора экспертов, участвующих в сертификации, так и процедуры их обязательной ротации. Профессионалы-психологи весьма успешно проектируют подобные процедуры для других, так почему бы не разработать ее для самих себя? Надеюсь, что чувство про-

фессионального самосохранения все-таки преодолет более привычное нам чувство безразличия.

К.В. Осетров. Проблема с добровольной сертификацией в нашей стране состоит в том, что по существу в современных реалиях нет объективных требований рынка по введению подобных процедур. Российский пользователь психодиагностических услуг уже привык к тому, что компетентность того или иного специалиста приходится вычислять и оценивать на основании информации о его стаже и опыте работы с учетом имеющихся рекомендаций от других пользователей, но никак не на основании каких-либо дипломов и сертификатов. И в этом смысле прохождение добровольной сертификации вряд ли существенно поможет специалистам-психологам и сделает их более востребованными на рынке. Конечно, можно говорить об инициативе и стремлении соответствовать этическим стандартам, но, честно говоря, мне не кажется, что добровольная сертификация станет массовым явлением и позволит повысить общий уровень услуг в области психодиагностики.

Кроме того, остается не очень понятным, кто и как будет разрабатывать стандарты для сертификации, например, специалистов-психологов в области оценки персонала. И ведь существует большое количество подобных узкоспециальных областей психологии, где требуется очень аккуратная разработка параметров оценки и квалификационных процедур, чтобы сертификация на том или ином уровне способствовала отбору действительно компетентных специалистов. Еще острее подобная проблема встала бы при внедрении обязательной сертификации. Но на данный момент в нашей стране такая идея представляется мне нереализуемой, и вряд ли за ближайшие 5 лет ситуация кардинально изменится.

А.Г. Шмелев. Сертификация в нашей стране в ближайшей исторической перспективе может развиваться только как добровольная. Основной мотив прохождения такой сертификации – получение международного признания и шанса получить работу на высокооплачиваемых должностях в транснациональных корпорациях. Никакой обязательной сертификации за 5 лет не появится, так как... причину, впрочем, Вы назвали. Проблему коррупции нельзя решить сверху. Это медленный и довольно болезненный (с рецидивами болезни)

Розин Марк Вадимович — президент компании «ЭКОПСИ Консалтинг», кандидат психологических наук. Удостоен почетного звания «Топ-менеджер Российской Федерации», а возглавляемая им компания получила статус «Лидер российской экономики» (ИД «Национальная энциклопедия личностей РФ»). В 2006–2007 гг. вошел в ТОП-1000 наиболее профессиональных высших менеджеров России. Возглавлял крупные проекты в области построения систем управления эффективностью, разработки и внедрения систем мотивации, создания программ оценки персонала и работы с кадровым резервом для ведущих российских и международных компаний.
Контакты: mrozin@ecopsy.ru

многолетний процесс выздоровления общественного организма на «клеточном уровне», т. е., на уровне массового осознания, что честно работать все-таки если уж не слишком выгодно, то гораздо безопаснее...

Т.В. Корнилова. Я за добровольную сертификацию. Это опять проблема взаимоотношений в рамках научного сообщества (кто будет принимать решения и на основе каких критериев). При обязательной сертификации развернется борьба за право «быть главным». Самоуверенность обычно приводит не к лучшим решениям (на эту тему интересные данные приводит Скотт Плаус в своей книге о принятии решений), а знающие, но не страдающие самоуверенностью люди не всегда хотят или не всегда могут оказаться во главе дела, предполагающего принятие решений о сертификации (качества поставляемого диагностического инструментария).

Вероятность коррупции я просто не хочу предполагать, а вот тенденций к монополизации той или иной темы не могу не видеть.

Психолог-практик с большей уверенностью, как мне кажется, будет использовать сертифицированное средство.

Культуру психодиагностики сертификация методик поможет повысить в том случае, если профессиональное обучение и развитие индивидуального мастерства психологов будет осуществляться в соответствии с задаваемыми (требованиями сертификации) уровнями «экспертизы» и с соответствующими целями обучения. Но и тогда это будет удел одиночек. Ведь знание, например, стандартов публикаций в ведущих зарубежных изданиях — хотя бы учет всего, что было по данной теме в последние 5 лет, — не способствует изменению ситуации с уровнем обсуждения гипотез и их статистической оценки в отечественных статьях, где вполне можно начать изложение с нуля (как будто и не было исследований в выбранной области, а значит, и сопоставлять результаты своей работы с другими как бы и незачем).

А.Б. Балунов. Не думаю, что сертификация психодиагностических методик повлияет на качество психодиагностики. Как, например, сертификация удочек на качество рыбной ловли. Профессионалы всегда будут выбирать качественный инструментарий. Главное, чтобы был выбор. Хотя я, конечно, за общественную сертификацию (но это отдельная тема).

Л.Н. Собчик. Вопрос сертификации (если иметь в виду лицензирование и авторские права) у нас не решен таким образом, чтобы компетентные люди вершили судьбы методик и их создателей. Легче оформить сертификат или лицензию на продажу картошки или самолетов, чем на продукт авторских разработок психолога. Психология вообще не включена в реестр лицензируемой продукции. А коррупцией у нас сопровождается любое направление.

Вопрос 4. Приведет ли ужесточение политики охраны авторских прав к сокращению использования контрафактных методов? Исчезнут ли из

свободного доступа в Интернете и со страниц журналов полные версии психологических тестов с ключами и правилами интерпретации? Если да, то как это скажется на работе исследователей и практиков?

А.Г. Шмелев. Существует расхожее мнение (которого, например, уже пару десятков лет придерживается Ю.М. Забродин), что наша практическая психология остается на плаву только благодаря наличию доступных, фактически бесплатных контрафактных изданий психодиагностических методик. Но тенденция в сторону появления «гильдии добросовестных издателей» в области психодиагностики будет пробивать себе дорогу так же неизбежно, как и в других областях общественного производства. Постепенно-постепенно даже до самых дремучих «практиков» будет доходить, что контрафактная продукция в психодиагностике — это самообман, а не тесты. Ибо работают только методики, которые легально и небесплатно распространяются. Ибо только тогда разработчики их поддерживают и обновляют достаточно быстро (а ведь сейчас раз в 3–5 лет методике надо полностью обновлять, все перепроверять, пересчитывать и переделывать). Но тут опять-таки сработают не запреты, а стремление добросовестных разработчиков объединиться с добросовестными издателями и с квалифицированными пользователями на почве понимания общей выгоды. Почему это произойдет? А потому, что информация о том бреде, который «несут» контрафактные псевдометодики, все шире будет распространяться в Интернете на специализированных форумах. Почва для обмана и самообмана будет постепенно уходить из-под ног...

Л.Ф. Бурлачук. Конечно, любые запреты никогда не приводят к исчезновению того явления, которое отныне и вовеки веков запрещено. Не произойдет этого и с тестами. Сошлюсь на опыт Венгрии, где я встречался с коллегами в феврале этого года. Филиал иностранного издательства, который занят адаптацией тестов для Венгрии, существует там уже 5 лет. Работа проделана действительно большая, однако примерно 60% психологов Венгрии продолжают пользоваться контрафактной продукцией. Из этого нужно сделать вывод о том, что никакие запреты ни к чему не приведут. Другое дело, если общество психологов начнет не только нечто рекомендовать по поводу тестов,

Собчик Людмила Николаевна — ведущий научный сотрудник ГНЦССП им. В.П. Сербского, научный руководитель Института прикладной психологии, доктор психологических наук. Специализируется в сфере дифференциальной психологии. Автор более 100 публикаций на эту тему. Среди них 26 методических пособий и руководств по психодиагностическим и экспериментально-психологическим методикам, а также монографии: «Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики» (2003, 2005, 2008), «Психодиагностика в медицине» (2007), «Управление персоналом и психодиагностика» (2008).
Контакты: luniso@yandex.ru, sobchik@list.ru

но и контролировать профессиональную деятельность своих членов, чего, увы, не происходит. Наконец, существует возможность, например, обратиться в различные аттестационные органы страны с просьбой учитывать при присуждении степени за то или иное исследование корректность использования диагностических методик. Не сомневаюсь, что нам пойдут навстречу. И это не единственная возможность навести порядок, который так необходим психологам.

Н.А. Батурин. Охрана авторских прав или правообладания издательств на методики — это всемирно принятая практика, и мы либо примем к исполнению эту практику, либо никогда не будем интегрированы в мировую психологию.

Примеры того, что с контрафактом можно бороться и у нас в стране, продемонстрировал Майкрософт. Примеры иска зарубежных компаний к нашим фирмам-производителям методик уже есть. Уверен, что через 5 лет контрафактное издательство тестов прекратится. Другое дело — Интернет и публикация полных версий с ключами и интерпретацией. Это зависит от темпов формирования психодиагностической культуры в нашем же сообществе.

Когда пользователь Интернета или издатель журнала поймут, что распространение таким образом методик — это медвежья услуга всем: и собратям-психологам, и авторам, и другим специалистам, и обществу в целом, и даже себе, тогда это прекратится. Методика, однажды выставленная в Интернете или опубликованная полностью, — это мертвая методика. Профессионалу нужно просто вычеркнуть ее из списка используемых, цитируемых, рекомендуемых. В некоторых штатах США за подобные действия предусмотрена уголовная ответственность. Мы пока просим и издателей, и авторов: не губите свой и чужой труд.

Надо сказать, что с лета 2008 г., когда было принято постановление Президиума РПО от 04.07.2008, любители поднять тираж журнала или книжки, повысить посещаемость своего сайта уже рискуют своей репутацией. Они могут попасть в черный список врагов психодиагностики, и тогда черная, черная кара настигнет их.

«Скажется ли это на работе исследователей и практиков?» Так звучит вопрос, содержащий намек на то, что бедному психологу-исследователю неоткуда будет взять методику для своей научной работы. Решить эту проблему не так уж и сложно. Чтобы не пострадали исследователи, достаточно после характеристики методики в Интернете или в конце статьи, в которой методика описана, но нет ключей, поместить электронный или почтовый адрес автора методики, и он вправе сам решать: передавать или не передавать из рук в руки плод своего труда.

М.В. Розин. Не думаю, что возможно серьезное ужесточение политики охраны авторских прав в этой области. Вообще считаю, что «госрегулирование» данной области малоэффективно и нереалистично.

А.Н. Гусев. В перспективе ужесточение нормативных требований по соблюдению авторских прав приведет к позитивному результату — использования контрафакта будет меньше. Но для того чтобы это «светлое будущее» наступило пораньше, нужно следующее: 1) психологи, прежде всего, должны знать, где и что можно приобрести, кто реально является обладателем авторских прав на методику; сейчас общедоступной информации о методиках и их владельцах за очень редкими исключениями нет; 2) студентов-психологов следует учить в рамках специальных курсов (или отдельных учебных занятий) тому, как юридически грамотно использовать психодиагностические методики в разных сферах профессиональной деятельности; 3) коллеги должны публично обсуждать факты неэтичного или юридически необоснованного использования методик; о фактах нелегитимного или неправильного использования методик следует сообщать на страницах ведущих журналов; 4) владельцев сайтов следует просить снять нелегальные методики (мне кажется, что почти все на эту просьбу ответят согласием); 5) необходимо разработать цивилизованную процедуру получения разрешения от авторов (правообладателей) на использование методик в научных целях, особенно для студентов и аспирантов.

Т.Ю. Базаров. Это тема, на мой взгляд, выходит за рамки возможностей профессионального сообщества. Контрафакт — это результат действующего негласного общественного договора. В конечном счете, речь идет о нечестном способе удовлетворения имеющейся в обществе потребности. Не думаю, что свободный доступ к полным версиям психологических тестов с ключами и правилами интерпретации может сильно помешать работе профессионалов. Точно так же как широкое издание кулинарных книг и разглашение тайн кулинарного мастерства, ежедневно наблюдаемое телезрителями, едва ли могут подорвать работу ресторанов и кулинарных техникумов.

К.В. Осетров. К сожалению, в существующем правовом поле упомянутое ужесточение политики охраны авторских прав в области психодиагностических методик — пока скорее мечта разработчиков тестов, а не реальность. Но если даже допустить, что в России появится со временем соответствующая

Шмелев Александр Георгиевич — профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Работает научным руководителем в ЗАО «Гуманитарные технологии». Член Российского психологического общества, член Европейской ассоциации прикладной психологии, член РОСПРО (Российского общественного совета по развитию образования). Разработка программно-методических средств для образовательного, профессионального и психологического тестирования в Центре тестирования ЗАО «Гуманитарные технологии» отмечена патентом на технологию тестирования «Телестинг» (Роспатент, 1998, совместно с А.Г. Серебряковым и А.Г. Ларионовым), а также сертификатом на оболочку тестирования MAINTTEST в 2004 г.
Контакты: ags04@ht.ru

законодательная база для охраны авторских прав и методики действительно исчезнут из свободного доступа, остается не очень понятным, как ограничить применение тех тестов, которые сегодня широко используются практиками. Вряд ли возможно юридически строго зафиксировать авторские права на те методики, которые сейчас можно встретить на любом профильном сайте по психологическому тестированию. Соответственно, распространяться авторские права будут преимущественно на вновь создаваемые методики или адаптации старых известных тестов. Получается, что в любом случае еще долгое время у специалистов-практиков будет выбор, пользоваться ли имеющимся бесплатным инструментарием (привычным и понятным, хоть и с отсутствующими данными о валидности и надежности) или приобретать и осваивать новые методики.

В исследовательской среде вопрос легального применения методик, вероятно, мог бы решаться конвенционально. Например, ведущие психологические журналы перестали бы принимать статьи, пока автор исследования не подтвердит, что имеет право на использование упоминаемых в работе методик. В бизнесе же использование тех или иных психодиагностических инструментов определяется их соответствием поставленным задачам, предпочтениям специалиста и до некоторой степени модой. И в этом смысле психологи, работа которых связана с оценкой персонала, будут настороженно относиться к новым тестам или новым адаптациям привычных инструментов, это вопрос не столько некомпетентности, нежелания следовать этическим стандартам или отсутствия денег на покупку методик, сколько качества самих тестов, права на которые официально зафиксированы. Какие инструменты будут предложены в качестве альтернативы давно используемым контрафактным тестам, по которым очень часто уже накоплена в том или ином объеме собственная статистика результатов и сделаны выводы об их возможностях и ограничениях? Окажутся ли новые инструменты действительно более эффективными и качественными? Согласитесь, в этой области еще очень много вопросов, даже если оставить в стороне проблему стоимости методик.

Л.Н. Собчик. Да, если это будет сделано грамотно. Исчезнут ли из свободного доступа в Интернете и со страниц журналов полные версии психологических тестов с ключами и правилами интерпретации? Над этим нужно поработать. Что касается публикаций, то если они создаются для ликвидации методологической нищеты психологов — это просто необходимо. От опасности их неквалифицированного использования случайными людьми они в известной степени защищены своей сложностью, недоступностью для понимания людей непросвещенных. В компьютерных программах не следует упрощать описание тестов и давать выход в виде готовых результатов и выводов. Здесь должна срабатывать блокировка. И, безусловно, тесты не должны выдаваться прямо в Интернете, я категорически против.

Т.В. Корнилова. Профессиональные журналы могут убрать со своих страниц версии тестов. Но не из профессиональных журналов «практики» их

берут. Чаще это книжные развалы. Не вижу возможности запретить печатать какие-либо поделки под названием «лучшие тесты», которые всегда найдут дорогу к своему потребителю. За оборотом наркотиков не могут уследить, а тут тесты. Тщательно следить за этим все равно мало кто будет, вряд ли государство будет поддерживать службы по контролю за пиратской продукцией в этой сфере, если даже такой орган будет создан внутри какой-нибудь фирмы-организации. Цивилизованным видится другой путь.

Развитие психодиагностики неотделимо от логики развития научной и практической деятельности психологов. Я для апробации методики А. Эдвардса заявляла и получала грант РГНФ. Такой путь связывает разработку методики с исследовательской практикой. Когда «практик» поймет, что лучше одна проверенная и более узкая тестовая методика, чем 15 журнальных тестов «про все», он будет делать правильный выбор. И рынок будет заполняться профессионально апробированными или созданными методиками.

М.К. Акимова. Все сказанное мной выше при ответе на вопрос 3 можно повторить в ответе на этот вопрос. Никакое ужесточение политики охраны авторских прав не поможет, если не изменится сознание (в первую очередь, правовое) пользователей методик.

А.Б. Балунов. Охрана авторских прав достаточно жесткая, и все серьезные производители соблюдают Закон об авторском праве и смежных правах, а профессиональные исследователи и практики используют в своей работе только фирменный профессиональный психологический инструментарий, например, компании «Иматон». Широкодоступными версиями пользуются дилетанты, а им закон не писан.

Вопрос 5. Как будет складываться конкуренция психодиагностических методов с другими формами оценки персонала в бизнесе (ассесмент-центрами, деловыми играми и т. д.)?

К.В. Осетров. Нет и не должно быть такой конкуренции! Грамотно разработанные современные процедуры оценки персонала, на мой взгляд, должны включать как психодиагностическое тестирование, так и интерактивные процедуры, а также тестирование профессиональных знаний, а в отдельных случаях еще и элементы психофизиологической диагностики. Ведь популярные сегодня ассесмент-центры — это не просто дань моде, в основе подобного рода оценки лежат вполне здравые и продуктивные идеи. Во-первых, это идея оценивания по компетенциям, напрямую связанным с профессиональной успешностью, а не по отдельным психодиагностическим параметрам, которые далеко не всегда имеют прямое отношение к эффективности деятельности. Во-вторых, это принцип моделирования в играх и ситуациях, возникающих в

реальной деятельности оцениваемых; процедуры ассессмента должны разрабатываться именно с учетом специфики функционала конкретных работников.

Я не хочу сейчас обсуждать «дикий» ассессмент, проводимый неграмотными специалистами; как и в случае с любыми другими методами, это проблема отнюдь не самого инструмента, а его некомпетентного использования. При этом понятно, что даже в случае профессиональных и компетентных ассессеров часть проблем этого метода не снимается: это и сама процедура экспертного оценивания в ряде упражнений, и необходимость в отдельных случаях разработки специфических, принципиально не унифицируемых заданий с учетом потребностей конкретной компании-заказчика. И именно поэтому интерактивные упражнения в ассессмент-центре должны сочетаться со стандартными, валидизированными психодиагностическими тестами. При этом их соотношение в каждом конкретном случае может быть различным; это зависит и от задач оценки, и от бюджета оценочных мероприятий, и от категории оцениваемых сотрудников. И задача специалиста-психолога в данном случае — не выбирать мучительно между личностным опросником и деловой игрой, а выстроить программу оценки таким образом, чтобы получить максимальную информацию об оцениваемых работниках.

А.Г. Шмелев. Выскажусь в пользу тестовой психодиагностики! Странное заявление, да? На фоне нынешней обратной тенденции. Почему же я так заявляю? Потому, что люди в России в ближайшие 5 лет станут считать деньги (вот и кризис тут весьма кстати подкатил). И поймут, что прирост точности для очень дорогих методик типа ассессмент-центров оправдан в отношении лишь очень дорогих позиций топ-менеджеров, а для массовой оценки персонала гораздо практичнее тесты. Но... в ближайшие 2 года будет расти доля квалификационных, а не психологических тестов.

Хотя я все время пропагандирую не конкуренцию между методиками, а разумное комплектование оценочной батареи разнотипными процедурами, включающими и квалификационные, и психодиагностические тесты.

М.В. Розин. Поскольку тесты и опросники — наиболее дешевый метод оценки, думаю, что в ближайшие годы спрос в этой области повысится. Ассессмент-центры будут проводиться реже и в более «облегченном» формате. Компании попробуют более широко внедрять компьютерное, в том числе дистанционное тестирование. Года через 2–3 можно ожидать оживления интереса к «интерактивным» методам оценки — ассессмент-центрам и деловым играм. Думаю, интерес к ним повысится не только из-за их большей достоверности, но и потому, что они интереснее и дают дополнительный эмоциональный «встряхивающий» эффект для человека и организации. Могу предположить, что в период оживления экономики (года через 2) интерес как раз к таким формам оценки (комбинация оценки, обучения, тимбилдинга и шоу) повысится.

А.Б. Балунов. Думаю, что психодиагностика в чистом виде сохранится в основном в научно-исследовательских, дидактических и, возможно, клинических целях, а в бизнесе она и сейчас практически не используется.

Т.В. Корнилова. Я думаю, что они немного в разных нишах находятся. В ассессменте персонала часто работают люди, не знающие основ психодиагностики (и тем более способов построения методик), но умеющие себя подать. «Психологический театр», включающий эффекты плацебо, для них подчас основное звено в их психологической квалификации. Но я знаю и психологический центр (ЭКОПСИ), относительно профессионализма сотрудников которого, их высокой квалификации в работе с диагностическим инструментарием ни у кого не возникало сомнений (кажется, все они дипломированные выпускники факультета психологии).

Плюс по отношению к качественным методам стандартизованные методики имеют неоспоримые преимущества в экспресс-диагностике. Понятно, что при ассессменте необходим комплексный подход, когда, например, результаты оценки тех или иных качеств в рамках деловой игры подкрепляются результатами психодиагностического обследования. Психодиагностические методы больше подходят для «скрининга», когда оценивается большее количество людей и аналитически выделены оцениваемые психологические свойства. Это оценки более узкие, но выводы на их основе валидные.

Т.Ю. Базаров. Для меня несколько странным представляется словосочетание «конкуренция методов». Конкурировать могут люди, группы и организации, но не методы. Отличие ассессмента от других подходов к оценке состоит именно в том, что он позволяет достаточно точно определить коммуникативные и деловые навыки сотрудника благодаря множественности процедур, реализующихся в присутствии нескольких экспертов, которые могут вместе дать более объективное (если угодно, объемное) заключение относительно потенциала участников. Окончательная оценка выносится после совместного обсуждения полученных данных всей командой экспертов. Причем каждое из личностных качеств требует отдельного рассмотрения. Принципиально, чтобы существенная часть персональной информации была получена не из «вербальных» источников (интервью, опрос, анкетирование, тестирование), а из активно-деятельностных проявлений испытуемых. Речь идет о моделировании ключевых аспектов профессиональной деятельности. Именно такие параметры программы, как «работа в деятельностном контексте»: решение профессиональных задач, принятие решений в «заданных условиях», взаимодействие с другими людьми в ситуациях, релевантных основной деятельности, — являются ключевыми характеристиками «добротного» ассессмента.

Л.Ф. Бурлачук. Оценка персонала сегодня страдает отсутствием профессиональных психологических кадров для этой деятельности. Какая тут может быть конкуренция? Каждая форма оценки должна занять свою нишу, свое место. Речь должна вестись не о конкуренции, а об эффективном взаимодействии. Есть, скажем, психиатрический и психологический диагнозы. Почему они должны конкурировать? Другое дело, что нынешним специалистам по оценке персонала просто-напросто не хватает психологической подготовки. Многие «специалисты по персоналу» убеждены в том, что им не нужны

психологические знания, поскольку каждый нормальный человек рождается со знанием психологии и пониманием поведения других людей.

М.К. Акимова. Мне кажется, нужна не конкуренция, а дополнение одних методов другими, профессиональное их применение с опорой на глубокие теоретические знания в области психологии и психодиагностики, и это будет способствовать точности диагноза и прогноза персонала в бизнесе.

А.Н. Гусев. По-видимому, об этом не стоит специально думать, поскольку каждый профессионал сам выберет подходящую технологию решения стоящей перед ним практической задачи. Ту технологию, которой он лучше владеет, ту, которая доступна и более эффективна. А о выборе непрофессионалов пусть «позаботится» рынок.

Л.Н. Собчик. Мой опыт сотрудничества с А.Г. Шмелевым и А.Г. Серебряковым (Гуманитарные технологии при МГУ) показал, что эти подходы только обогащают друг друга и никак не наоборот.

Н.А. Батурин. Я думаю, что в оценке персонала всегда найдется место и тестам, и ассесмент-центрам, и деловым играм, поскольку они не заменяют, а взаимодополняют друг друга.

Конечно же, ассесмент-центр — мощный инструмент оценки. У ассесмент-центра, например, для отбора есть преимущество в оценке ситуационных компетенций персонала, но он проигрывает в прогностической диагностике возможного развития компетенций на базе способностей. Ассесмент-центр, ориентированный на оценку развития персонала, тем более нуждается в дополнении диагностическим инструментарием.

Кроме того, преимущества у разных видов оценки персонала в различных сферах. Например, для оценки (отбора) технических работников никто не станет затевать ассесмент-центр, а вот тесты или несложная деловая игра могут быть более прогностичны.

И, конечно же, различие в затратах времени и денег на разные формы оценки персонала, с одной стороны, и степени риска ошибиться в оценках — с другой, всегда будет стимулировать использование различных методов оценки персонала.

Вопрос 6. До какой степени удастся улучшить и объективно оценить прогностическую валидность и другие психометрические свойства психодиагностики для оценки персонала? А валидность ассесмент-центров?

М.В. Розин. Я лично придерживаюсь мнения, что прогностическая валидность тестов и опросников по отношению к сотрудникам бизнеса крайне

низка, и повысить ее значительно невозможно. Через тесты можно оценить компетенции, имеющие отношение к мышлению (например, аналитические способности), но большинство важных компетенций, отражающих мотивационные и коммуникационные характеристики, не поддаются оценке через тесты и опросники (очень плохо оцениваются через опросники такие, например, компетенции, как мотивация достижения или командное лидерство). Более того, многие по виду «мыслительные» компетенции содержат мотивационные или коммуникативные компоненты (например, любимые в бизнесе компетенции, такие как «жажда знаний» или «поиск информации», предполагают желание искать информацию, умение расспрашивать и т. д., а эти мотивационные и коммуникационные компоненты опять же не могут быть оценены опросниками).

Таким образом, я считаю, что прогностическая валидность тестов и опросников для бизнеса как была, так и будет низкой.

Что касается ассесмент-центров, то ассесмент-центр ассесмент-центру рознь. Давайте рассмотрим настоящий качественный ассесмент-центр, который отличается следующими характеристиками:

- включает много интерактивных упражнений и много кейсов;
- каждая компетенция оценивается не менее трех раз и через разные типы упражнений;
- наблюдатели обучены, выдержан принцип «каждый наблюдает каждого»;
- разработаны подробные бланки наблюдений к упражнениям с поведенческими индикаторами;
- упражнения «экологически валидны» для участников — вписаны в контекст их работы.

Хочу обратить особое внимание на последний параметр. Многие ассесмент-центры обладают всеми характеристиками, кроме последней. И участникам из производственной компании предлагают решать кейсы или играть роли, созданные под FMCG индустрию (а в еще худшем случае там действуют Питы и Джоны). Низкие оценки по таким упражнениям могут свидетельствовать о плохой способности к переносу навыка в новый контекст, но не о низком навыке как таковом.

Так вот, если брать хорошие ассесмент-центры, то их прогностическая валидность весьма высока; они хорошо предсказывают карьеру и рабочие достижения сотрудника (в многолетней практике Экопси с десятками тысяч оцененных менеджеров есть тому подтверждения, дополнительные к известной мировой статистике). Другое дело, что и ассесмент-центр плохо осуществляет дифференцированную оценку различных компетенций. Корреляция между оценками по различным компетенциям весьма высока. Это отчасти объясняется тем, что одна компетенция действительно может компенсировать другую (очень умный человек с изначально плохими коммуникативными способностями, как правило, способен с помощью интеллекта скомпенсировать свою коммуникацию и зачастую с возрастом начинает неплохо решать коммуникативные задачи) — и, наоборот, компетенции могут «топить» друг

друга (человек с высоким формальным интеллектом, но низким эмоциональным часто не способен правильно просчитать риски при долгосрочном планировании, его мыслительная компетенция, или «перспективное мышление», снижается). С другой стороны, корреляция между оценками компетенций в ходе ассесмент-центра может объясняться и «эффектом ореола», когда даже хорошо обученные наблюдатели, имеющие четкие бланки наблюдения, восхитившись участником в одном упражнении, начинают завышать ему оценки за выполнение другого упражнения.

Резюмирую тему валидности ассесмент-центров:

– валидность оценки конкретных компетенций может быть и не очень высокой;

– прогностическая валидность интегральной оценки участника очень высока, т. е. она действительно предсказывает результаты в работе и карьере, а это самое главное, с практической точки зрения.

Станут ли ассесмент-центры еще валиднее? Сомневаюсь. Не вижу для этого особых оснований.

А.Г. Шмелев. Для повышения объективности в оценке валидности главное условие — это наличие баз данных. Пока их нет, нет и такой работы. Но сейчас они появляются, поэтому статистические методы оценки валидности оказываются технологически более оснащенными. Рука об руку с этим процессом начнется проверка валидности ассесмент-центров и... разочарование в этом методе. Ибо существующая завышенная оценка валидности этого метода базируется на мифе, а не на реальной статистике. По соотношению «цена-качество» ассесмент-центры — это наименее эффективная процедура оценки. Их успешная нынешняя продажа — результат эффективных маркетинговых усилий со стороны самих организаций-ассессоров (и частных лиц), но не результат объективного анализа валидности данных, получаемых таким дорогим способом. Первое озарение и отрезвление, которое придет с появлением массовых и доступных данных по валидности, приведет вначале к росту популярности квалификационных тестов (тестов профессиональных достижений), а затем — к ренессансу популярности психодиагностических методик. Только на новом качественном уровне.

А.Б. Балунов. Полагаю, что такие показатели, как валидность и надежность, существенно повысить не удастся, если мы говорим об измерении психологических качеств.

Л.Н. Собчик. Значительно (см. мою последнюю книгу «Управление персоналом и психодиагностика» — М.: Боргес, 2008).

Оценка личностных свойств в последние годы становится неотъемлемой частью работы специалистов по управлению персоналом, по подбору кадров, профориентации, а также в клинике пограничных состояний. Психодиагностические методики позволяют с помощью формализованных показателей не только выявить индивидуально-личностные свойства индивида, но и показать

степень их выраженности, уровень социально-психологической адаптации человека, его стиль общения, деловые качества, мотивацию, преобладающий тип мыслительной деятельности. В этой связи мною на протяжении 40 лет научно-исследовательской деятельности разработаны оригинальные тесты, а также адаптированы к отечественным условиям лучшие зарубежные методы исследования личности, задатков и склонностей индивида. Подобраны наиболее надежные и достоверные методики. Они в совокупности представляют собой батарею тестов, в том числе в виде компьютерных программ.

Каждый включенный в нее тест обладает своими достоинствами и раскрывает определенные аспекты личности. Применение тестовых методик в разных сочетаниях, а тем более использование всего набора методик представляется процедурой, которая достигает оптимального приближения к всестороннему портрету личности обследуемого, будь то сфера управленческих проблем, образования или изучение личностных особенностей в клинических условиях. Надежность и достоверность получаемых при этом результатов проверена и подтверждена многолетним опытом применения данной батареи тестов на практике, начиная с 1982 г. Это не только данные автора-разработчика, но и результаты, полученные множеством организаций, крупных предприятий и министерств государственного значения, частных фирм и компаний как по России, так и по странам ближнего зарубежья.

Н.А. Батури. Для всех психологов мира это желанная, но труднодостижимая цель. Однако психодиагностика развивается, и появляются все новые подходы и технологии. Как оптимист по натуре, уверен, что через 5 лет качество методик будет на 5% выше. Оптимизм основывается на научных данных. Недавно прочитал в солидном американском журнале, что прогностическая валидность тестов увеличивается. За последние 10 лет почти на 7%.

Валидность ассессмент-центров и так высока, но она сильно зависит от многих непсихологических факторов: продолжительности подготовки центра, обученности экспертов, финансирования центра и т. д.

Т.Ю. Базаров. Имеющийся на сегодня опыт позволяет отметить следующие моменты, учет которых существенно повышает объективность и прогностичность данных, получаемых с применением технологии ассессмент-центров. Позволю себе их перечислить в виде необходимых этапов работы:

- создается система оценки, основанная на изучении деятельности (актуальной или предполагаемой);
- на этой основе формируется модель компетенций (требований к исполнителю, предъявляемых деятельностью);
- модель компетенций переводится в модель компетентностей (личностных и деловых особенностей исполнителя);
- разрабатываются упражнения и другой диагностический или идентификационный инструментарий, который проходит предварительную проверку на валидность;
- участники проходят испытание, выполняя различные упражнения и техники;

- специально под программу готовятся наблюдатели;
- оценивается наблюдаемое поведение испытуемых, а не гипотезы о стоящих за ним причинах;
- каждый участник оценивается несколькими специалистами;
- фазы «наблюдения» и «оценки» разнесены во времени.

А.Н. Гусев. Можно предположить, что по мере разработки высококачественных психодиагностических инструментов, предназначенных для профессионального использования, будут повышаться прогностическая валидность тестов и их психометрические качества. Рынок HR-технологий — это быстро развивающийся рынок, в крупных городах формируются компании профессионалов-психологов, способных качественно проводить работу по оценке персонала. Тот, кто серьезно работает в данной области, тот и серьезно решает задачу повышения прогностической валидности используемых психодиагностических методик, занимается отслеживанием траекторий карьеры своих клиентов-испытуемых.

По поводу валидности ассессмент-центров ничего не могу сказать, я не специалист.

Л.Ф. Бурлачук. Сложно сказать, до какой степени... Проблема валидности связана с поиском адекватных внешних критериев, которые порой найти совсем не просто. Тем не менее мы уже располагаем методиками, имеющими вполне приемлемые показатели надежности и валидности. Только вот не нужно брать готовые зарубежные и по ним делать далеко идущие выводы. Недавно прочитал в Интернете статью «Утомленные тестом» и согласен с теми выводами, которые там сделаны. Об уровне подготовки специалистов для оценки персонала речь шла раньше.

К.В. Осетров. Проблема оценки эффективности тех или иных диагностических инструментов в области работы с персоналом — наверное, действительно одна из самых острых проблем. Ведь чтобы количественно оценить прогностическую валидность инструмента, нужно иметь не просто базу полученных результатов, но и данные о реальной успешности деятельности оцененных сотрудников. В идеале, чтобы понять точность сделанных в оценке выводов, желательно иметь данные не только об эффективности работника, но и о его карьерной траектории за какой-то период времени после оценочных мероприятий. А для этого нужно иметь большой опыт в области оценки персонала, а также поддерживать длительные контакты с заказчиками. В нашей компании подобного рода базы данных накопились, например, для предприятий энергетической отрасли и некоторых других областей промышленности, в которых мы уже много лет проводим оценочные процедуры и обучение кадрового резерва. Имея такую базу, мы можем говорить об оптимальном составе инструментов для оценки персонала в этой отрасли. Вообще задача улучшения прогностической валидности психодиагностики и ассессмент-центров в оценке персонала — это, по-видимому, не столько задача

работы с отдельными тестами, сколько задача оптимального подбора методик в рамках комплексной процедуры. Ведь в случае с психодиагностическими тестами можно улучшить их психометрические свойства по российской выборке в целом (или даже по отдельной профессиональной подвыборке), но совершенно не очевидно, сработает ли тест необходимым образом для решения конкретных задач в конкретной компании. Более вариативное построение процедур в ассессмент-центрах позволяет учесть специфику деятельности, однако возникает другая проблема: в каждом случае необходимо грамотно построить модель компетенций. К сожалению, в существующей российской практике оценки персонала этот этап часто практически опускается, а компетенции прописываются абы как. А ведь на этом этапе психологами должна быть проведена добросовестная исследовательская работа и выбраны действительно те параметры, которые в данной области будут дифференцировать успешных и неуспешных работников, от качества этого этапа зависит эффективность оценочных процедур в целом. На мой взгляд, все эти проблемы становятся все более очевидными и для специалистов в области психодиагностики, и для компаний-заказчиков. А это позволяет надеяться, что в ближайшие 5 лет в области оценки персонала в нашей стране будут происходить постепенные естественные изменения в сторону повышения качества оценочных инструментов.

Т.В. Корнилова. Я не встречала в публикациях на русском языке данных о прогностической валидности методик для оценки персонала. Разве кто-либо проводил какое-нибудь метаисследование, метаанализ? Пока он не появится, невозможно говорить об «улучшении», а вдруг у нас и так все замечательно в России?

Улучшить можно до каких-то общепринятых показателей, а также при учете культурной специфики (в контексте кросс-культурных сравнений методик).

Вопрос 7. Будет ли нарастать автоматизация психодиагностики или же, напротив, она отойдет как мода, вернув место специалисту-психологу?

А.Н. Гусев. Компьютеризация психодиагностической работы — это реальная необходимость использования современных информационных технологий, а не мода. В настоящее время любой грамотный психодиагност (т. е. специалист-психолог, а не нажиматель на кнопки компьютера) должен мастерски использовать все преимущества компьютера, поскольку это помогает не только работать быстрее, но и работать надежнее. Противопоставлять компьютерную психодиагностику и некомпьютерную вряд ли нужно и можно — это разные инструменты в «чемоданчике» психолога. Другое дело, что «чемоданчики» могут быть разные: кто-то блестяще владеет проективным тестом

чернильных пятен Г. Роршаха, посвятив его изучению 5–7 лет; кто-то с помощью правильно составленной батареи компьютеризованных психодиагностических тестов может вполне качественно обследовать за сутки 50 клиентов кадрового агентства. Очевидно, что это разные модусы профессиональных компетенций. То, что автоматизация будет нарастать, — это факт и веление времени. То, что качественные методы психодиагностики будут востребованы не менее, чем средства компьютерной психодиагностики, — также верно.

По-видимому, будут развиваться так называемые компьютерные экспертные системы, специализированные базы знаний по психодиагностике. Компьютеризация психодиагностической работы — это не цель, а лишь средство достижения нужного (а иногда и более быстрого или только быстрого?) результата. Хорошая компьютерная психодиагностическая система — полезный инструмент. Вот только несколько примеров: 1) расчет, коррекция и оперативная возможность использования нескольких психодиагностических норм для одного теста; 2) возможность быстрого соотнесения результатов тестирования по целому ряду методик; 3) удобство графического и/или табличного представления многомерных данных; 4) собственно разработка новых психодиагностических методик; 5) проведение сложных когнитивных тестов или тестов, моделирующих квазинатурные условия деятельности; 6) выполнение сложной статистической обработки данных и т. д. и т. п. Надеюсь, что вполне адекватным примером полезного использования компьютера в психодиагностике будет наш опыт создания современной системы «1С-Школьная психодиагностика». С ее помощью школьный психолог может не только просто распечатать стандартные бланки опросников, а затем ввести результаты в общую базу данных, но и провести в ручном режиме несколько тестов из очень популярной на Западе психодиагностической системы DAS (Differential Ability System), а затем выполнить очень сложную и трудоемкую количественную обработку зарегистрированных данных.

Компьютер может быть и просто помощником, не «навязывая» психологу лишние услуги по проведению психодиагностического обследования: с его помощью можно распечатать график профиля, рассчитать средние данные по группе испытуемых, наконец отсканировать и обработать бланк, заполненный испытуемым вручную или ребенком с помощью психолога (это, кстати, уже почти безошибочно умеет делать последняя версия компьютерной психодиагностической системы «ТестМейкер», которая весьма распространена во многих вузах нашей страны).

Таким образом, наш ответ на этот несколько провокационный и проективный вопрос редакции состоит в том, что компьютер — это полезный инструмент в обычной психодиагностической практике и весьма необходимое средство для разработчиков психодиагностических методик и технологий.

А.Г. Шмелев. Автоматизация — это не мода, а «невидимая рука рынка». Вы поглядите-ка на другие бывшие творческие профессии! На то, как вооружен нынешний писатель, который творит вовсе не узкоспециальную, а массовую художественную литературу, как работает современный композитор,

архитектор-дизайнер и т. п. Ну и на что же способен психолог, который умеет только включать и... выключать компьютер?

Кстати, ваш вопрос сформулирован порочно: он подразумевает, что компьютерные тесты вытесняют психолога. Это психологи сами себя вытесняют с рынка, не осваивая своевременно компьютерные тесты. Образец для сравнения такой: походите по ресторанам и посмотрите, где музыку играют койн-машины, а где играют музыканты, оснащенные компьютерными синтезаторами? Вот то-то! Нет фактически койн-машин (или остались немногие, но в самых дешевых забегаловках), играют живые музыканты, но опирающиеся на электронные системы. Так будет и с компьютерными тестами. А психологи, которые этого не понимают, будут просто вытесняться с рынка. Останутся психологи, которые умеют все рутинное передавать машине (как передают машине ритм и аккомпанемент современные исполнители на синтезаторах), а все творческое оставлять себе: будут использовать больше времени на то, чтобы смотреть на человека, вести с ним разговор на почве более объективных данных о нем и т. п.

Н.А. Батурин. Автоматизация психодиагностики будет нарастать, особенно у нас в России, где она в среднем по стране недавно оторвалась от почти нулевой отметки. Так как впереди 5 лет, есть куда расти.

Но в целом у автоматизации в области психодиагностики есть предел. Интерпретация индивидуальных данных — это в какой-то мере алхимия, а не химия психодиагностики. Поэтому творчество в анализе данных и особенно не поддающаяся пока учету интуиция психодиагноста останутся всегда востребованными. Хотя и в этой области наблюдается положительное развитие. Так, за рубежом существуют теория и реальные программы «компьютерной интерпретации тестов» (СВТИ). У нас усилиями К. Червинской (СПбГУ) развивается разработка схем интерпретации данных с использованием дуэта: эксперт-когитолог. Так что даже в святая святых психодиагностики — в интерпретацию данных — проникают компьютерные технологии. По моим оценкам, эти процессы в ближайшие 5 лет будут нарастать.

Т.В. Корнилова. Ни то, ни другое. С одной стороны, компьютерное сообщество привыкает к заочному тестированию. И психологи иногда оценивают качество такого тестирования. С другой стороны, диагностические решения всегда принимаются при участии психолога-специалиста и не сводятся к интерпретационным клише для полученных баллов. В Интернет-пространстве тестов будет крутиться много, но к решению диагностических задач это отношения не имеет. Я вообще верю в неограниченность возможностей человеческого разума, а значит, в понимание пользователями, что заочное компьютерное тестирование — это не более чем игра. С автоматизацией психодиагностики связано другое — разработка тестов более высокого уровня, с адаптивными стратегиями и т. д. Но это в первую очередь осуществляется в лаборатории, а потом неизвестно, как сложатся дела с практикой применения. Я имею в виду при этом не предметное педагогическое тестирование (здесь свои задачи и возможности). Кроме того, некоторые направления в психодиагностике

(например, динамическое тестирование) требуют активного участия специалиста-психолога и принципиально не автоматизируемы.

Л.Ф. Бурлачук. Мы уже, слава Богу, пережили эпоху всеобщей компьютеризации (поначалу она проходила, как помните, при отсутствии компьютеров). На Западе, как мы знаем, особенно в клинической психодиагностике уже в 1990-е гг. разочаровались в компьютерных программах, навязывающих психологу диагностические решения. Никто не собирается отказываться от компьютеров, без которых ныне психодиагностика просто неработоспособна, однако мне представляется, что заменить голову психолога они не могут, кто-то же должен думать, а не перебирать возможные варианты.

М.В. Розин. Да, думаю, будет нарастать. Это связано и с развитием информационных технологий и с попыткой проводить диагностику дешевле.

М.К. Акимова. Использование информационно-компьютерных технологий в психодиагностике возможно не всегда (играет роль возраст испытуемых, содержание заданий методик и пр.), и оно должно осуществляться квалифицированными психодиагностами. Поэтому не стоит говорить о том, что специалист-психолог вернет себе место, отнятое автоматизированной психодиагностикой. Он это место не имеет права отдавать неспециалистам. Только психодиагност способен дать квалифицированную оценку диагностическим результатам (в том числе и полученным посредством ИКТ) в свете всей необходимой дополнительной информации о клиенте; только он использует наблюдение, беседу, анализ продуктов реальной деятельности, экспертные оценки, анамнез и др. для уточнения диагноза.

К.В. Осетров. Автоматизация психодиагностики в ближайшие 5 лет однозначно будет нарастать, причем естественным образом будут выживать только те автоматизированные психодиагностические системы, которые действительно помогают специалисту-психологу и являются для него удобным рабочим инструментом.

И речь здесь, на мой взгляд, не идет только о том, что в автоматизированном режиме можно будет пройти тот или иной тест, после чего автоматически будут посчитаны значения по шкалам и выдан некий текст интерпретации. Создавая, например, нашу автоматизированную систему диагностики, мы ориентировались на то, чтобы обеспечить удобную среду для работы психолога и поддержку различных оценочных процедур, в том числе и экспертных. Активно используемая в оценке персонала система должна уметь хранить не только баллы по тестам, но и оценки, выставленные по итогам интервью и интерактивных процедур, а также сами сценарии упражнений и видеозаписи их прохождения. Другая задача, актуальная для современных систем оценки, — это возможность анализа в единой базе данных результатов психологической диагностики, психофизиологических и медицинских обследований, а также тестирования профессиональных знаний. Понятно, что анализировать такие

данные и принимать решения должны только компетентные специалисты, но без грамотно созданной компьютерной оболочки такая работа тоже представляется трудноосуществимой. Наконец, автоматизация позволяет вписать результаты оценочных мероприятий в более широкий контекст задач управления персоналом — психодиагностические системы в бизнесе неизбежно должны быть интегрированы с системами, автоматизирующими другие процессы в рамках работы с персоналом: аттестации, обучения, адаптации, планирования и т. п. Во всяком случае такие идеи мы закладывали, разрабатывая нашу систему EMD: Human Capital Management. В целом же на российском рынке сегодня очень мало систем, которые сочетают широкий функционал и грамотное содержательное наполнение, а запрос на такие комплексные программы существует. Поэтому мне представляется, что разработка и создание автоматизированных психодиагностических систем — это то направление, которое будет активно развиваться в нашей стране в ближайшее время.

А.Б. Балунов. Очевидно, что оба направления будут развиваться, решая свои задачи и отдаляясь друг от друга. С одной стороны, появится целый класс инструментов, способных решать стандартные задачи практически без участия психолога, с другой стороны, получат развитие методики, применение которых требует серьезного специального обучения.

Т.Ю. Базаров. Все зависит от задачи, стоящей перед консультантом, и концептуального подхода, который он использует. При «диагностическом» (количественном) подходе тенденция автоматизации будет нарастать. При подходе качественном («идентификационном») автоматизация интересна в той мере, в какой позволяет ускорять процесс сбора первичных данных и перевода их в «рабочие аналитические» схемы.

Вопрос 8. Сможет ли российская психодиагностическая элита проводить собственные передовые исследования? Узнаем ли мы наряду со шкалами Гутмана и моделью Раша о шкалах Иванова и модели Петровой?

Л.Ф. Бурлачук. На первый вопрос отвечу кратко: «да». Что касается второго, то скажу, что, несомненно, узнаем. Нужно только создать минимальные условия для работы и заинтересованность в ней, возможность видения результата. Хочу напомнить о всемирно известных «Психологических профилях» Г. Россоломо (1909). Эта российская методика опережала тогдашние зарубежные разработки на много лет. Забыли...

Т.Ю. Базаров. Уверен, что да. Но это возможно лишь в том случае, если мы не станем рассматривать «увекочивание» как специальную задачу. Будем работать — будут и результаты.

М.К. Акимова. Я думаю, что есть все основания ожидать появления отечественных интересных исследований в области психодиагностики.

А.Н. Гусев. Некоторые отечественные психологи работают весьма современно и эффективно, поскольку появляются новые оригинальные разработки, хорошие адаптации зарубежных методик (достаточно посмотреть на предложения московской компании «Гуманитарные технологии», челябинских коллег из «ПсиХрона», Санкт-Петербургских психологов из «Амалтеи» и др.). Тем не менее следует отметить, что профессионалов еще мало. Поэтому по «валу» мы западных коллег в обозримом будущем не обгоним, да и не догоним. Надо, как советовал известный классик, «учиться, учиться и учиться». Но поскольку отдельные профессионалы все-таки имеются и они реально работают, то, как говорят в спорте, в «индивидуальном зачете» у нас есть шансы создавать и внедрять в практику вполне надежные и конкурентоспособные технологии в области психодиагностики. За рубежом разработок на уровне подхода Гуттмана или модели Раша не так много. Они появляются там, где вырастают талантливые ученые. Например, в маленькой Голландии психологи вместе с математиками разработали очень хорошие процедуры многомерного шкалирования (они уже включены в последние версии статистической системы SPSS). Вполне можно предположить, что где-то в Челябинске или Самаре что-то подобное сделают и наши ученые. По крайней мере, я об этом мечтаю.

Л.Н. Собчик. Почему бы и нет? Уже существует ряд отечественных методик, апробированных и доказавших свою надежность. Что касается моих собственных разработок, то методика ИТО (Индивидуально-типологический опросник, разработанный мною в 1995 г.), ее детский вариант ИТДО и компьютерная версия применяются не только в практической работе психологов множества организаций, но и в научно-исследовательских работах, кандидатских и докторских диссертациях. То же можно сказать о Вербальном фрустрационном тесте, о Рисованном апперцептивном тесте, о методе сравнения парных таблиц. Что касается широко распространенного теста СМИЛ, то его вряд ли можно считать просто адаптированным ММРІ.

Методика СМИЛ радикально отличается как от ММРІ, так и от других модификаций этого теста (СКЛО, разработанный ленинградскими психологами как клинический тест ММИЛ, созданный на базе сокращенного опросника ММРІ Ф.Б. Березиным и М.П. Мирошниковым, ориентированный в основном на выявление состояния дезадаптации Минимульт – разработанный в Швеции Кинканнон и адаптированный в России как СМОЛ В.П. Зайцевым и В.Н. Козюлей). Начиная с 1968 г. по мере изучения теста ММРІ постепенно сформировался новый подход к возможностям стандартизированного опросника на базе мною же созданной теории ведущих тенденций и индивидуально-личностной типологии³.

³ Собчик Л.Н. Психология индивидуальности: Теория и практика психодиагностики. М.: Речь, 2003, 2005, 2008.

Тест СМИЛ обрисовывает многогранную структуру личностных свойств человека, включая эмоциональные особенности, мотивационную направленность, стиль общения, устойчивые профессионально важные черты и склонности, деловые качества, определяет степень тревожности, агрессивности, степень социально-психологической адаптированности, отклонения от средне-нормативных показателей. Методика позволяет оценить степень достоверности полученных данных с помощью шкал достоверности, проследить динамику личностных изменений, дифференцировать патологические изменения. Тест СМИЛ широко используется на практике в сфере проблем управления персоналом, кадрового отбора, профориентации, а также как дифференциально-диагностический тест в клинике пограничных расстройств с 1973 г. и зарекомендовал себя как надежный инструмент разносторонней оценки индивидуально-личностных свойств. Однако необходимо принимать во внимание, что ни один самый лучший тест не должен быть единственным при оценке состояния. В дополнение к любому вербальному тесту необходимо параллельно применять проективные методики с невербальным стимульным материалом, а результаты исследования рассматривать через призму шкал достоверности и тех установочных реакций обследуемого лица, которые могут быть связаны с конкретной ситуацией и условиями проводимого обследования.

Т.В. Корнилова. В ближайшие 5 лет исследования будут. О новых «отечественных» моделях узнаем за эти 5 лет вряд ли. Я уже говорила, что слабо развита математическая подготовка и студентов, и преподавателей. Научно-педагогические кадры, желающие разрабатывать методики по интересующим их темам, не проявляют интереса к современным методам построения диагностических методик и работы с многомерными данными. Если 5 лет назад на факультативных занятиях по введению в современные статистические методы для аспирантов работали человек 15, то год назад — уже не более 5. Трое из них, видимо, всерьез перейдут на новый уровень работы, что уже проявляется во «взятии» нормативов публикаций в зарубежных изданиях. Захотят ли делать такой рывок остальные? Я верю в то, что всегда будут люди, желающие жить в свое время, а не в прошлом.

Собственно, и во время нашего студенческого периода было на курсе человек 5, которые собирались и — частично в рамках студенческого научного общества, но в большей степени на собственном энтузиазме — овладевали современной статистикой. Их и знает современное поколение как своих преподавателей. Но дело даже не в количестве интересующихся, а в том, что молодые психологи (студенты, аспиранты) ориентируются часто не на квалификационный уровень психологических исследований в мире, а исключительно на внутренние критерии своего института, группы и т. д., которые не всегда предъявляют требования, соответствующие необходимому сегодня уровню статистической подготовки психологов.

Например, я спросила одну девушку, которая хотела узнать о современных методах выделения кривых развития в лонгитюдных данных, будет ли она

использовать подробно разобранный на факультативном для аспирантов семинаре методологию, коль скоро — в приложение к занятию — преподаватель снабдил группу «интересующихся» коллег новейшей компьютерной системой обработки данных для лонгитюдных схем. Она засмеялась и сказала, что это все «не в этой жизни». Ей лично для того, чтобы пройти обсуждение и защитить диссертацию, более чем достаточно дисперсионного анализа. И это после того, как на семинаре подробно было разобрано, почему для решения подобных задач дисперсионный анализ непригоден. А у нее было еще два года впереди.

Когда у аспиранта возникнет понимание необходимости как минимум ознакомления с современными подходами в психодиагностике и с соответствующими методами анализа данных, он выйдет за пределы критериев узкого профессионального круга, который тянет его назад. Так, трое студентов нашего факультета, которые приложили усилия для овладения современным методом структурного моделирования, сразу стали «конкурентоспособными». Они победили на международном конкурсе и попали в число тех 12 молодых психологов, для которых в преддверии Берлинского международного конгресса проводилась школа по современным методам, в частности, структурному моделированию. Возможно, они или другие, кто пойдет по этому пути личных усилий, в том числе личного финансирования своего пребывания среди «братьев по разуму», станут если не разработчиками новых диагностических проблем, то как минимум носителями стандартов в этой области знаний.

То, что сегодня среди российских психологов нет четкого представления о стандартах таких исследований, связано также с отсутствием междисциплинарной работы. Ведущие разработчики статистических пакетов (г-н Бентлер, автор программы EQS и ведущий специалист в области структурного моделирования, например, является профессором психологии и статистики одновременно) сотрудничают с математиками и психологами, обеспечивая мультидисциплинарный подход к обработке данных. Такой подход вообще характеризует парадигмальные сдвиги в методологии психологии. Но у нас, мне кажется, специалисты разных профессий слушать друг друга не хотят или не могут (ведь опять для этого нужно прилагать дополнительные усилия). Но ведь что-то происходит в этом направлении. Свидетельство тому — 3-я международная конференция по когнитивным наукам в Москве.

Но, кроме того, что хочется услышать о шкалах Иванова и модели Петровой, неплохо было бы, чтобы хотя бы треть студентов владела тем, что уже существует, — той же моделью Раша.

Н.А. Батурин. Я думаю, что тонкий слой российской психодиагностической элиты всегда проводил собственные передовые исследования, например, А.Г. Шмелев, Н.А. Курганский и др. Вторая часть вопроса не очень хорошо согласуется с первой половиной. Шкалы Гуттмана и модель Раша — это достижения психометрики, той части психодиагностики, которая связана с математикой. Поскольку российская математика всегда была сильнее

психологии, хотя бы потому, что математиков у нас не уничтожали физически и морально, как это делали с психодиагностами (после 1936 г.), вполне допускаю прорывы в психометрике психологизированными математиками. Лично знаю математиков, которые давно работают в зарубежных психодиагностических центрах, занимаясь психометрикой и статистикой, и при этом считают себя россиянами. К сожалению, у нас совсем мало тех, кто разбирается в современной психометрике, и прорыва даже в этой области изнутри не предсказываю.

Только что получил из Англии «Handbook of test development» (2007), написанный целым коллективом авторов. Этим томом в 778 стр. большого формата можно убить... любовь к психодиагностике у любого нашего студента-психолога, и тогда точно нам не видать шкал Иванова и моделей Петрова.

А.Г. Шмелев. Пока российские «практические психологи» и российские недобросовестные издатели тестов будут продолжать красть продукцию интеллектуального труда разработчиков, даже не понимая, что использование бесплатных тестов — это кража, мы не услышим громких русских имен в этой области. Сильные специалисты придут в эту область тогда, когда поверят, что в этой области уважают авторские права, что в этой области есть какая-то иерархия авторитетов, основанная на объективных критериях научных достижений, и т. п. Пока мы только на подходе к этой новой эпохе. Для этого 5 лет еще недостаточно будет. А вот через 15... будем надеяться!

К.В. Осетров. Возможно, моя точка зрения в данном вопросе — это скорее взгляд на ситуацию со стороны, но мне представляется, что подобной «психодиагностической элиты» в нашей стране пока, к сожалению, не сформировалось. Ведь передовые исследования в области психодиагностики предполагают сочетание некоторой красивой и продуктивной психологической идеи и грамотного использования математического аппарата. И упомянутый Джордж Раш, например, был специалистом-математиком, длительное время работавшим в области анализа психологических данных. В российской действительности, к сожалению, очень редко можно встретить специалиста, компетентного одновременно в области психологии и точных наук, при этом имеющего интерес как к работе с эмпирическими данными, так и к теоретическим разработкам. И появление таких специалистов, как мне представляется, возможно только при однонаправленном изменении и образовательной среды, и культуры практической психодиагностики. Произойдет ли это в ближайшие 5 лет? Вряд ли, но очень хочется верить, что именно таким будет основной вектор развития в этой области.

М.В. Розин. Думаю, что даже если и будут собственные передовые исследования, они будут плохо «упакованы», плохо описаны, поэтому мы о них так и не узнаем.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ

Н.А. Батурин

Дорогие коллеги, то, что нас не так уж и мало — тех, кто переживает за развитие психодиагностики, кого она глубоко интересует, кто посвятил этому жизнь, — очень обрадовало. С большим интересом прочитал Ваши ответы. Большинство из них мне очень созвучны. Тем не менее появилось желание что-то разъяснить, о чем-то поспорить.

Вопрос 1. В своем ответе А.Б. Балунов посоветовал, что госбюджетные учреждения не готовы и не хотят заниматься разработкой новых методик.

На самом деле «госбюджетные учреждения» пока проводят главную работу по созданию отечественных методик. Например, большинство методик, которые издает наша фирма «ПсиХрон», как раз разработаны в таких учреждениях: УИТ СПЧ — Универсальный интеллектуальный тест Санкт-Петербург — Челябинск, ПИТ СПЧ — Подростковый интеллектуальный тест Санкт-Петербург — Челябинск, КИТ СПЧ — Компактный ин-

теллектуальный тест Санкт-Петербург — Челябинск и др. Эти методики мы делали совместно с СПбГУ. Сейчас работаем вместе с ИП РАНом над методикой Социально-эмоционального интеллекта. В Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ) есть кафедра психологической диагностики и консультирования, есть лаборатория психодиагностики и есть «ПсиХрон», фирма с участием в качестве учредителя ЮУрГУ. Этим триумvirатом разработано уже 6 новых методик, например, ES — Оценочный стиль, ГОШа — Готовность к обучению в школе, ТДМ — Тест дивергентного мышления.

Настоящую методику энтузиасту-одиночке очень трудно разработать. Одиночки обычно делают одно-разовую методику для защиты своей диссертации, потом публикуют ее в открытой печати — и текст, и ключи, и интерпретатор. К сожалению, подобные публикации практикует и журнал «Психодиагностика» (главный редактор — М.К. Акимова).

Может, теперь после принятия Постановления РПО от 04.07.2008, в котором рекомендованы правила издания и распространения психодиагностических методик, такая практика прекратится.

Что касается фирмы «Иматон», простите, Аркадий Борисович, но мне известно, что серьезные научные организации не очень-то хотят иметь дело с этой фирмой, и я думаю, понятно почему.

Вопрос 2. В ответах на этот вопрос почти все были единодушны: необходимо формировать школы психодиагностики, по-новому готовить преподавателей психодиагностики и т. д. Так, например, Т.В. Корнилова подготовила очень обстоятельные и аргументированные ответы, в частности, на второй вопрос. В целом я с ними согласен.

Однако хотелось бы уточнить некоторые моменты. В первую очередь о том, что у нас в стране нет образовательных центров, в которых осуществляется подготовка специалистов по психодиагностике. На мой взгляд, как в ответах на этот вопрос, так и на некоторые другие проявилась общая беда московских специалистов — столицецентризм: нет в Москве или в МГУ — значит, нет нигде.

В предыдущем комментарии я уже привел пример создания научно-практического союза в области психодиагностики на факультете психологии ЮУрГУ. Могу добавить, что в Ярославле также есть фирма «Психодиагностика», тесно интегрированная с ЯрГУ, да, собственно, и лабораторию «Гуманитарные технологии» трудно отделить от взаимодей-

ствия с факультетом психологии МГУ.

Что касается специализированного обучения психодиагностике, то здесь я согласен с К.В. Осетровым, что подготовка разработчиков тестов не может и не должна быть массовой. В старом стандарте подготовки магистров было направление — дифференциальная психология и психодиагностика, но, как утверждают работники УМО, оно не было никем реализовано до 2008 г., когда в ЮУрГУ набрали первую группу магистров по этому направлению. Кроме того, могу сообщить последнюю новость: на заседании Президиума Совета по психологии УМО принято решение о введении в число магистерских программ программы «Психодиагностика», а также о подготовке нормативной базы для введения новой специальности в аспирантуре «Дифференциальная психология и психодиагностика». Это ответ на решения Всероссийской конференции по психодиагностике, о которых я писал, отвечая на этот вопрос в первой части интервью.

И, конечно же, я полностью согласен с каждым положением К.В. Осетрова и А.Г. Шмелева в их ответах на этот вопрос.

Вопрос 3. Как видно из ответов, мнение о необходимости сертификации методик, пользователей и услуг в области психодиагностики разделились.

Т.Н. Базаров, А.Н. Гусев, Т.В. Корнилова, А.Г. Шмелев и я — за добровольную сертификацию. Остальные относятся к этой проблеме как к нереальной в настоящее время или даже не нужной вообще из-за

опасения коррупции или борьбы за лидерство.

Как председатель Комиссии по психодиагностике РПО могу сказать, что работа в этом направлении идет полным ходом. И напрасно, например, Л.Ф. Бурлачук считает, что инструментарий фирмы Pearson не сертифицирован. Например, в Великобритании Общество психологов (BPS) имеет Комитет по стандартам тестов. Его возглавляет Патриция Линдсей, и она же является старшим редактором тестов, руководит процессом рецензирования тестов двумя специалистами и принимает окончательное решение.

Я задал ей вопрос: «А что, если комиссия принимает решение о несоответствии теста стандартам BPS, то может ли фирма издавать методичку?» Она ответила, что в принципе фирма может издавать такую методичку, но без включения ее в реестр сертифицированных методик ее вряд ли кто-то будет покупать. Издатели уже поняли, что без сертификата соответствия, выданного психологическим сообществом, очень рискованно издавать методичку, и поэтому добровольно проводят ее проверку на соответствие стандарту.

Комиссию по разработке правил сертификации и регистрации пользователей тестов и в Европейской федерации ассоциаций психологов (EFPA), и в Международной комиссии по тестам (ИТС) возглавляет Дейв Бертрам. В 2009 г. в Осло будет принят окончательный вариант этого документа, единого для всей Европы.

В марте 2009 г. я приглашен в Лондон для встречи с Патрицией и Дейвом, на которой мы будем пытаться

согласовать наши стандарты со стандартами этих комиссий.

Если говорить о США, то у них стандарты существуют с 1954 г. и уже шесть раз пересматривались. В США надзор за качеством методик и психодиагностов более строгий, чем в Европе. Следит, в частности, за качеством методик, специальный Комитет, созданный по инициативе Министерств обороны, труда, образования и Американской психологической ассоциации (АРА).

Вопрос 4. На мой взгляд, самый яркий ответ на этот вопрос дал А.Г. Шмелев. Он давний и бескомпромиссный борец за авторские права и против контрафактных тестов. Хотя в целом почти все эксперты согласны, что с контрафактом нужна всеобщая борьба и что многое зависит от развития правосознания самих психологов.

Борьбу можно было бы начать прямо сейчас, тем более что нормативная база уже есть (четвертая часть Гражданского кодекса РФ). Но получилось так, что если убрать из использования в принципе устаревшие и не стандартизированные зарубежные методички, то это подорвет исследовательскую и практическую работу наших психологов. Их просто нечем заменить. Отечественных методик мало, а за законную адаптацию зарубежных методик мало желающих взяться, так как дело это очень трудоемкое и с риском, что затраты никогда не окупятся, да и разрешение получить не так-то легко.

Но, с другой стороны, давайте каждый из нас про себя ответит на вопрос: а зачем вообще проводить обследование, когда неизвестно, что

измеряет методика? Только в некоторых исследовательских дизайнах такие методики применимы, где не нужна опора на статистические нормы.

Поэтому, чтобы решиться на отказ от использования старых тестов, нужно позаботиться о разработке новых отечественных или адаптации взаимозаменяемых. Вот в чем проблема.

Вопрос 5. Пожалуй, это единственный вопрос, в ответах на который почти нет разногласий: большинство за то, что все эти методы взаимодополняющие, а не конкурирующие.

Есть разногласия только в пропорциях использования методов: А.Г. Шмелев — в пользу психодиагностики, Т.Ю. Базаров — в пользу ассесмент-центра, и всем нам понятно почему.

Вопрос 6. А вот этот вопрос выявил самые глубокие разногласия, но в то же время и очень глубокую компетенцию наших экспертов.

С одной стороны, М.В. Розин и Т.Ю. Базаров считают, что самый эффективный и валидный метод оценки персонала — это ассесмент-центр. При этом забывается несколько вещей — чрезмерное упование на точность оценки оценщиков ничем не обосновано. Оценщики — это люди со всеми слабостями и проблемами. В нашей лаборатории уже несколько лет ведутся исследования влияния на процесс оценивания и внешних (контекстуальных), и внутренних (психических) факторов. Для того чтобы противодействовать им, необходимо специализированное и весьма дорогое обучение профес-

сиональных и непрофессиональных оценщиков во время подготовки ассесмент-центра. Это весьма существенная проблема.

Поэтому валидность этого метода ограничена сверху, хотя общепринято считать, что она достаточно высокая. Однако, прочитав ответы А.Г. Шмелева и К.В. Осетрова, задумался. Во-первых, не слишком ли дорогой ценой она получается? Во-вторых, а есть ли реальные процедуры проверки других видов валидности этого метода? Мне кажется, не стоит торопиться с выводами.

С другой стороны, есть мнение А.Г. Шмелева и Л.Н. Собчик о достоинствах прогностической валидности психодиагностических методов. Причем Л.Н. Собчик ссылается на многолетний опыт и на проверку их валидности на не менее крупных предприятиях и министерствах, чем сторонники ассесмент-центра. Думаю, что ближайшие 5–10 лет покажут, кто прав.

Я готов повторить почти то же, что и при первом ответе на этот вопрос: каждый из методов в оценке персонала занимает свою нишу. И преимущество в валидности одного из методов (пока не будем говорить — какого, поскольку мнения противоречивы) не может заменить нехватку других, даже менее валидных методов при решении разных проблем в оценке персонала. «Даже очень хорошее первое блюдо не заменит второе и тем более десерт».

Вопрос 7. Вопрос о росте автоматизации психодиагностики показал, что прогнозы экспертов имеют существенный разброс. Часть из них (А.Н. Гусев, А.Г. Шмелев, К.В. Осетров,

М.В. Розин) предсказывают ее рост. Однако другие (М.К. Акимова, Л.Ф. Бурлачук, частично Т.В. Корнилова) уверены, что роль психолога в диагностике очень высока, и ее не заменить никаким компьютером.

Н.А. Батури и Т.Ю. Базаров считают, что автоматизация либо ограничена в сфере интерпретации, либо неосуществима при использовании методов качественной диагностики.

Скорее всего, оправдается прогноз о разных темпах нарастания автоматизации при решении различных диагностических задач.

Несмотря на полемические разногласия, с таким выводом, по-моему, согласятся все.

Вопрос 8. Ответы на этот вопрос от краткого «да» (Л.Ф. Бурлачук, Т.Ю. Базаров, М.К. Акимова) до почти полного «нет» (К.В. Осетров, М.В. Розин и А.Г. Шмелев). Проме-

жуточную позицию заняли Т.В. Корнилова и Н.А. Батури. Особую позицию — уверенности, что ее методики как раз и являются примером достижений в диагностике, — заняла Л.Н. Собчик.

Остаюсь при своем мнении, что если точно отвечать на вопрос о достижениях в области психометрики, то заметные достижения возможны, но не силами психологов-психодиагностов, а скорее математиков-психометристов.

В заключение хочется выразить огромную благодарность всем экспертам. На мой взгляд, качество их ответов в целом демонстрирует достаточно высокий уровень отечественной психодиагностики.

У нас есть шансы для того, чтобы нашу психодиагностику не постигла судьба нашего автопрома (сравнение Т.Ю. Базарова).

Т.Ю. Базаров

Прогнозы, как известно, — дело неблагодарное. Однако в данном случае прогнозировать — это еще и высказать свое мнение о состоянии и перспективах означенной области психологии, а именно психодиагностики. Прежде чем прокомментировать выступления коллег, позвольте высказать ряд предварительных замечаний.

Первое. Психодиагностика как измерение личностных свойств.

Достаточно давно Ю.М. Забродин и В.И. Похилько, анализируя методы диагностики стабильных и общих, с одной стороны, и уникальных и изменчивых свойств личности, с другой, предложили классификатор диагностических методик¹. Думается, что наступило время об этом еще

¹ Забродин Ю.М., Похилько В.И. Теоретические источники и назначение репертуарных личностных методик // Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.

раз вспомнить. На оси абсцисс они расположили два полюса способностей диагностики описывать общее и уникальное в личности. Стабильные же и, соответственно, изменчивые свойства личности располагаются на оси ординат. Если теперь рассмотреть обе шкалы, то легко выделить четыре класса диагностических задач (рис. 1).

Очевидно, что не все классы задач равным образом обеспечены диагностическими методиками. Так, первый класс — диагностика стабильных и общих черт личности — область, наиболее разработанная на сегодняшний день и обеспеченная в основном количественными методами измерения. Второй и четвертый классы в некоторой степени обеспечены методами, сочетающими в себе как количественный, так и качественный

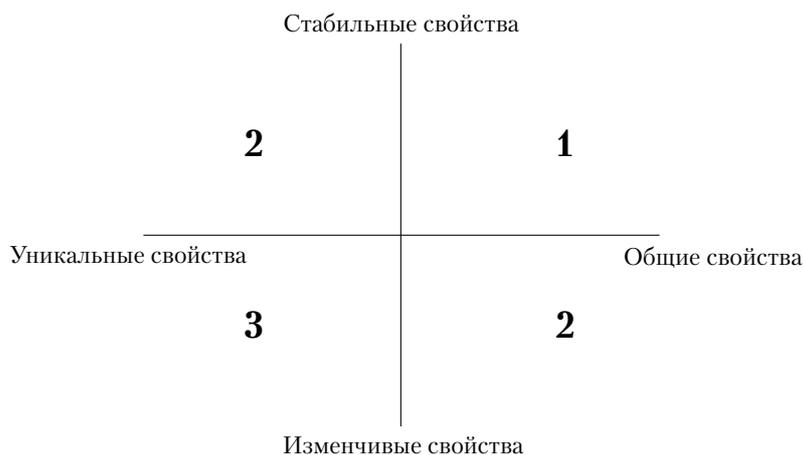
подходы. В то же время третий класс — диагностика уникальных и изменчивых свойств — наименее разработанная область, связанная с распознаванием индивидуальных особенностей и специфики поведения личности, требующая реализации идеографического подхода как совокупности методов качественного анализа.

Второе. Психодиагностика и идентификация или соотношение количественного и качественного подходов к оценке личности. Данный вопрос, на мой взгляд, до сих пор остается вполне актуальным. Сошлюсь на диссертационное исследование Д. Мякушкина, выполненное под нашим руководством 10 лет назад.¹

Обобщенные данные представлены в табл. 1.

Рис. 1

Двумерный классификатор диагностических методик

² Мякушкин Д.Е. Социально-психологические аспекты комплексной оценки персонала организации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Вопрос по-прежнему заключается не в том, какой из подходов (количественный или качественный, диагностический или идентификационный) предпочесть при проведении оценки. Принципиально важна концепция, лежащая в основе используемого подхода. Концептуально

любая оценка может быть представлена на континууме ближе либо к полюсу «диагностика», либо к полюсу «идентификация». В первом случае эксперты исходят из наличия стандартных норм, с которыми могут быть сопоставлены полученные данные. Во втором случае предполагается

Табл. 1

Основные сравнительные характеристики качественных и количественных методов исследования

Качественные методы	Количественные методы
<i>1. Происхождение</i>	
Из психологии, гуманитарных наук	Из социологии, социальных наук
<i>2. Парадигма</i>	
Близка к «понимающей психологии» Опора на глубокий психологический анализ мира субъективных явлений, на субъективное познание. Характерен индуктивный анализ	Близка к «естественнонаучной парадигме». Опора на объективное познание, на выявление статических статистических количественных закономерностей. Характерен дедуктивный анализ
<i>3. Проблема</i>	
Более частная	Более общая
<i>4. Уточнение проблемы исследования</i>	
Путем осмысления наблюдаемых факторов с разных точек зрения, в разных теоретических подходах, с точки зрения здравого смысла	Путем развертывания гипотез, эмпирически проверяемых на большой статистике
<i>5. Целевая установка исследования</i>	
Попытка объяснить явления; очень туманная целевая установка; прояснение цели в ходе исследования	Теоретико-познавательное; теоретико-прикладное; прикладное
<i>6. Методики</i>	
Нестандартизированные, проективные, полустандартизированные	Стандартизированные методики
<i>7. Выборка</i>	
Небольшая выборка	Большая выборка
<i>8. Отношение к статистической процедуре</i>	
Игнорирование статистических процедур	Опора на статистические процедуры

Табл. 1 (продолжение)

<i>9. Преимущества</i>	
Экономичность. Адекватность категориальному аппарату исследуемых. Гибкость. Глубина исследования и цельность в описании объектов. Опора на здравый смысл. Быстрое получение богатого объема данных. Комплексность. Отражение реального содержания мотивационных и эмоциональных аспектов восприятия. Учет неосознаваемых факторов в жизни человека. Формулирование новых концептуальных представлений. Выявление уникальных и изменчивых свойств	Большой охват. Возможность больших обобщений. Относительная легкость обработки результатов. Повторяемость и проверяемость результатов. Выявление устойчивых и объективных характеристик объекта исследований. Объективный характер процедуры исследования. Возможность сравнить индивидуальные результаты исследований с данными исследований больших выборок. Возможность построения математической модели исследуемого объекта
<i>10. Ограничения</i>	
Большая вероятность субъективизма в анализе. Сложность анализа полученных данных. Необходимость в высокой квалификации исследователя. Возможность получения различных интерпретаций одних и тех же данных разными специалистами	Недостаточно глубокий психологический анализ. Возможность неадекватных ответов исследуемых. Вероятность «смещения» и неверных выводов в результате неискренних ответов, эффекта «социальной желательности» и т. д. Неадекватность вопросов категориальному аппарату исследуемых. Отсутствие гибкости

наличие типологии, из которой исходят консультанты. При этом возможные варианты «движения» в любом из указанных направлений обычно группируются вокруг таких конструктов, как «задачи», «функции» или «роли».

Меня несколько удивила реакция ряда коллег на практику использования технологии ассесмент-центров, которая насчитывает уже около 20 лет. Не думаю, что наши коллеги, которые все эти годы практикуют в данной области, не отдадут себе отчета в том, что они делают.

Имеющийся отечественный опыт создания и использования моделей, основанных на технологии ассесмент-центра, — это и аттестация представителей Президента РФ (1993),

и методика оценки антикризисных управляющих РФ (1994–1999), и конкурс «Государственная служба: кадры нового поколения», проведенный в Приволжском федеральном округе (2000–2002). Один из последних проектов, проведенных нами в августе 2008 г. на материале высших и главных должностей администрации губернатора Белгородской области, свидетельствует о том, что разработанная модель компетентностей может рассматриваться как вполне «рабочая основа» для создания нового профиля управленческих компетенций. В ней предпринята и апробирована попытка отразить те требования, которые предъявляют бизнес и государственная служба к

руководителям в условиях непрерывных изменений и перехода к экономике знаний. Понятно, что работа в направлении уточнения модели должна быть и обязательно будет продолжена. В частности, будут проведены прогностические компетентностные интервью и фокус-группы с успешными российскими руководи-

телями государственных и бизнес-структур.

Хотелось бы пожелать успехов всем коллегам, работающим в сфере психодиагностики и оценки персонала. Практикующие профессионалы, уверен, будут благодарны разработчикам за новые идеи и инструментарий.

А.Б. Балунев

Удалось познакомиться с прогнозами ведущих специалистов в данной области. Получил много информации к размышлению, тем более что я, в отличие от уважаемых коллег, не считаю себя специалистом в психодиагностике, скорее я инвестор в области практической психологии. Все же с чем-то хотелось бы поспорить, что-то уточнить (возможно, более адекватной формой обсуждения темы был бы круглый стол). Итак:

1. Возможно, некоторые уважаемые коллеги слишком расширительно трактуют основные понятия обсуждаемой темы: «психодиагностика», «психодиагностическая методика (тест)», относя к ним и квалификационные тесты. Мне кажется, эти измерительные инструменты не имеют прямого отношения к психологии, таким образом, получается, что мы говорим о разных вещах.

2. Мне кажется, существенно преувеличивается роль и значение

инструментальной психодиагностики в современной психологической практике. В большинстве случаев инструментами психолога являются авторучка, бумага и «ментальная» методика (метод). Даже в бизнесе (в том числе и в ассесменте), к моему глубокому сожалению.

3. К сожалению, далеко не все участники интервью хорошо представляют себе экономические аспекты всей технологической цепочки появления психодиагностической методики в широкой практике: разработка (апробация), производство (маркетинг), реализация (сопровождение). Если сопоставить совокупные затраты, инвестиционный период, платежеспособный спрос, то, как правило, прибыль не просматривается.

Таким образом, разработать хороший продукт — это только полдела, необходимо сделать его достоянием профессионального сообщества.

Л.Ф. Бурлачук

Наверное, то, что я скажу, это совсем не заключительное слово, а продолжение дискуссии. Прежде всего, несмотря на незначительные нестыковки, мнение всех участников едино: нашим психологическим тестам, соответствующим международным стандартам, быть. Быть и зарубежным, опять-таки соответствующим международным требованиям и изданным с соблюдением авторских прав. Я удовлетворен мнением коллег и готов сотрудничать с ними. Не могу, однако, не отметить и мнения издателя многих зарубежных тестов, относительно которых нет данных об их легальном присутствии в российском научном пространстве. Я имею в виду высказывание г-на Балунова о том, что не существует отечественной психодиагностики, а факультеты психологии дают вполне достаточное образование в этой области. Есть, правда, оговорка, что так было 25 лет назад. Не хочу говорить о том, что за четверть века произошли некоторые изменения, которые, видимо, не заметил г-н Балунов. Можно только позавидовать, годы идут,

а «Иматон» все так же издает зарубежный секонд хэнд. Бог с ним, с соблюдением Закона об авторских правах. Оставим это на совести издателя. Дальнейшая наша работа должна осуществляться в правовом поле. Мы начали эту работу и будем ее продолжать.

И еще раз по поводу сертификации методик (тестов). Вероятно, можно согласиться с г-ном Балуновым в том, что для успешной ловли рыбы не нужна сертификация удочек. Она проделана другими людьми раньше. Трудно представить себе, что мы поймаем рыбку на загнутый вверх кусочек проволоки. Мы используем надежный крючок, сделанный из определенного материала, имеющий некий угол изгиба и т. п. Это и есть сертифицированный продукт. А поэтому ежели мы не видим сертификации на уровне издателя (внутренней), чего, на мой взгляд, было бы достаточно, особенно когда издательство признано международным сообществом, то какое-то время следует заниматься внешней (экспертной) сертификацией методик.

А.Г. Шмелев

Я успел достаточно внимательно ознакомиться с высказываниями коллег. Впечатление ожидаемое: разброд во взглядах, оценках и прогнозах слишком велик. Почему «ожидаемое»? Потому что я, увы, слишком

хорошо знаю, как мы общаемся. Нередко на конференциях докладчики приходят лишь на... собственный доклад. Слушать, читать, изучать, что делают другие, времени нет. Да и особого желания тоже нет. Это что-то

вроде «церебральной гигиены»: если не изучать, что делают другие, то это помогает сконцентрироваться и довести до конца свой собственный проект. Но... последние годы стало слишком заметным, что новая эпоха (новое тысячелетие) бросает новые вызовы российским психологам, а они оказываются абсолютно разобщенными для достойного ответа. Мы сетуем на дефицит квалифицированного платежеспособного спроса на психодиагностический инструментарий. Но есть и такая точка зрения, что спрос есть, но нет предложения (см. реплику А.Б. Балунова, из которой при всей ее маргинальности я пытаюсь вычитать здравый смысл). Так и будет в отсутствие хорошо структурированного рынка: разработчики будут сетовать на отсутствие квалифицированного платежеспособного спроса, а пользователи будут сетовать на отсутствие предложения. Ведь действительно нет методик, которые прошли бы всестороннюю общественно-профессиональную экспертизу в самом сообществе и были признанными, были рекомендованными (сертифицированными). Нет фактически самого сообщества, которое создавало бы структурированный и интегрированный профессиональный рынок, позволяющий (подталкивающий) пользователям методик расти в своей квалификации. Ведь в этом плане в любой отрасли именно производители продукции должны осознать свою ответственность за рынок: именно они, а не потребители, его организуют.

Самый знаменательный факт — это негативная оценка перспектив создания системы сертификации. Впрочем, это факт для меня ожидае-

мый, так как я ситуацию в нашем обществе психологов изучил уже и 20, и 10 лет назад, и, увы, она не меняется. Интервью показало, что многие (если не большинство) из известных специалистов НЕ видят смысла в усилиях по созданию системы сертификации. Многие называют своими именами причину: кто-то обязательно извратит систему сертификации, подчинив ее не корпоративным целям (интересам профессионального цеха психологов в целом), но личным интересам. И так, мы по-прежнему глубоко и болезненно не доверяем друг другу — в этом кроется и в этом одновременно проявляется ключевой фактор, причина множества других проблем и бед. Субъективно легче довериться зарубежным специалистам, чем своим российским коллегам («Придите, варяги, и правьте нами» — летописная история повторяется). Логику этого недоверия наиболее ярко выразил М.В. Розин: сертифициаторы — это те, кто не умеет сам создавать методики (цитирование не дословное). По-другому организованная сертификация, кроме подчинения всех какому-то монополисту, не видится в таком случае вовсе. Так что даже сама идея еще до всякого появления монополиста вызывает сопротивление.

Поэтому я вижу проблему так. Еще до всяких организационных преобразований должен произойти определенный позитивный сдвиг в профессиональном самосознании ведущих специалистов. Об этом сдвиге говорит фактически М.К. Акимова, его имеют в виду и другие. Например, Т.Ю. Базаров — о «гильдии». Но... многие полагают (как, впрочем, и я об этом пишу), что рост цехового

самосознания не может произойти одним «большим скачком», но лишь постепенно, эволюционно. Я был бы рад присоединиться к оптимизму Н.А. Батурина, полагающего, что уже сегодня имеются условия для запуска системы сертификации, но уверен, что еще до этого надо совершенно по-другому организовать нашу профессиональную коммуникацию внутри сообщества, без этого не появится базисного доверия и уважения, не появится единодушие в отношении объективной системы критериев для сертификации. Ведь одной из главных причин для недоверия является, по моему мнению, вовсе не личностная низкая оценка моральных качеств коллег, а отсутствие единства в трактовке критериев для сертификации, для оценивания методик и специалистов. Когда появляется профессиональное, цеховое сообщество? Тогда, когда появляется единство в трактовке, что такое хорошо и что такое плохо в оценке профессиональной продукции. У архитекторов (инженеров-строителей) такое единство, например, основано на ясном понимании критериальных чисто инженерных требований к качественным зданиям (офисным или жилым): сейсмостойкость, термоизоляция, шумоизоляция, освещенность, водоснабжение, энергоснабжение, подъездные пути и т. п. А такие «вкусовые», субъективные критерии, как экстерьер и интерьер, занимают отнюдь не доминирующее положение. У нас же в психологии (и мы это сами понимаем и учитываем в своих прогнозах) нет до сих пор единства в трактовке объективных (внеличностных) критериев для оценивания методик. Некоторые вообще, как мне

кажется, не слишком верят в то, что сами эти критерии существуют, отрицая по факту своих суждений само существование таких критериев, как валидность, надежность, репрезентативность и достоверность. Я бы даже сказал, что некоторые вполне влиятельные коллеги до сих пор и не слишком интересуются этими критериями, не слишком изучают объективно-статистические процедуры проверки этих параметров качества, чтобы... не расстраивать самих себя. Поэтому-то в их понимании никаких других критериев оценки, кроме субъективных, в психологии (и в психодиагностике, в частности) до сих пор не существует, поэтому-то любая сертификация — это выражение чьего-то чисто субъективного мнения. Поэтому-то любая система сертификации в нынешней психологии — это, в их понимании, лишь система личной власти, ибо при таком подходе без узурпации власти прочность субъективных критериев оценивания невозможна. Так замыкается порочный логический круг, обосновывающий пессимистические прогнозы, превращающиеся в пессимистические сценарии в ходе своей реализации.

Можно ли хотя бы попытаться (еще раз попытаться) как-то разорвать этот порочный круг? С моей точки зрения, определенные новые основания для такой попытки в наше время дает появление Интернет-технологий для интеграции экспертного знания. Предположим, вы не верите, что существуют объективные критерии для оценки методик, и, по вашему мнению, все критерии, из которых исходят эксперты, могут быть лишь субъективными. Хорошо, но

давайте попробуем быстро синтезировать множество субъективных экспертных оценок! А вдруг мы обнаружим в каких-то вопросах совпадение мнений, за которым будет лежать признание разными специалистами каких-то общих, т. е. объективных истин? В наше время Интернет дает в этом плане возможность реализовать и ускорить подобные процедуры в десятки и даже сотни раз (эффект трех порядков в ускорении!). Мы даже можем успевать «прокрутить» сбор и анализ экспертных суждений не по одному кругу, а в несколько туров. Вот, например, редакция журнала «Психология» успевает разослать материалы интервью по первому кругу, так что некоторые коллеги успевают отнестись к ним по второму кругу (как я пытаюсь это сделать в своем комментарии).

Давайте попробуем собрать мнения специалистов в более структурированном формате. Для начала по тематике данного интервью. Я предложил Д.В. Ушакову запустить параллельно с подготовкой к публикации этих текстов в журнале свободное обсуждение в ином режиме — процедуру экспертного Интернет-опроса в рамках проекта «Экспертное Интернет-сообщество психологов». Этот проект очень молод. Ему только 2 месяца от роду, да и то

правильнее его назвать «пренатальным», ибо еще блоги экспертов только-только появляются для опубликования на сайте www.ht.ru — в открытом Интернете. Но что интересно: большинство авторов данного интервью уже состоят в данном Интернет-сообществе, имеют свои блоги и пишут в них, а также могут предлагать и проводить собственные экспертные Интернет-опросы. Это сделано на базе платформы www.ht-line.ru, разработанной в лаборатории «Гуманитарные технологии».

Таким образом, еще раз о моем конструктивном предложении: давайте продолжим разговор, обозначенный в этом интервью, не только на страницах журнала, но и на форумах Интернет-сообщества. Давайте соберем данные структурированного опроса, в котором реплики-ответы коллег станут предметом выбора по вопросам уже не открытого, но закрытого типа (на самом деле смешанного, ибо возможность добавить свою непредусмотренную реплику всегда будет). Давайте потом отнесемся к результатам такого структурированного опроса. Возможно, что нас разделяет не так много, как кажется, когда мы выражаем свои суждения в совершенно свободной форме. Это только гипотеза. Но она заслуживает проверки.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

«7» июля 2008 г., Москва

На основании решений Международной комиссии по психологическим тестам и в соответствии с нормами Этических кодексов психологов большинства стран Президиум РПО принял решение обратиться с рекомендацией:

1. Всем авторам и издательствам, выпускающим профессиональную (научную и научно-методическую) литературу по психологии (журналы, книги, пособия, брошюры), воздержаться от опубликования в свободно распространяемых изданиях полных текстов профессиональных психодиагностических методик (то есть методик, предназначенных для оказания профессиональных психодиагностических услуг), ключей для обработки результатов и норм для их интерпретации, поскольку это ведет к несанкционированному и непрофессиональному использованию методик, приводит к неадекватным результатам (в связи с рассекречиванием методик для потенциальных испытуемых), нарушает права человека, может нанести вред здоровью и психическому благополучию обследуемых. Исключение составляет публикация открытых и развлекательных методик, авторы (или издатели) которых в примечании к самой публикации заявляют, что данные методики ориентированы исключи-

тельно на самопознание испытуемых и не могут использоваться в качестве инструментов оказания профессиональных психодиагностических услуг.

2. Всем фирмам и организациям, издающим психодиагностические методики (тесты), рекомендуется приступить к созданию системы персональной регистрации покупателей психодиагностических методик, которые в соответствии с международными нормами в ближайшем будущем должны распространяться в России только среди профессионально подготовленных пользователей — по принципу «персональных продаж» (с ведением либо архива лицензионных соглашений, как это принято при распространении компьютерных программ, либо реестра заказчиков). В будущем — после создания, апробации и введения Системы сертификации в области психодиагностики — методики должны продаваться (или передаваться безвозмездно) только психологам, или уже сертифицированным соответствующими органами сертификации РПО, или работающим под руководством (в режиме научно-методической опеки — «супервизии») сертифицированных психологов. Временно (до конца 2009 года, до развертывания Системы сертификации)

методики рекомендуется продавать и несертифицированным пользователям, но имеющим психологическое образование. Каждый факт продажи крайне желательно фиксировать в специальном журнале с указанием Ф.И.О., номера диплома и названия ВУЗа или номера сертификата психодиагноста-пользователя. До выхода соответствующего дополнения к нормативно-правовой базе издательской деятельности в РФ РПО обращается пока с этими рекомендациями лишь к организациям, которые возглавляют профессиональные психологи, члены РПО.

3. Всем членам РПО, являющимся разработчиками психодиагностических методик, рекомендуется не передавать для публикации в открытой печати, в том числе и в специализированных психологических изданиях, тестовые материалы, ключи для обработки результатов и нормы для их интерпретации. Допустимо публиковать лишь образцы тестовых заданий, а также образцы интерпретации результатов.

4. Всем издателям литературы и профессиональных психодиагностических методик в связи с вступлением в силу с 1 января 2008 г. Закона об охране интеллектуальной собственности (Закон РФ о введение в действие IV части Гражданского кодекса РФ) рекомендуется запросить официальное разрешение (или заключить лицензионное соглашение) у зарубежных и отечественных правообладателей, их наследников или фирмы-издателя, обладающей соответствующими правами на выполнение работ по адаптации и стандартизации тестов и дальнейшее их распространение на территории России

(Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву и Соглашение ВТО о торговых аспектах права интеллектуальной собственности, вошедшие в 4-ю часть ГК РФ).

В будущем к нарушителям профессионально-этических норм Президиум РПО планирует предпринимать санкции, лежащие в рамках полномочий РПО как профессионального союза психологов в Российской Федерации и находящиеся в полном соответствии с международными нормами:

- публиковать списки нарушителей в издаваемых РПО журналах, на специальных разделах официального сайта РПО, на сайтах Экспертного совета РПО и Национального института сертификации психологов;

- прекращать рассматривать просьбы издательств-нарушителей о присвоении грифа УМО учебникам и учебным пособиям, планируемыми или к изданию;

- отказывать авторам-разработчикам психодиагностических методик, нарушающих данное Постановление, в сертификации их методик в органах сертификации РПО;

- отказывать в прохождении сертификации пользователям профессиональных психодиагностических методик, работающих с методиками, опубликованными с нарушением правил, описанных в настоящем Постановлении. После 2009 г. в органах сертификации для подтверждения Сертификата будут приниматься лишь заявления от психологов, способных предъявить персональное лицензионное соглашение — либо собственное, либо супервизора — на право пользования определенной методи-

кой от разработчика и (или) распространителя (издателя) методики.

Комиссии по психодиагностике Экспертного совета РПО (Н.А. Батулин) разработать и предложить на

утверждение Президиума «Профессионально-этический стандарт психодиагноста», а также «Меморандум фирм-изготовителей психодиагностических методик».

Короткие сообщения

РЕАКЦИИ ЧЕЛОВЕКА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВ СПИРТНОГО

Т.Н. БЕРЕЗИНА

Резюме

В статье показано влияние, которое оказывает представление образов алкогольной тематики на запах, исходящий от испытуемого. Эмпирически доказана возможность регистрации паров этилового спирта в выдохе человека с помощью алкотестера «Драйвсейф» в результате представления образов, запаха и вкуса спиртного. Выделены два типа положительных реакций человека на воображение образов спиртного: фиксация на образах спиртного — появление алкоголя в выдохе при воображении спиртного и сохранение этого эффекта после того, как человек начинает думать о другом, классическое переключение — при воображении спиртного алкоголь появляется в выдохе, при прекращении воображения исчезает. Зарегистрировано, что в некоторых случаях эффект воображения может быть стойким и сохраняться в течение 20 мин после окончания опыта. Показано, что в половине случаев регистрация алкоголя в выдохе сопровождается его появлением в слюне.

Ключевые слова: воображение, образы спиртного, обоняние, запахи, алкоголь, этиловый спирт

Воображение человека играет большую роль в регуляции его функциональных состояний. Система саморегуляции психических состояний включает психофизиологический уровень, именно представление психических образов, повторение

формул, вызывание ощущений ведет к изменению психофизиологического состояния организма (Дикая, Гримак, 1983; Прохоров, 2005). А.А. Гостев приводит множество примеров психотерапевтических эффектов образной сферы: визуализация тех или

иных образов может запустить в организме программы исцеления психосоматических болезней, изменить поведение человека и т. п. (Гостев, 1998).

Данное явление хорошо изучено и в связи с интересующей нас группой психических образов — образов спиртного. Доказано влияние образов спиртного на поведение человека и на его состояние, при этом образы антиалкогольной тематики могут ослаблять алкогольное поведение человека (Павлов, 1997; Kuenzler, Beutler, 2003), а образы спиртного, пьющих людей, наоборот, вызывать его; загнипнотизированные испытуемые ведут себя подобно пьяным, ощущают вкус и запах спиртного (Петренко и др, 2006).

Возникает естественный вопрос, насколько объективным может быть данный феномен? Возможно ли появление молекул этилового спирта или каких-то других веществ, близких спирту по своей химической структуре, в выдохе людей, не принимавших алкоголя, а только воображавших его вкус и запах?

Как известно, эта проблема имеет юридический аспект, связанный с тем, что в нашей стране запрещено управление автомобилем в нетрезвом состоянии, а диагностика состояния опьянения часто осуществляется по запаху, исходящему от человека, диагностируемому или органолептически, или с помощью алкотестеров. Эта проблема не нова. Еще в конце XX в. в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 16 мая 1972 г. № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» при заболеваниях и травмах, связанных с состо-

янием алкогольного опьянения, больничный лист не выдавался и пособие по временной нетрудоспособности не выплачивалось. Это привело к росту жалоб, которые рассматривались Комиссией жалоб. А.Г. Зеренин, анализирующий работу этой комиссии, пишет: «И очень много было обнаружено неправомерно поставленных диагнозов “алкогольное опьянение”, хотя человек не пил. Подводили даже такие признанные методы диагностики, как анализ содержания алкоголя в моче и крови» (Зеренин, 1983, с. 155). Причиной этого автор считает то, что пары алкоголя не являются главным показателем алкогольного опьянения и они могут появляться в выдохе, даже у трезвого человека. «Нередко диагноз “алкогольное опьянение” устанавливается только на основании наличия признаков употребления спиртных напитков (наличие запаха изо рта, положительные химические реакции), хотя химические методы на алкоголь в диагностике алкогольного опьянения являются не основным, а лишь дополнительным методом» (там же, с. 153). Э.А. Бабаян и В.В. Посохов считают, что более значимыми показателями опьянения являются поведенческие и двигательные изменения, а не фиксация этилового спирта в выдохе (Бабаян, Посохов, 1980).

Эта проблема существует и в наши дни, особенно в отношении водителей автотранспорта. Случаев несогласия людей с диагнозом «алкогольное опьянение» очень много, правда, появление запаха в выдохе у трезвого водителя обычно объясняется не воображением шофера, а погрешностью прибора или приемом

каких-то других неалкогольных препаратов. Так, журналист Сергей Голубцов пишет: «Дело в том, что индикатор любой сложности, во-первых, имеет погрешность не менее 5%, во-вторых, может откликнуться на такие провокации, как зубной кариес, выпитый стакан кваса, кефира или, скажем, препарат для лечения язвы желудка. Недавно в одном из райсудов Москвы рассматривалось дело водителя, выпившего за рулем успокоительный новопассит. Чтобы доказать перед мировым судьей его невиновность, пришлось пойти на эксперимент. В зале заседания подозреваемый выпил лекарство и через пять минут дыхнул в заранее купленный для теста прибор. Прибор показал 0.8 промилле. Через 20 минут второй контрольный выдох — и алкотестер зафиксировал 0.0 промилле. Судью это убедило, и дело было прекращено» (Голубцов, 2007).

Целью нашего исследования было изучить возможность появления соответствующего запаха от человека, который активно думает об этиловом спирте, представляя образы алкогольной тематики и вызывая у себя ощущение вкуса и запаха алкоголя.

Гипотеза. Мы предположили, что при визуализации образов спиртного может изменяться функциональное состояние организма, следствием чего может быть выделение летучих метаболитов, которые органолептически и с помощью приборов будут восприниматься как соответствующий запах, исходящий от человека. Если трезвый человек воображает спиртное, то пары алкоголя появятся в его выдохе, если человек будет воображать нейтральные образы (чай,

кофе), то пары алкоголя из выдоха исчезнут.

Оборудование

1. Алкотестер «Драйвсейф» (Drivesafe). Диапазон измерений: 0–1.5 промилле. Прибор имеет сертификат соответствия и регистрационное удостоверение МЗиСР, все обследования проходили в течение 3 месяцев после калибровки.

2. Емкость со спиртным. 100 мл 95% этилового спирта, налитого в бутылку 0.5 л из-под колы.

3. Индикаторные полоски для качественного определения алкоголя в слюне — алкосенсор СИМС-2. Ставились оценки: следы (+) — полоска позеленела, но степень окраса не достигает наименьшей из количественно определяемых; 0.2 пм, 0.3 пм, 0.5 пм.

Испытуемые

Взрослые люди в возрасте 20–40 лет, 50 человек (из них 25 мужчин и 25 женщин). С каждым испытуемым проводилось 3 серии экспериментов, включающих по 20 опытов. В эксперименте принимали участие только трезвые испытуемые, показавшие 0 промилле алкоголя в нулевом замеры.

Организация исследования и методы

Мы провели 3 серии опытов. В первой серии испытуемые нюхали спирт перед тем, как начать воображать его. Во второй серии — спиртное в открытой емкости стояло на столе, но испытуемые не подносили емкость к носу, а просто пытались

вызвать у себя образы и ощущения алкогольной тематики. В третьей серии спиртное в помещении отсутствовало, испытуемые только воображали его. Экспериментальные ситуации моделировали естественные ситуации человеческой жизни. Первая ситуация: человек присутствует на вечеринке со спиртным, но его не пьют, а только нюхают. Вторая ситуация: человек присутствует на аналогичной вечеринке и наблюдает за пьющими людьми. Третья ситуация: человек напряженно думает о спиртном, хотя алкоголя рядом с ним нет.

Перед проведением эксперимента испытуемым рассказывалось о способах усиления воображения: 1) набрать полный рот воздуха и, представляя образы спиртного, попытаться ощутить вкус алкоголя; 2) представить себя выпившим и вызвать телесные ощущения опьянения.

В каждой серии использовался экспериментальный план дискретных временных серий. Проводились нулевой замер, 20 рабочих замеров (чередовались 10 экспериментальных и 10 контрольных) и один замер последствий — через 20 мин после окончания эксперимента.

В один день с испытуемым проводилась одна серия опытов, между сериями соблюдался интервал в 1–2 дня.

Организация первой серии

Нулевой замер позволял оценить изначальное состояние испытуемого.

1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19 замеры экспериментальные. Испытуемый нюхал емкость со спиртным, потом отставлял ее и начинал воображать образы алкогольной тематики, вызывать у себя ощущение вкуса и запаха спирт-

ного. Включался прибор (это занимало 30 сек), после чего испытуемый дул в трубочку. Один экспериментальный замер (нюхание, воображение, измерение) занимал примерно 1 мин.

2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20 замеры контрольные. Испытуемый нюхал емкость с чаем (кофе) или ничего не нюхал. Включался прибор. После его настройки испытуемый дул в трубку. Контрольный замер также занимал примерно 1 мин.

Замер последствий. Его цель — проверить сохранность эффекта воображения. Проводился через 15–20 мин. после окончания эксперимента. В этом промежутке испытуемые занимались своими делами.

Организация второй серии

Нулевой замер.

1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19 замеры экспериментальные. На столе стояла открытая емкость с алкоголем. Испытуемый, не поднося ее к носу, воображал спиртное, вызывая у себя ощущение его вкуса и запаха. Когда испытуемый считал себя готовым, включался прибор (его настройка занимала 30 сек), после чего испытуемый дул в трубочку. Один экспериментальный замер (нюхание, воображение, измерение) занимал примерно 1 мин.

2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20 замеры контрольные. В той же ситуации испытуемый представлял образы чая (кофе), его вкус и запах, потом дул в прибор.

Измерение в слюне. После завершения этой серии опытов сразу же проводился замер наличия алкоголя в слюне с помощью полоски.

Замер последствий.

Организация третьей серии

Нулевой замер.

1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19 замеры экспериментальные. Открытого источника спиртного в помещение не было. Испытуемый воображал спиртное, вызывая у себя ощущение его вкуса и запаха. Когда испытуемый считал себя готовым, включался прибор (его настройка занимала 30 сек), после чего испытуемый дул в трубочку. Один экспериментальный замер (нюхание, воображение, измерение) занимал примерно 1 мин.

2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20 замеры контрольные. Испытуемый представлял образы чая (кофе), его вкус и запах, потом дул в прибор.

Результаты

Мы выделили 4 типа реакций на воображение образов спиртного.

Первый тип: все пробы (и опытные и контрольные отрицательные), в течение всего опыта испытуемый нюхал спиртное, потом представлял его вкус и образы, думал о нем, однако в его выдохе за 10 попыток паров спиртного не появилось, алкоголь в слюне не обнаружился. Полностью отрицательными являются результаты 8% испытуемых в первой серии, 28% испытуемых во второй серии, 72% испытуемых в третьей серии.

Второй тип: единичные (1–2) положительные результаты на протяжении всего эксперимента (из 10 попыток), положительным может быть замер последствия. Единичные положительные замеры встречались у 16% испытуемых в первой серии, 16% испытуемых во второй серии и 16% испытуемых в третьей серии.

Третий тип: фиксация на образе спиртного. В начальном замере у такого испытуемого было нулевое содержание алкоголя в выдохе. Однако после того как он один раз (или несколько раз) воображал, представляя его образы, запах и вкус, в его выдохе появились следы алкоголя, которые сохранялись на протяжении нескольких последующих попыток, при которых испытуемый уже нюхал и воображал нейтральные образы. В некоторых случаях алкоголь в выдохе появлялся уже при одной попытке представить образы и мысли алкогольной тематики и потом сохранялся до конца эксперимента; он регистрировался практически во всех последующих попытках, несмотря на то, что испытуемый уже не нюхал спиртное, а, наоборот, пытался думать о нейтральном пищевом объекте. Выраженная фиксация (4–5 и более положительных замеров подряд) наблюдалась у 24% испытуемых в первой серии, 16% испытуемых во второй серии, 4% испытуемых в третьей серии.

Пример протокола этой группы приведен в табл. 1.

Четвертый тип — переключение состояний — классический феномен влияния мыслей и образов алкогольной тематики на появление в выдохе молекул этилового спирта. У испытуемых наблюдалось разной степени выраженное переключение: при мыслях о спиртном у них в выдохе появлялся запах этилового спирта, который можно было зафиксировать алкометром, при прекращении представления спиртного и переключении на мысли о нейтральном пищевом объекте запах алкоголя из их выдоха исчезал, а пары спиртного не регист-

Табл. 1

Эффект «фиксация на спиртном» у испытуемого, воображавшего образы спиртного

Исп.	НЗ	№ пробы										ПД
		1(11)	2(12)	3(13)	4(14)	5(15)	6(16)	7(17)	8(18)	9(19)	10(20)	
Вид пробы		Э	К	Э	К	Э	К	Э	К	Э	К	
14	0	0	0	0.2	0.3	0.8	0.2	0.1	0.3	0.9	0.2	
		0.8	0.3	0.7	0.4	0.5	0.6	0.6	0.4	0.5	0.7	0.5

Табл. 2

Эффект «переключение состояний» у испытуемого, воображавшего образы спиртного

Исп.	НЗ	№ пробы										ПД
		1(11)	2(12)	3(13)	4(14)	5(15)	6(16)	7(17)	8(18)	9(19)	10(20)	
Вид пробы		Э	К	Э	К	Э	К	Э	К	Э	К	
37	0	0.5	0	0.4	0	0.3	0	0.4	0	0.3	0	
		0.3	0	0.4	0	0.4	0	0.4	0	0.4	0	0

Примечание. Исп – испытуемый, НЗ – начальный замер, Э – экспериментальный замер, К – контрольный замер, ПД – последствие.

рировались. Переключение наблюдалось у 52% испытуемых в первой серии, 44% испытуемых во второй серии, у 8% испытуемых в третьей серии.

Пример протокола этой группы приведен в табл. 2.

Эффект воображения. Собственно воображение мы изучали только в третьей серии, когда спиртное (и влияние его запаха) в помещении отсутствовало. Когда испытуемые воображают алкоголь, сосредотачиваясь на процессе, визуализируя образы алкогольной тематики, вызывая у себя ощущение вкуса и запаха спиртного, то у них в выдохе могут появляться следы этилового спирта. Заметное влияние воображения проявилось только у 12% испытуемых (эффекты фиксации + переключения). Сред-

ние цифры мы не приводим, поскольку они в данном случае не показательны (выраженный эффект 6 человек будет растворен в отсутствии эффекта у 42 человек). Однако каждый человек в данном случае – субъект, и при диагностике степени опьянения в реальной жизни средние показатели не играют никакой роли.

Эффект последствия. После того как в течение 20 мин испытуемые думают о спиртном, воображают образы и картины алкогольной тематики, вызывают у себя ощущение вкуса и запаха спиртного, их состояние может измениться так, что через 20 мин в их выдохе будет фиксироваться этиловый спирт, несмотря на то, что специально думать о нем и вызывать его они уже не будут. В первой серии, когда испытуемые нюхали

реальный алкоголь, эффект последствия появлялся в 44% случаев. Во второй серии, когда алкоголь присутствовал в помещении, эффект последствия наблюдался в 32% случаев. Этиловый спирт может появиться в выдохе последствия, даже если практически все рабочие замеры отрицательны, т. е. попытки сознательно вызвать у себя состояние опьянения испытуемому не удаются, но когда он прекращает стараться и начинает заниматься другими делами, спирт появляется в выдохе и сохраняется в нем на протяжении 15–20 минут (4% случаев).

Эффект обучения испытуемых.

Проведение трех серий имело целью «научить» испытуемых воображать спиртное, это было важно, поскольку среди участников эксперимента встречались абсолютные трезвенники и малопьющие люди. В то же время в реальной жизни проблемы с диагностикой «состояния опьянения» бывают, как правило, у людей, хорошо знакомых со спиртным, много и охотно думающих о нем, вообразяющих и даже нюхающих. Также наши испытуемые использовали приемы усиления воображения, чего в реальной жизни люди обычно не делают. Влияние этих приемов, на наш взгляд, велико, но ими одними невозможно объяснить появление алкоголя в выдохе. Например, в замеры последствия люди не использовали никаких приемов усиления воображения, а эффект был. Также в типе реакций «фиксация на спиртном» этиловый спирт появлялся в выдохе даже в контрольных замерах, когда испытуемый ничего не вообразал или представлял обычные пищевые образы.

Алкоголь в слюне. Алкоголь в слюне был обнаружен у 30% испытуемых. Все эти испытуемые имели также алкоголь в выдохе (эффект фиксации, или эффект переключения). У некоторой части испытуемых (также у 30%) алкоголь в выдохе обнаруживался, а в слюне — нет.

Возможные механизмы эффекта.

Современные психологи рассматривают психику не только как отражение внешнего мира (Абульханова, 2005; Дружинин, 2000). В наших экспериментах получен феномен влияния психического (образы воображения) на физическую реальность (запах этилового спирта).

Проще всего объяснить появление этилового спирта в выдохе человека в результате действия механизма самовнушения, поскольку этиловый спирт является естественным метаболитом человеческого организма. Было показано, что этанол постоянно присутствует в крови животных и человека в очень небольшой концентрации — до 0.15 мг% (Lester, 1962). В зависимости от различных причин эндогенного и экзогенного характера концентрация его может увеличиваться и уменьшаться. В частности, одной из причин повышения концентрации эндогенного этанола является гипоксия (Стрельчук, 1973), а задержка дыхания входила в один из наших способов усиления воображения (набрать полный рот воздуха и попытаться ощутить вкус спиртного). Можно предположить, что предлагаемая нами процедура чисто физиологически вела к усилению концентрации эндогенного этанола. Однако далеко не всегда у испытуемых это приводило к появлению алкоголя в выдохе. Кроме этого,

не все испытуемые пользовались этим способом для усиления воображения. И, наконец, этим механизмом невозможно объяснить появление этилового спирта в выдохе последействия при отрицательных замерах основного эксперимента.

Сравнив результаты измерения алкоголя в выдохе и в слюне, можно заметить, что совпадения наблюдаются только в половине случаев. В других случаях наличие алкоголя в выдохе не подтверждается анализом слюны. Этот факт указывает на то, что «Драйвсейф», скорее всего, реагировал не на молекулы этилового спирта, а на какое-то другое химическое вещество (эфир, альдегид), которое появлялось в выдохе человека и на которое не реагировали индикаторные полоски. Однако для целей нашего исследования более важен тот факт, что, во-первых, другие вещества, на которые реагирует прибор, обладают запахом, похожим на запах этилового спирта, а значит, их можно принять за запах спиртного. Во-вторых, эти другие вещества по-

явились в выдохе (и частично в слюне) трезвого человека под влиянием воображения. А целью нашего исследования было изучение именно влияния воображения на исходящий от человека запах.

Выводы

1. Нами было показано, что при активном представлении образов спиртного в выдохе совершенно трезвого человека может появляться этиловый спирт в концентрации от 0.1 до 1.2 промилле, регистрируемый газоанализатором «Драйвсейф» (эффект наблюдался у 12% испытуемых).

2. В половине случаев при наличии алкоголя в выдохе он фиксировался также в слюне, в других случаях алкоголь появлялся только в выдохе.

3. Эффект воображения может быть очень стойким и сохраняться по прошествии 20 мин после окончания эксперимента (эффект последействия), когда испытуемый уже не думает о спиртном.

Литература

Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.

Бабаян Э. А., Посохов В.В. Клинико-неврологические критерии различных степеней алкогольного опьянения // Журнал невропатологии и психиатрии. 1980. № 9. С. 1384–1388.

Голубцов С. В ответ на предъявленное опьянение // Деньги. 2007. № 3 (609).

Гостев А.А. Дорога из зазеркалья: Психология развития образной сферы человека. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.

Дикая Л.Г., Гримак Л.П. Теоретические и экспериментальные проблемы управления психическим состоянием человека // Вопросы кибернетики: Психические состояния и эффективность деятельности. М.: Наука, 1983. С. 28–54.

Дружинин В.Н. Онтология психической реальности // Проблема субъекта в

психологической науке. М.: Академический проект, 2000. С. 64–75.

Зернин А.Г. Об экспертизе алкогольного опьянения // Алкоголизм: (Клиника, терапия, судебно-психиатрическое значение). М.: ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В.С. Сербского, 1983. С. 152–160.

Павлов И.С. Семейная психотерапия в клинике пограничных состояний и алкоголизма. М.: Российская медицинская академия последиplomного образования, 1997.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вальба Ю.А. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипно-

терапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 16–27.

Прохоров А.О. Функциональные структуры и средства саморегуляции психических состояний // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 68–80.

Стрельчук И.В. Острая и хроническая интоксикация алкоголем. М.: Медицина, 1973

Kuenzler A., Beutler L. Couple alcohol treatment benefits patients' partners // J. Clin. Psychol. 2003. 7. 791–806.

Lester D. The concentration of apparent endogenous ethanol // Quart. J. Stud. Alcohol. 1962. 23. 17–26.

Березина Татьяна Николаевна — профессор Московского психолого-социального института, доктор психологических наук

Контакты: tanberez@mail.ru

Редакционный комментарий

Результаты, полученные в исследовании Т.Н. Березиной, представляются, с одной стороны, довольно неожиданными, а с другой — любопытными теоретически и практически. Теоретически в контексте произвольно и непроизвольно осуществляемых субъектом действий обычно рассматриваются двигательные и вегетативные проявления, а не биохимические реакции, как в данном случае. Статья, таким образом, предлагает более широко взглянуть на возможности влияния субъекта на свои телесные состояния. Практически исследование, излагаемое Т.Н. Березиной, имеет непосредственное отношение к методами опре-

деления состояния алкогольного опьянения, что актуально прежде всего в сфере дорожного движения.

В статье достаточно подробно и в соответствии с принятыми в психологической литературе нормами описано, как был проведен эксперимент. С позиции классического сциентизма достоверность данных должна оцениваться не по степени их соответствия или несоответствия ожиданиям экспертов (иначе было бы невозможно появление новых результатов), а по контролируемости процедуры исследования, которая может быть по желанию воспроизведена в другой лаборатории. В то же время на практике неожиданные

результаты подвергаются более пристальному вниманию и требуют дополнительной проверки. В данном случае это тем более актуально, что некоторые аспекты исследования вызывают вопросы. Так, в первой серии испытуемые нюхали алкоголь перед замером. Не могло ли это само по себе, без влияния воображения привести к положительному замеру?

Главным вопросом к планированию эксперимента представляется отсутствие контрольной серии, в которой испытуемые вообще не думали бы об алкоголе. Замеры в контрольной серии продемонстрировали бы, насколько устойчивы показания приборов. После сопоставления частотного распределения типов реакций в контрольной и эксперимен-

тальной сериях можно было бы более обоснованно утверждать, что полученный эффект связан с воображением испытуемых, а не с артефактами, вызванными погрешностью прибора. Частичным ответом на высказанное сомнение мог бы служить факт наличия четвертого типа реакций (см. табл. 2), однако из текста остается непонятным, насколько устойчивым было «переключение» в протоколах, отнесенных к этому типу.

Хотелось бы, чтобы полученные автором результаты подверглись внимательному анализу, были перепроверены и уточнены в последующих исследованиях. Ведь именно так, в процессе коллективной работы и происходит развитие науки.

ТВОРЧЕСТВО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ

С.С. БЕЛОВА

Резюме

В статье рассматривается вопрос о том, какие грани соприкосновения существуют сегодня между психологическими и вычислительными моделями творчества. Показано, что концептуальный аппарат когнитивного моделирования используется в современных психологических исследованиях для интерпретации эмпирических феноменов творчества. Вместе с тем компьютерное моделирование как способ оценки и сравнения предсказательных возможностей моделей в области творчества является отстраненным от психологического теоретизирования и эмпирических данных психологии.

Ключевые слова: *вычислительные модели творчества, психологические модели творчества, когнитивное моделирование*

Экспериментальное исследование когнитивных механизмов творческого мышления имеет давнюю историю и построено на разнообразных теоретических основаниях. Поскольку психологические эксперименты затрагивают ключевые вопросы о природе ума, они должны быть интерпретируемы в рамках теоретических структур, постулирующих ментальные репрезентации и процедуры оперирования ими. Один из возможных путей разработки тео-

ретических структур — конструирование и тестирование вычислительных моделей, воспроизводящих аспекты интеллектуальной деятельности человека. В их основу положены модели психологических явлений, а выходные данные должны иметь такой формат, чтобы было возможно сравнение с эмпирическими данными о психологии человека.

Проблема творчества, несомненно, является непростой для компьютерного моделирования в этом

отношении. В большинстве случаев выдвигаются осторожные прогнозы. «В некоторой степени жалкое состояние дел с моделированием креативности, возможно, неизбежно вследствие нашего недостаточного понимания сути процессов, связанных с творчеством, таких как память, решение задач и репрезентация знания. Вероятно, попытка моделировать полноценный творческий процесс преждевременна» (Thornton, 1994, p. 213).

В данной статье мы обратимся к рассмотрению следующего вопроса: какие грани соприкосновения существуют сегодня между психологическими и вычислительными моделями творчества?

Психологические модели творчества

В истории психологии творчества можно выделить несколько концептуальных подходов к его когнитивным механизмам. Например, по мнению перечисленных ниже авторов, сущность механизма творчества заключается:

1) в завершении схемы, восстановлении пробела в репрезентации задачи (О. Зельц);

2) в реорганизации информации или переформулировке задачи (К. Дункер);

3) в преодолении ментального блока, функциональной фиксации (К. Дункер, Р. Майер);

4) в нахождении аналога задачи (Д. Гентнер);

5) в случайных рекомбинациях идей (Д. Саймонтон);

6) в дивергентном мышлении (Дж. Гилфорд);

7) в ассоциировании отдаленных элементов опыта (С. Медник);

8) во взаимодействии логического и интуитивного режимов мышления (Я.А. Пономарев);

9) в закономерностях функционирования семантической (Э. Нецка) или нейронной (К. Мартиндейл) сети.

С помощью этого — далеко не полного — набора конструктов обозначались процессуальные характеристики порождения субъективно нового. Между тем разнообразие используемых терминов не означает их принципиальной несовместности: как отмечает Д.В. Ушаков, психология творчества — многоязычна, одни и те же экспериментальные данные могут быть описаны на языке разных конструктов. При этом в целом язык современной научной психологии является недоопределенным: в нем мирно сосуществуют как языки альтернативных операциональных теорий, так и верифицируемые и неверифицируемые понятия (Ушаков, 2006, с. 82–83). Поэтому для того чтобы поставить в соответствие вычислительной модели некоторое психологическое теоретизирование и эмпирические данные, необходимо четко описать их содержание.

Существуют сложившиеся традиции определения творчества через особенности продукта (нового, осмысленного, оригинального) и особенности процессов (с одной стороны, недетерминированных, внезапных, бессознательных, специфически-эмоциональных, с другой — допускающих логическую проверку идей). Очевидно, что с психологической точки зрения раскрытие сути процесса является более сложной задачей

по сравнению с выявлением особенностей продукта. И главное затруднение состоит здесь в описании перехода от немыслимого ранее к внезапному ясному ощущению найденного решения.

Современное психологическое экспериментирование в области творчества основывается на представлении о том, что оно является конгломератом множества когнитивных процессов. Такие феномены, как генерирование идей, инкубация, фиксация и инсайт, рассматриваются с точки зрения механизмов извлечения содержаний из долговременной памяти (активационных или связанных с особенностями кодирования), явлений имплицитной памяти, контекстуальных влияний, метакогниций (Smith, 1995).

Когнитивные модели и эмпирические феномены творчества

В когнитивной науке можно проследить развитие нескольких направлений в моделировании когнитивных систем. Ключевые особенности направлений касаются их предположений о формате ментальных репрезентаций и о биологическом подобии модели. Исторически ранее развивалась трактовка мышления как процесса оперирования символической информацией, представленной в виде сети. Коннекционистское направление уподобляет познание функционированию нейронной сети, в которой репрезентации распределены по элементам сети в виде паттернов активации. Существует и третий вариант — смешанные модели, объединяющие свойства символической

и коннекционистской парадигм. Наиболее известной смешанной моделью является подход к познанию, развиваемый Дж. Андерсоном (ACT-R) (Anderson et al., 2004). Две системы — декларативная память (семантическая сеть) и процедурная память (система продукций), работающие по активационному принципу, являются, по словам Дж. Андерсона, «когнитивным ядром» модели ACT-R.

В интерпретациях эмпирических феноменов творчества можно обнаружить обращение ко всем перечисленным подходам. Например, было показано, что в ходе решения задач на нахождение ассоциации между словами, высококреативные испытуемые демонстрируют большую восприимчивость к праймингу (преднастройке) и большую длительность реагирования (Gruszka, Necka, 2002). Поскольку прайминг можно интерпретировать в терминах распространения активации по семантической сети (в духе ACT-R), исследователи заключают, что индивидуальные различия в креативности определяются сложностью семантической сети, т. е. количеством связей, соединяющих узлы.

В ряде недавних работ, посвященных гипотезе о связи фокуса внимания с дивергентными показателями, было выявлено, что широкий фокус внимания является причиной более высокой склонности индивида оценивать и творчески комбинировать разнородные идеи (Kasof, 1997; Friedman et al., 2003; Howard-Jones, Murgau, 2003). Внимание можно трактовать как состояние когнитивной системы, при котором активированы определенные узлы семантической сети. При узком фокусе внимания

небольшое количество ближайших узлов оказывается сильно активированным, при широком – активировано большее число удаленных узлов, но с меньшей силой. Тогда большая творческая продуктивность является следствием активации более обширных участков сети.

Коннекционистский подход к творчеству развивался К. Мартиндейлом (Martindale, 1995) и представляет собой когнитивную трактовку более ранних подходов: ассоциативной модели С. Медника и модели распределения внимания Дж. Мендельсона. В экспериментальных работах К. Мартиндейла с соавт. 1970-х гг. была показана связь креативности с показателями корковой активации, а позднее на основе этих результатов были выдвинуты принципы когнитивного моделирования, описывающие характер активации нейронной сети на разных этапах творческого процесса (подготовки, инкубации, озарения, проверки).

Коннекционистские принципы нашли свое отражение в интерпретации результатов экспериментальных исследований Э. Айзен, посвященных влиянию позитивного аффекта на креативность (Isen, 1999); в модели эмоционального резонанса Т. Любарта и И. Гетца, описывающей функциональную роль эмоций в порождении метафор (Lubart, Getz, 1997).

Творчество в вычислительной парадигме

В области моделирования креативности значительным влиянием обладает подход М. Боден, профессора Сассекского университета (Ве-

ликобритания) (Boden, 1998; 1999). Понимая творчество предельно широко – как генерирование новых, ценных и осмысленных идей в самых разных областях, автор столкнулась с необходимостью обозначения его универсального механизма. Важная идея М. Боден состоит в определении термина «концептуальное пространство». «Концептуальное пространство – принятый стиль мышления в определенной предметной области. <...> Оно определяется набором разрешающих ограничений, которые позволяют осуществить генерирование структур, лежащих внутри этого пространства. <...> Если одно или несколько таких ограничений изменяется (или отбрасывается), пространство трансформируется. Идеи, которые прежде были немислимыми (с точки зрения исходного концептуального пространства), становятся возможными» (Boden, 1999, p. 352). В зависимости от того, какого рода «операции» (в общем смысле слова) осуществляются в концептуальном пространстве, М. Боден выделяет три типа креативности.

Комбинаторная креативность заключается в порождении новой идеи через необычную комбинацию (ассоциацию) известных идей. Ее примерами являются поэтические образы, метафоры, аналогии. В этом случае в концептуальном пространстве происходит соположение его элементов по принципам ассоциирования или построения аналогий, когда идеи имеют структурное сходство.

Исследовательская креативность предполагает продвижение по концептуальному пространству в соответствии с его структурой (ограничениями)

с целью обнаружения психологически новых его участков. «Нормальные» научные открытия, музыкальные и литературные произведения, живопись и архитектура являются примерами такого творчества. Нормальность в данном случае означает, что новая идея соответствует канонам традиционной для предметной области парадигмы, а само творчество состоит в исследовании содержания, границ и потенциала концептуального пространства.

И, наконец, *трансформационная креативность* включает изменение одного или нескольких относительно фундаментальных измерений, определяющих концептуальное пространство, таким образом, что становится возможным порождение идей, немислимых ранее. Другими словами, она требует большего, чем простое следование принятым направлениям мышления в данной области и чем минимальное «отлаживание, подстройка» (tweaking) поверхностных измерений пространства, свойственные исследовательской креативности. Именно это явление М. Боден соотносит с творчеством в полном смысле слова, подчеркивая его наиболее сложную природу и наивысшую ценность. Научные прорывы на уровне парадигм, «новое слово в искусстве» являются примерами «подлинной креативности».

По оценке М. Боден, с большим успехом сейчас осуществляется моделирование исследовательской креативности, что, однако, не свидетельствует о легкости и простоте этой задачи. Наоборот, оно требует мощной экспертизы предметной области, аналитических усилий для определе-

ния концептуального пространства и процедур исследования его потенциала. Однако комбинаторная и трансформационная креативность оказываются более неуловимыми сущностями для моделирования. Кратко причины этому М. Боден видит в трудности моделировании богатства ассоциативной памяти человека, а также в трудности определения наших ценностей и выражения их в вычислительной форме. Первая трудность подрывает попытки симулировать комбинаторное творчество, вторая — особенно проблематична для творчества трансформационного.

Комбинаторная креативность: моделирование ассоциаций и аналогий

М. Боден рассматривает два примера моделирования творческого ассоциирования. Первый пример — программа JAPE (Joke Analysis and Production Engine), генерирующая загадки-каламбуров и созданная К. Бинстед (Binsted, 1996). Программа создает загадки на основе девяти предложений-шаблонов типа «What do you get when you cross X with Y?», «What kind of X has Y?». При этом она оперирует семантической сетью, содержащей информацию о фонологии, семантике, синтаксисе и правописании слов, и в генерировании ответов учитывает противоречия между ними. Примеры загадок-каламбуров этой программы таковы: (Q) *What kind of murderer has fiber?* (A) *A cereal killer*; (Q) *What do you call a strange market?* (A) *A bizarre bazaar*. Среди них практически не встречается «брак», т. е. совершенно неудачные с точки зрения воспринимающего их

человека варианты, что легко объясняется наличием заданных образцов и схем генерирования. Труднее говорить о психологических мотивах этой работы: ее автор оговаривает, что модель порождения загадок в большей степени основывается на генеративной лингвистике и исследовательском программировании ИИ, чем на психологических исследованиях.

Второе направление моделирования, в котором М. Боден видит перспективы для комбинаторного творчества, представляют коннекционистские компьютерные модели. Описывая их природу и возможности, автор туманно замечает, что «их способности напоминают нам различные навыки творческого мыслителя» (Boden, 1999, p. 354). А именно коннекционистские архитектуры могут: а) восстанавливать паттерн активности при предъявлении его образца; б) распознавать сходства и различия между паттернами; в) распознавать знакомый паттерн-вход в присутствии шума.

Феномен аналогии занимает центральное место в изучении научения и открытий. С точки зрения теоретических психологических посылок, в отношении существа аналогии в моделировании представлены, по меньшей мере, два принципиально различных подхода. Первый подход, разработанный Д. Гентнер, трактует аналогю как структурное отображение одной предметной области на другую, при котором структурные отношения являются жесткими, неизменными (Falkenhainer et al., 1989). Эта теория положена в основу компьютерной модели SME Structure-mapping engine, которая имитирует процесс отображения и обеспечива-

ет структурную, независимую от предметной области количественную оценку сходства между предметами аналогии. При этом внутренняя структура, свойственная предметам аналогии, перевешивает различия в их поверхностных признаках.

Второй подход трактует аналогю и концепты как флюидные, изменчивые явления (Д. Хофштадтер и его исследовательская группа). Здесь аналогия трактуется как основа процессов распознавания и категоризации. Разработанные этим коллективом программы, по словам авторов, занимают промежуточное положение между символическими и коннекционистскими моделями: в них «диалектически» представлены восходящие и нисходящие пути переработки информации. Например, COPUSAT способна давать ответы на такие задачи, как «abc is to abd as xyz is to what?» (Hofstadter, Mitchell, 1995).

Моделирование исследовательской и трансформационной креативности

Научные открытия, литературное и музыкальное творчество, визуальные искусства представляют собой сферы приложения соответствующих моделей исследовательской креативности. Для обнаружения психологически или даже исторически нового содержания в рамках модели должно быть определено, в терминах М. Боден, концептуальное пространство и обеспечены способы продвижения по нему. В таком случае встает закономерный вопрос об истинном творце, ставящем вопросы и предлагающем инструменты их решения. Кроме того, экспертные

системы в области химии и физики, искусственные литературные творцы поэзии и прозы, компьютерные художники, программы-импровизаторы в области джаза не способны оценить собственные творения. Эта задача трудна и для моделирования.

М. Боден полагает, что трансформационной креативности релевантны программы, использующие генетические алгоритмы, а также способные изменять свои собственные эвристики и оценивать результаты своих решений. В области математики такими программами являются AM (The Automated Mathematician) и EURISCO Д. Лена. Обе программы обладают эвристиками для «порождения» новых математических концептов из набора очень простых математических концептов. EURISCO также включает эвристики порождения своих собственных эвристик: эвристика более высокого порядка снижает вероятность обращения к неэффективной эвристике. Программы с генетическими алгоритмами представлены, например, в области

графического искусства: каждое новое поколение программы К. Симса генерирует бесконечное количество цветных образов, не похожих на предыдущие.

Заключение

На сегодняшний день когнитивное моделирование представляется довольно отстраненным от традиционного психологического теоретизирования по поводу творчества и от соответствующих эмпирических данных. Существует значительный — однако редко последовательно психологически инспирированный — энтузиазм в отношении создания программ, способных генерировать творческие продукты, сравнимые с аутентичными, или содействовать проявлению творчества человека. Однако главная задача когнитивного моделирования — продвижение к пониманию сущности креативности человека, связанной с переработкой информации, — остается делом будущего.

Литература

- Ушаков Д.В. Языки психологии творчества: Я.А. Пономарев и его школа // Психология творчества. Школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 19–143.
- Anderson J.R., Bothell D., Byrne M.D., Douglass S., Lebiere C., Qin Y. An integrated theory of mind // Psychological Review. 2004. 111. 4. 1036–1060.
- Binsted K. Machine humour: An implemented model of puns: PhD thesis. University of Edinburgh, 1996.
- Boden M.A. Creativity and artificial intelligence // Artificial Intelligence. 1998. 103. 347–356.
- Boden M.A. Computer models of creativity // Handbook of Creativity. R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999. 351–372.
- Falkenhainer B., Forbus K. D., Gentner D. The structure-mapping engine: Algorithm and examples // Artificial Intelligence. 1989. 43. 1–63.
- Friedman R.S., Fishbach A., Förster J., Werth L. Attentional Priming Effects on

Creativity // Creativity Research Journal. 2003. 15. 2&3. 277–286.

Gruszka A., Necka E. Priming and Acceptance of Close and Remote Associations by Creative and Less Creative People // Creativity Research Journal. 2002. 14. 2. 193–205.

Hofstadter D.R., Mitchell M. The copycat project: A model of mental fluidity and analogy-making // D. Hofstadter and the Fluid Analogies Research group. Fluid Concepts and Creative Analogies. Basic Books, 1995. Chapter 5. 205–267.

Howard-Jones P.A., Murray S. Ideational Productivity, Focus of Attention, and Context // Creativity Research Journal. 2003. 15. 2&3. 153–166.

Isen A.M. On the relationship between affect and creative problem solving // S. Russ (ed.). Affect, creative experience, and psychological adjustment.

Philadelphia: Taylor & Francis, 1999. 3–17.

Kasof J. Creativity and breadth of attention // Creativity Research Journal. 1997. 10. 4. 303–315.

Lubart T.I., Getz I. Emotion, metaphor, and the creative process // Creativity Research Journal. 1997. 10 (4). 285–301.

Martindale C. Creativity and connectionism // S.M. Smith, T.B. Ward, R.A. Finke (eds.). The creative cognition approach. Cambridge, MA: Bradford, 1995. 249–268.

Smith S.M. Fixation, incubation and insight in memory and creative thinking // S.M. Smith, T.B. Ward, R.A. Finke (eds.). The creative cognition approach. Cambridge, MA: Bradford, 1995. 135–156.

Thornton C. Connectionism, creativity and guided walks // T. Dartnall (ed.). Artificial Intelligence and Creativity. Kluwer Academic Publishers, 1994. 211–215.

**Белова Софья Сергеевна, Институт психологии РАН, научный сотрудник,
кандидат психологических наук**

Контакты: sbelova@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А.А. ГАЙВОРОНСКАЯ

Резюме

Вопросы изучения содержания нравственного сознания, системы личностных смыслов и отношений человека представляют собой особый интерес для психологических исследований. Изучение структуры нравственного сознания личности происходило при реконструкции смысловых параметров, лежащих в основе восприятия данным конкретным человеком себя и других людей, объектов и отношений. В результате были сделаны выводы о том, что содержание нравственного сознания личности определяется компонентами порядочность, гражданская позиция, культурно-когнитивный и личностно-ориентированный компонент. Сравнение факторных структур и расположений ролевых позиций в их семантических пространствах позволяет сделать вывод, что личностные смыслы, содержащиеся в конструктах, противоречивы, выражая отношения, которые строит личность со своим окружением.

Ключевые слова: *нравственное сознание, психосемантические методы, реконструкция системы индивидуальных значений, семантические пространства, репертуарная решетка, ролевые позиции*

Изучение содержания нравственного сознания личности — одна из важнейших задач психологии. Личность мыслит о социальной действительности, обладая собственной имплицитной теорией причин и следствий разных событий, устанавливает отношения с окружающими,

проходит этапы своего жизненного пути. В способности и умении личности адекватно следовать моральным принципам в изменяющихся обстоятельствах заключается нравственная культура или практическая мудрость. Развитие личности в сфере нравственности проявляется в

рефлексии долга и совести, ценностном ориентировании, свободном целеполагании, мотивации, нравственных исканиях смысла, выборе и проектировании действий, взаимопомощи, сотрудничестве, саморегуляции поведения. Поступок, моральный выбор, позиция могут иметь разное внутреннее обоснование, могут определяться либо возникшей ситуацией, либо сознательно используемыми убеждениями, и это отражает сложные внутренние противоречия, связанные с нравственным сознанием. Социальные представления, являясь основной характеристикой общественного и индивидуального сознания, оказывают регулирующее действие, поскольку существующий в сознании образ (идеал) нравственного человека, как некая «модель должного», оказывает влияние на поведение личности, на построение жизненных стратегий, на личностное самоопределение. В.Ф. Петренко полагает, что «образы обуславливают формирование нравственных критериев, “идеальных мерок”, с которыми индивид подходит к оценке себя или других, и в конечном счете обуславливают организацию его жизни, определяют его личность» (Петренко, 2005).

В связи с проблемами такого рода изучение содержания нравственного сознания, системы личностных смыслов и отношений человека представляет особый интерес.

Целью нашего исследования было изучение содержания нравственного сознания личности. Для изучения структуры нравственного сознания личности испытуемым была предложена «Репертуарная решетка» Дж. Келли. Техника репер-

туарных решеток относится к психо-семантическим методам, позволяющим реконструировать смысловые параметры, лежащие в основе восприятия данным конкретным человеком себя и других людей, объектов и отношений. Реконструкция системы индивидуальных значений и личностных смыслов позволила выявить связи между различными образующими сознание. Так как структура индивидуального сознания раскрывается в семантических пространствах, то субъективные семантические пространства являются определенной формой модельного представления сознания.

В эксперименте приняли участие 70 человек, средний возраст — 20 лет, мужского пола — 50%, русской национальности 90%, студенты СГУ, место жительства — город Смоленск. В экспериментальный материал вошли ролевые позиции, выбор которых определялся проведенными ранее исследованиями: Н.Л. Смирновой «Образ умного человека» (Смирнова, 1997) — ролевая позиция умный человек; И.А. Джидарьян «Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе» (Джидарьян, 1997) — ролевая позиция счастливый человек; М.И. Воловиковой «Представления русских о нравственном идеале» (Воловикова, 2005); Л.Л. Дикевич «Обыденные представления о порядочном человеке» (Дикевич, 1997) — ролевая позиция порядочный человек и др. Подбирая роли для Реп-теста, мы стремились выбрать как можно более контрастные позиции («я идеал» — «неприятный человек», «эмоциональный человек» — «равнодушный человек», «русский человек» — «человек другой

национальности» и др.). Конструкты, использованные в исследовании, были получены нами в результате контент-анализа сочинений респондентов (описание нравственных представлений о человеке) (Гайворонская, 2006). Это позволило сделать акцент в исследовании на морально-нравственной сфере личности. Конструкты выступали шкалами, ролевые позиции являлись объектами, которые оценивались по этим шкалам, для получения матрицы. Пригодность имеющихся данных для факторного анализа была подтверждена достаточно высоким показателем КМО (0.78) и значимым уровнем теста сферичности Бартлетта ($p < 0.001$). Был проведен факторный анализ с использованием метода главных компонент с последующим вращением факторных структур по принципу Варимакс. В результате было получено девять факторов, объясняющих 93% дисперсии, для содержательного анализа было выбрано четыре значимых фактора. Факторы в исследовании униполярны. По мнению В.В. Столина, в данном случае в смысловой сфере человека «то или иное содержание смысла переживается как единственно существующее, не дихотомизированное, не противопоставленное какому-либо иному содержанию» (Столин, 1983).

1-й фактор объясняет 57.3% общей дисперсии, обозначен нами как фактор «конвенция». В него входят следующие переменные с наиболее высокими факторными нагрузками:

48. трудолюбивый	0.86
42. надежный	0.85

17. вежливый	0.74
18. отзывчивый	0.74
21. терпимый	0.73
20. образованный	0.72
43. оказывающий поддержку	0.72
16. хороший	0.71
24. воспитанный	0.66

Интерпретируя содержание этого фактора, можно отметить, что на его полюсе сосредоточены социально одобряемые конструкты. Лидирующий конструкт в этом факторе — «трудолюбивый»; за ним следует конструкт «надежный».

2-й фактор объясняет 8.3% общей дисперсии. Он включает следующие переменные с наиболее высокими факторными нагрузками:

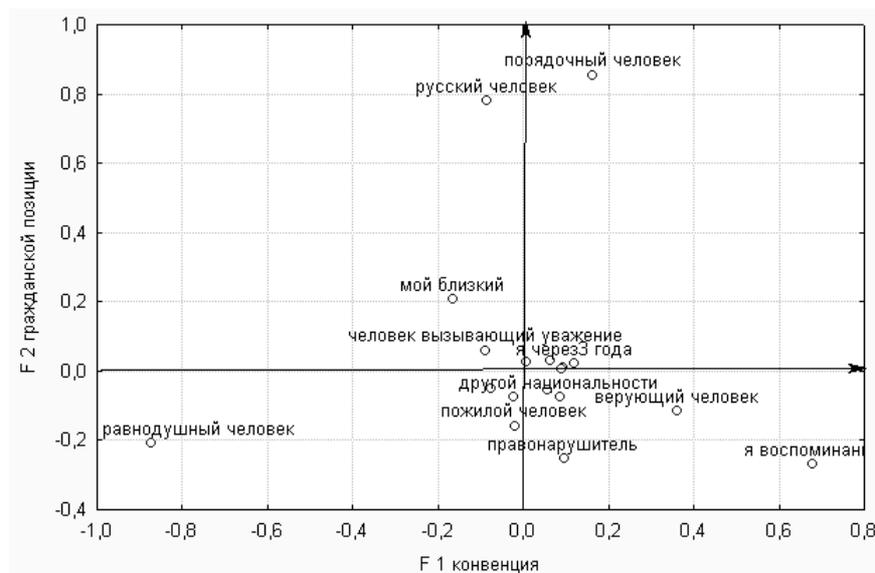
57. человечный	0.81
56. служащий Родине	0.79
50. выполняющий долг	0.64
8. верный	0.62
52. тактичный	0.61
49. знающий историю	0.57
51. культурный	0.55

Этот фактор обозначен нами как фактор «гражданская позиция», лидирующий конструкт в нем — «человечный», что значит достойный человека, добрый, верный, тактичный. Конструкт «служащий Родине» отражает, на наш взгляд, патриотичность испытуемых.

Рис. 1 показывает, что в семантическом пространстве фактора «конвенция» лидирует ролевая позиция «я вспоминаю», вероятно, в этом расположении отражается отношение испытуемых к своему прошлому. Противоположную сторону занимает ролевая позиция «равнодушный человек», здесь, на наш взгляд,

Рис. 1

Расположение ролевых позиций в пространстве 1-го и 2-го факторов

выражено отношение испытуемых к равнодушным людям как безразличным к интересам большинства.

Семантическое пространство фактора «гражданская позиция» показывает нам, что лидирует роль «порядочный человек», так как порядочный человек служит Родине, патриотичен (конструкты «выполняющий долг», «служащий Родине»). Рядом с этой ролевой позицией расположилась роль «русский человек»; для испытуемых отождествление русских людей с порядочными отражает глубинные представления о своем народе. По мнению Н.О. Лосского, нравственной доминантой характера русского народа явилось «искание абсолютного добра» (Лосский, 1991)

3-й фактор объясняет 6.9% общей дисперсии. Он содержит переменные:

10. уважает старших	0.87
9. эрудированный	0.82
13. религиозный	0.78
14. ответственный	0.77
11. искренний	0.74
12. духовный	0.73
19. законопослушный	0.66
15. интеллигентный	0.66

Этот фактор обозначен нами как «культурно-когнитивный». Его компоненты отражают многогранность личностных смыслов, связанных культурой, поведением, образованностью. Основной конструкт — «уважает старших» (0.87); взаимосвязь поколений помогает передать и сохранить нравственные традиции, существующие в обществе.

4-й фактор объясняет 5.8% общей дисперсии и включает следующие переменные:

46. уверенный в себе	0.92
47. гордый	0.91
23. спокойный	0.74
53. решительный	0.72
45. умеющий себя контролировать	0.64
26. жизнерадостный	0.63
27. общительный	0.60

Этот фактор обозначен нами как «ассертивность». Конструкты, входящие в этот фактор, отражают способность личности к самостоятельности и независимости. Лидирующий конструкт «уверенный в себе» (0.92), вероятно, уверенная в себе личность более успешна и репрезентативна в глазах окружающих.

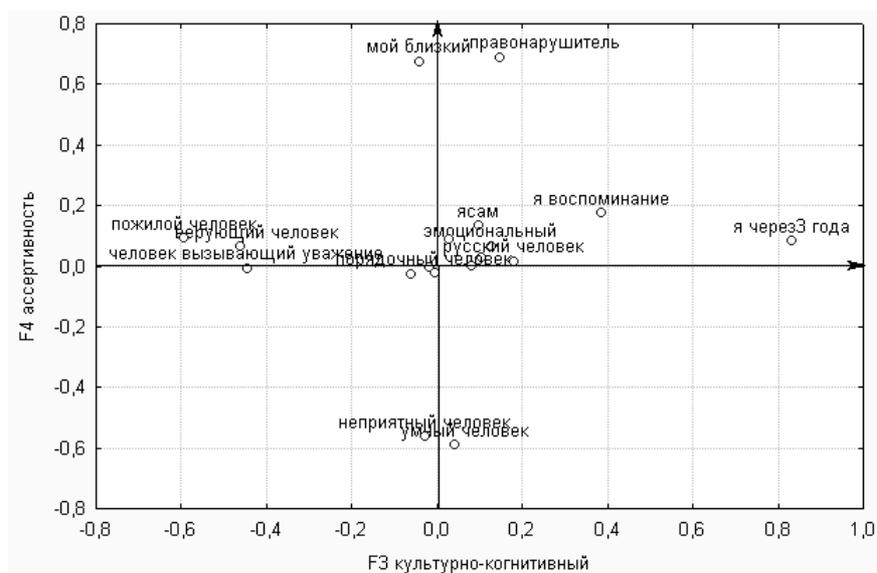
Размещение ролевых позиций на рис. 2 по оси 3-го фактора показывает, что «я через три года» занимает лидирующее положение в культурно-когнитивном факторе, что,

вероятно, отражает возможность позитивных изменений в будущем. Ролевая позиция «пожилой человек», занимая противоположный полюс, выражает уважительное отношение к людям преклонного возраста. Произошла склейка ролевой позиции «пожилой человек» с ролевой позицией «верующий человек»; вероятно, испытуемые относятся к пожилым людям как к религиозным. В эту склейку попадает и ролевая позиция «человек, вызывающий уважение». Эти ролевые позиции обладают единым смысловым полем; как пожилой, так и верующий человек вызывают к себе уважение.

Семантическое пространство фактора «ассертивность» показывает, что лидирующее положение занимает позиция «правонарушитель», что, на наш взгляд, выражает толерантное, во многом противоречивое отноше-

Рис. 2

Расположение ролевых позиций в пространстве 3-го и 4-го факторов

ние испытуемых к людям, способным разрешать ситуации, не всегда по букве закона. В склейку с этой ролью вошла позиция «мой близкий»; вероятно, в этом расположении отразились отношения испытуемых к близким как уверенным в себе, спокойным, решительным (конструкты «уверенный в себе», «гордый», «решительный»).

Противоположный полюс в этом факторе заняла ролевая позиция «умный человек», образуя склейку с ролевой позицией «неприятный человек». На наш взгляд, в этом расположении раскрывается отношение испытуемых к умному человеку как

неприятному, поскольку умный человек, по мнению испытуемых, более успешен, чем они сами.

В результате исследования были выделены следующие компоненты нравственного сознания: конвенция, гражданская позиция, культурно-когнитивный и ассертивный. Сравнение факторных структур и расположений ролевых позиций в их семантических пространствах позволяет сделать вывод, что личностные смыслы, содержащиеся в конструктах, противоречивы, они выражают отношения, которые строит личность со своим окружением.

Литература

Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.

Гайворонская А.А. Нравственные ценности в представлениях современной молодежи / Ценности и оценки: проблемы философии и науки: Материалы научно-практической конференции. Смоленск: Универсум, 2006.

Джидарьян И.А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.

Дикевич Л.Л. Обыденные представления о порядочном человеке // Современ-

ная психология: Состояние и перспективы исследования. Ч. 3: Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2002.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики: Характер русского народа. М., 1991.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.

Смирнова Н.Л. Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.

Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.

Гайворонская Александра Александровна, Смоленский гуманитарный университет, преподаватель

Контакты: agajvoronskaya@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ НА ВЫБОР НОРМЫ ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

О.В. ГУЛЕВИЧ

Резюме

В данном исследовании изучалась связь между особенностями взаимодействия (контекстом и видом ресурсов), его целями (повышение продуктивности, воздаяние по заслугам, сохранение хороших отношений, восстановление справедливости) и выбором норм дистрибутивной справедливости. Результаты исследования позволили сделать несколько выводов. Во-первых, цель взаимодействия оказывает влияние на выбор нормы справедливости, используемой при распределении ресурсов между участниками. Во-вторых, на выбор цели взаимодействия, в свою очередь, оказывают влияние два фактора — контекст взаимодействия и вид распределяемых ресурсов. В-третьих, контекст взаимодействия также оказывает влияние на представление о том, что значит «восстановить справедливость».

Ключевые слова: дистрибутивная справедливость, взаимодействие

Одним из основных в психологии является вопрос о движущих силах поведения человека. Его изучение имеет долгую историю и связано с такими понятиями, как потребность, мотив, цель. Существует достаточно много психологических описаний этих феноменов.

Одно из них было предложено Дж. Адамсом, который в 1960-е гг. заложил основы психологического изучения феномена справедливости. В основе его исследований дистрибутивной справедливости (справедливости распределения результата) лежали так называемые мотивационное

и когнитивное утверждения. Согласно мотивационному утверждению, основным мотивом людей, по крайней мере, студентов американских колледжей, при распределении вознаграждения является восстановление справедливости, которую Дж. Адамс понимал как беспристрастность (распределение вознаграждения в соответствии с вкладом каждого человека в общий результат). Согласно когнитивному утверждению, норма *беспристрастности* — это основной принцип оценки людьми справедливости результата. Эти идеи определили направление психологического изучения дистрибутивной справедливости на несколько десятилетий.

Однако уже в 1980-е гг. появились работы, в которых были описаны и другие нормы дистрибутивной справедливости:

– *равенство*: справедливо, когда вознаграждение/наказание делится поровну между всеми участниками взаимодействия;

– *распределение в соответствии со способностями*: справедливо, когда более способный человек, совершивший социально желательный поступок, получает большее вознаграждение, а совершивший социально нежелательный — большее наказание, чем менее способный;

– *распределение в соответствии с усилиями*: справедливо, когда человек, приложивший большие усилия при совершении социально желательного поступка и меньшие — при совершении социально нежелательного, получает большее вознаграждение/менее серьезное наказание, чем тот, кто сделал наоборот;

– *распределение в соответствии с потребностями*: справедливо, когда

нуждающийся человек получает большее вознаграждение/наказание, чем тот, кто не нуждается в них;

– *распределение в соответствии с позитивностью личности*: справедливо, когда человек, обладающий социально желательными особенностями, получает большее вознаграждение и меньшее наказание, чем «плохой» человек.

Интересно, что, несмотря на явные эмпирические свидетельства в пользу существования этих норм, они часто рассматриваются как своеобразное нарушение нормы беспристрастности. Однако наличие таких «нарушений» поставило под сомнение утверждения Дж. Адамса и спровоцировало поиск условий, увеличивающих вероятность использования нормы беспристрастности.

Одним из таких условий является *цель* взаимодействия. Уже в начале 1970-х гг. было показано, что мужчины чаще, чем женщины, используют норму беспристрастности, а женщины чаще, чем мужчины, — норму равенства (Leventhal, Lane, 1970). Одно из объяснений половых различий в предпочтении норм связано с целью взаимодействия. Согласно этому объяснению, поведение мужчин и женщин определяется гендерными стереотипами, в состав которых входят представления о желательных целях взаимодействия. Основная цель общения, входящая в состав женского гендерного стереотипа, — сохранение хороших отношений между участниками взаимодействия. Для ее достижения используется норма равенства. Согласно мужскому гендерному стереотипу, целью взаимодействия является вознаграждение участников за проделанную работу.

Лучшее средство ее достижения — использование нормы беспристрастности.

Это объяснение дало толчок дальнейшему изучению влияния цели взаимодействия на выбор нормы дистрибутивной справедливости. Например, зависимость выбора нормы справедливости от цели взаимодействия была продемонстрирована в эксперименте (Stake, 1983), где респондентам обоего пола говорилось, что они должны будут принять участие в деловой игре, выступить в роли менеджеров. Их просили распределить вознаграждение между сотрудниками их «фирмы», как если бы они преследовали три различные цели: воздать каждому по заслугам, увеличить продуктивность деятельности сотрудников и сделать отношения между ними максимально позитивными. Результаты исследования показали, что респонденты обоих полов при распределении вознаграждения ориентировались на вклад каждого работника, когда их целью было воздать по заслугам. Желая улучшить отношения между сотрудниками, они использовали норму равенства. А для увеличения продуктивности они распределяли вознаграждение в соответствии со способностями каждого работника.

Однако подобные исследования имеют ряд ограничений.

Во-первых, они проводятся редко.

Во-вторых, в них не учитывается контекст, в котором происходит взаимодействие. Например, в описанном выше исследовании изучалось распределение вознаграждения только в деловом контексте между сотрудниками, не связанными близкими отношениями. В то же время

контекст может оказывать значительное влияние на выбор целей взаимодействия и норм справедливости. Например, наше предыдущее исследование показало, что в межличностном контексте (при взаимодействии с друзьями, знакомыми) существенно возрастает важность норм равенства, распределения по потребностям и по позитивности деятеля. В то же время в учебном контексте особое значение приобретают нормы беспристрастности и распределения по усилиям, а в деловом — распределения по усилиям (Гулевич, Голынчик, 2004). Наши данные согласуются с результатами зарубежных исследований, которые показали, что, во-первых, при распределении вознаграждения люди обращают большее внимание на эмоциональное состояние партнера, больше стремятся помочь ему, когда он является близким для них человеком, чем в противоположном случае (Zhang, Yang, 1998). Во-вторых, людям не нравится, когда их близкие стараются детально отплатить им за то, что сделали для них. Это означает, что в близких отношениях соблюдение нормы беспристрастности не приветствуется (Clayton, Opatow, 2003). Однако эти результаты касаются влияния контекста взаимодействия на выбор нормы дистрибутивной справедливости, но ничего не говорят о его цели.

В-третьих, в подобных исследованиях игнорируется специфика распределяемых ресурсов. Вместе с тем эта специфика прослеживается на протяжении всей истории психологического изучения справедливости. Это выражается в том, что:

— отдельно изучаются виды справедливых и несправедливых событий;

– под дистрибутивной справедливостью понимается, прежде всего, справедливость распределения вознаграждения, а не наказания. Некоторые исследователи специально разделяют дистрибутивную и карательную (связанную с распределением наказания) справедливость;

– вид ресурсов (вознаграждение или наказание) оказывает влияние на предпочтение норм дистрибутивной справедливости. В частности, люди обращают особое внимание на усилия деятеля при оценке справедливости наказания или несправедливости его отсутствия по сравнению с оценкой справедливости/несправедливости вознаграждения. Таким образом, по мнению респондентов, наибольшего наказания заслуживает не тот, кто не смог сделать что-либо, а тот, кто не приложил достаточных усилий для достижения своей цели (Гулевич, Голынич, 2004).

Однако все это касается влияния вида ресурсов на выбор норм справедливости, но не учитываются цели, которые человек ставит перед собой.

Таким образом, целью данного исследования является установление связи между особенностями взаимодействия (контекстом и видом ре-

сурсов), его целями и выбором норм дистрибутивной справедливости.

В исследовании были рассмотрены следующие гипотезы (рис. 1).

1. Выбор нормы дистрибутивной справедливости при распределении ресурсов зависит от цели взаимодействия. Цель сохранения хороших отношений предполагает более частое использование нормы равенства, распределения по потребностям и позитивности личности; распределения по заслугам — беспристрастности и распределения по усилиям; повышения продуктивности — распределения по способностям.

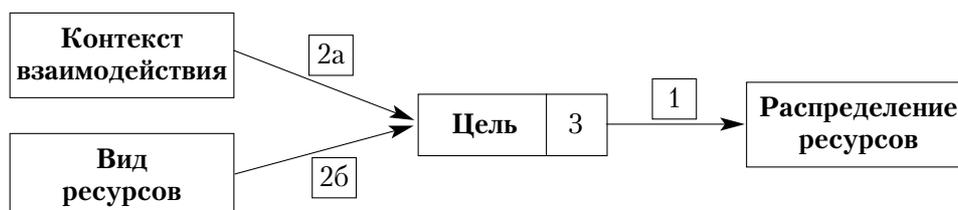
2. Важность целей зависит от особенностей взаимодействия.

2а. На важность целей оказывает влияние контекст взаимодействия. В межличностном контексте распределение ресурсов происходит в соответствии с целью сохранения отношений, а в деловом — распределения по заслугам и повышения продуктивности. Важность восстановления справедливости не зависит от контекста.

2б. На важность целей оказывает влияние вид ресурсов. Повышение продуктивности и сохранение отношений важнее при распределении

Рис. 1

Гипотезы исследования

вознаграждения, чем наказания. Важность распределения по заслугам и восстановления справедливости не зависит от вида ресурсов.

3. Понимание того, что такое «восстановление справедливости», зависит от контекста взаимодействия. В межличностном контексте восстановление справедливости — это, прежде всего, сохранение отношений, а в деловом — распределение по заслугам и повышение продуктивности.

Методика

Исследование было проведено в форме анкетирования. После мотивационной части респонденты читали описание взаимодействия, между участниками которого респондент должен был распределить ресурсы. Было создано четыре варианта анкеты, различающиеся характером отношений между участниками (дружеские — межличностный контекст/рабочие — деловой контекст) и распределяемыми ресурсами (вознаграждение/наказание). Соответственно было сформулировано четыре варианта описания. За описанием следовали пять закрытых вопросов, касающихся того, как бы респондент распределил вознаграждение и наказание. Как нужно было распределить их, чтобы воздать каждому по заслугам? Сохранить хорошие отношения между участниками? Повысить их продуктивность в будущем? Восстановить справедливость? За каждым из вопросов следовали шесть вариантов ответов, соответствовавших нормам беспристрастности, распределения по усилиям, потребностям, способностям, позитивности личности и равенства.

Например, ситуация и вопросы, связанные с распределением вознаграждения в межличностном контексте, выглядели следующим образом: «Молодому человеку было необходимо выполнить задание, но ему не хватало для этого знаний и навыков. Узнав об этом, несколько знакомых оказали ему посильную помощь. Когда задание было выполнено, у молодого человека появилась возможность вознаградить каждого из них.

Если бы вы были на месте этого человека, как бы *вы распределили вознаграждение* (выберите один вариант ответа, соответствующий вашей точке зрения):

а) выделил(а) бы наибольшее вознаграждение знакомому, который оказал наибольшую помощь;

б) выделил(а) бы наибольшее вознаграждение знакомому, который приложил наибольшие усилия;

в) выделил(а) бы наибольшее вознаграждение знакомому, который больше всего нуждался в нем;

г) выделил(а) бы наибольшее вознаграждение знакомому, обладающему лучшими способностями для выполнения подобных заданий;

д) выделил(а) бы наибольшее вознаграждение приятному и доброму знакомому;

е) распределил(а) вознаграждение поровну между всеми знакомыми.

Как нужно было бы распределить вознаграждение, чтобы *воздать каждому по заслугам?* (те же варианты ответа).

Как нужно было бы распределить вознаграждение, чтобы *сохранить хорошие отношения между знакомыми?* (те же варианты ответа).

Как нужно было бы распределить вознаграждение, чтобы *в дальнейшем*

знакомые помогли еще более активно? (те же варианты ответа).

Как нужно было бы распределить вознаграждение, чтобы оно было справедливым? (те же варианты ответа)».

Таким образом, исследование носило экспериментальный характер: независимыми переменными были контекст взаимодействия и вид вознаграждения, а зависимыми — цель распределения и выбранная норма справедливости.

Выборка

В исследовании приняли участие 96 студентов-психологов заочного отделения РГГУ и абитуриентов, поступающих в институт психологии РГГУ (17 мужчин и 79 женщин). Возраст участников — от 16 до 39 лет, средний возраст — 23,7 лет.

Описание результатов

Анализ полученных результатов показал, что при распределении ресурсов наиболее популярными среди респондентов нормами дистрибутивной справедливости были равенство (56.3% выборов), беспристрастность (17.7%) и распределение по усилиям (13.5%). Нормы распределения по потребностям (9.4%), позитивности личности (2.1%) и способностям (1%) использовались гораздо реже. Однако их важность зависела от цели взаимодействия.

В соответствии с *гипотезой 1* предполагалось, что выбор нормы дистрибутивной справедливости при распределении ресурсов зависит от цели взаимодействия. При проверке этой гипотезы во внимание принима-

лись три цели: распределение по заслугам, сохранение отношений и повышение продуктивности. Для анализа результатов был использован критерий χ^2 Пирсона.

Результаты показали, что цель взаимодействия оказывает влияние на использование трех норм — беспристрастности ($\chi^2 = 15.18, p < 0.01$), распределения по усилиям ($\chi^2 = 14.470, p < 0.01$) и равенства ($\chi^2 = 36.230, p < 0.001$). Беспристрастность чаще всего используется, когда целью является сохранение отношений, реже — повышение продуктивности и еще реже — распределение по заслугам. Норма распределения по усилиям наиболее часто упоминается, когда целью является сохранение отношений, и реже при цели повышения продуктивности и воздаяния по заслугам. Норма равенства, напротив, чаще выбирается при воздаянии по заслугам, реже при повышении продуктивности и еще реже при сохранении отношений. Таким образом, гипотеза 1 подтвердилась частично.

В соответствии с *гипотезой 2* ожидалось, что выбор целей взаимодействия зависит от его особенностей. В анкете отсутствовали прямые вопросы, подразумевающие выбор цели взаимодействия для того, чтобы избежать социально желательных ответов. Поэтому проверка этой гипотезы проводилась с помощью критерия χ^2 Пирсона: анализировалось влияние выбора норм при достижении каждой из четырех целей взаимодействия (воздаяние по заслугам, сохранение отношений, повышение продуктивности, восстановление справедливости — вопросы 2–5) на выбор норм при окончательном

распределении ресурсов (вопрос 1). Показателем важности цели являлось ее влияние на окончательное распределение. Этот анализ проводился отдельно для межличностного и делового контекста, а также для вознаграждения и наказания.

В соответствии с *гипотезой 2а* предполагалось, что на важность целей оказывает влияние контекст взаимодействия. Результаты показали, что на распределение ресурсов в межличностном контексте оказывают влияние цели распределения по заслугам ($\chi^2 = 56.543, p < 0.001$) и восстановления справедливости ($\chi^2 = 59.460, p < 0.001$). Цели сохранения отношений и увеличения продуктивности не играют в этом случае важной роли. В то же время на распределение ресурсов в деловом контексте оказывают влияние все четыре цели. Наибольшее влияние оказывают цели восстановления справедливости ($\chi^2 = 29.530, p < 0.01$), повышения продуктивности ($\chi^2 = 34.216, p < 0.001$) и сохранения отношений ($\chi^2 = 18.113, p < 0.01$). Цель воздаяния по заслугам оказывает наименьшее влияние ($\chi^2 = 21.573, p < 0.05$). Таким образом, гипотеза 2а подтвердилась только в части, касающейся целей восстановления справедливости и повышения продуктивности.

В соответствии с *гипотезой 2б* предполагалось, что на важность целей оказывает влияние вид ресурсов. Результаты показали, что на распределение вознаграждения оказывают влияние цели увеличить продуктивность ($\chi^2 = 17.744, p < 0.01$) и восстановить справедливость ($\chi^2 = 18.001, p < 0.05$). В основе определения размера наказания также

лежат две цели: распределение по заслугам ($\chi^2 = 72.096, p < 0.001$) и восстановление справедливости ($\chi^2 = 75.009, p < 0.001$). Таким образом, гипотеза 2б подтвердилась в части, касающейся целей восстановления справедливости и повышения продуктивности.

В соответствии с *гипотезой 3* предполагалось, что понимание сущности «восстановления справедливости» определяется контекстом. Для проверки этой гипотезы был проведен корреляционный анализ между выбором норм при восстановлении справедливости, с одной стороны, и тремя остальными целями, с другой. При проведении анализа был использован коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования показали, что в межличностном контексте цель восстановления справедливости связана, прежде всего, с сохранением хороших отношений ($r_s = 0.402, p < 0.01$) и распределением по заслугам ($r_s = 0.440, p < 0.01$), а меньше — с повышением продуктивности ($r_s = 0.311, p < 0.05$). Однако в деловом контексте восстановление справедливости предполагает, прежде всего, распределение по заслугам ($r_s = 0.546, p < 0.001$), а в меньшей степени — повышение продуктивности ($r_s = 0.377, p < 0.01$), но не сохранение отношений. Таким образом, эта гипотеза подтвердилась в части, касающейся цели сохранения отношений.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило сделать несколько выводов.

1. Основными нормами распределения ресурсов являются равенство,

беспристрастность и распределение по усилиям. В целом эти результаты согласуются с результатами нашего предыдущего исследования (Гулевич, Голынчик, 2004), в котором равенство, беспристрастность и распределение по усилиям также занимали лидирующее положение. Однако в отличие от предыдущего в последнем исследовании норма равенства применялась чаще, чем норма беспристрастности. По-видимому, это связано с отсутствием в данном исследовании учебных и социальных ситуаций, где доминирующее положение нормы беспристрастности было особенно заметно. В этом исследовании респонденты оценивали ситуации межличностного и рабочего взаимодействия, в которых, по результатам предыдущего исследования, доминировала норма равенства.

2. Выбор нормы распределения ресурсов зависит от цели взаимодействия. Вопреки ожиданиям респонденты чаще выбирали нормы беспристрастности и распределения по усилиям для сохранения отношений, а норму равенства — для воздаяния по заслугам и повышения продуктивности.

3. На выбор цели взаимодействия, в свою очередь, оказывают влияние два фактора.

Первый из них — контекст взаимодействия. На распределение ресурсов в межличностном контексте оказывают влияние цели воздаяния по заслугам и восстановления справедливости, а в деловом — цели сохранения отношений, воздаяния по заслугам, повышения продуктивности и восстановления справедливости. Таким образом, в соответствии с точкой зрения Дж. Адамса вос-

становление справедливости является целью распределения ресурсов в разных ситуациях. Однако способом восстановления является, в первую очередь, не норма беспристрастности, а норма равенства. Важность трех других целей полностью определяется контекстом.

Важность повышения продуктивности и воздаяния по заслугам в деловом контексте связана, по-видимому, с целью работы большинства организаций — производством товаров и услуг. Однако важность цели сохранения отношений не так очевидна. По-видимому, она связана со стабильностью рабочей группы: людям трудно работать в атмосфере недоброжелательства, но сменить окружение они могут, только поменяв работу. Поэтому они стремятся не портить отношений с коллегами. Интересно, что эта цель не оказывает влияния на распределение ресурсов в дружеских отношениях. Это может происходить по двум причинам: 1) люди в любой момент могут разорвать испорченные отношения; 2) по их мнению, настоящего друга или хорошего знакомого не надо удерживать специально.

Второй фактор — вид распределяемых ресурсов. Распределение вознаграждения определяется целями повышения продуктивности и восстановления справедливости, а в основе определения размера наказания лежат цели распределения по заслугам и восстановления справедливости. Эти результаты еще раз подтверждают универсальность цели восстановления справедливости.

4. Представление о том, что значит восстановить справедливость, нестабильно, т. е. зависит от контекста.

В межличностном взаимодействии ее восстановление предполагает, прежде всего, сохранение хороших отношений и воздаяние по заслугам, а в деловом — воздаяние по заслугам

и повышение продуктивности. Это означает, что обыденные представления о справедливости достаточно пластичны и могут трансформироваться под влиянием ситуации.

Литература

Гулевич О.А., Гольничик Е.О. Условия выбора норм дистрибутивной справедливости // Психологический журнал. 2004. № 3. С. 53–60.

Clayton S., Opatow S. Justice and identity: changing perspectives on what is fair // Personality and Social Psychology Review. 2003. 7. 298–310.

Leventhal G.S., Lane D.W. Sex, age and equity behavior // Journal of Personality

and Social Psychology. 1970. Vol. 15. P. 312–316.

Stake J.E. Factors in reward distribution allocator motive, gender and protestant ethic // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. 44. 410–418.

Zhang Z., Yang C.-F. Beyond distributive justice: the reasonableness norm in Chinese reward allocation // Asian Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 1. P. 253–269.

Гулевич Ольга Александровна, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, кандидат психологических наук

Контакты: goulevitch@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ АКСИОМ: СТРУКТУРА И ВЗАИМОСВЯЗИ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ УСТАНОВКАМИ РОССИЯН

А.Н. ТАТАРКО, Н.М. ЛЕБЕДЕВА

Резюме

В статье приводятся результаты исследования на российской выборке относительно нового социально-психологического конструкта «социальные аксиомы». Исследование показало, что универсальная структура социальных аксиом, полученная М. Бондом и К. Леунгом в кросс-культурных исследованиях, воспроизводится на российской выборке с некоторыми изменениями и имеет свою специфику. Дополнительно авторами выявлен ряд взаимосвязей социальных аксиом с социально-экономическими и социально-политическими представлениями россиян.

Ключевые слова: *кросс-культурная психология, ценности, социальные аксиомы, экономические представления, политические представления, доверие, удовлетворенность жизнью*

Введение

Сравнительно недавно в кросс-культурной психологии был разработан новый подход к измерению сходств и различий этнических групп — измерение социальных аксиом. Социальные аксиомы — это наиболее общие верования относительно других лю-

дей и самого себя, социального окружения, физического или духовного мира, и они являются главными в системе убеждений личности. Их роль — обеспечение выживания и деятельности личности в физическом и социальном мире.

Типичная аксиома имеет структуру: «А связано с Б». А и Б могут

быть некими сущностями, и связь между ними может быть причинной или корреляционной. Например, «Хорошие события происходят с хорошими людьми» — типичная структура аксиомы. Социальные аксиомы отличаются от ценностей, которые имеют форму: А — хорошее/желаемое/важное». А — это ценность или цель. Например, «Войны — это плохо» и «Здоровье — это хорошо» — оценочные утверждения, и их скорее можно отнести к ценностям, чем к аксиомам. С другой стороны, «Войны приведут к гибели цивилизации» и «Здоровье ведет к успехам в работе» можно считать аксиомами, поскольку каждое утверждение содержит связь между двумя конкретными реалиями.

В конечном итоге в результате исследования первоначально в трех, а затем в 45 культурах содержание универсальных (панкультурных) измерений верований таково (Leung et al., 2002; Leung, Bond et al., 2004; Bond, Leung, 2004):

1. *Социальный цинизм.* Большинство тем относится к разрушительным воздействиям власти и авторитета, являющихся следствием богатства или возраста, делающих людей эгоцентричными и равнодушными к согражданам. Кроме этого, есть дополнительные черты: бесполезность демонстрации доброжелательности к другим и неизбежность провала благотворительности и энергичного служения общественной пользе.

2. *Награда за усилия.* Суждения этого фактора отражают оптимизм по поводу того, что трудности жизни могут быть преодолены усилиями человека и приложением ресурсов личности к разрешению проблем.

Есть параллели содержания этого конструкта с протестантской трудовой этикой, верой в «справедливый мир» и особенно с интернальностью (верой в то, что все происходящее с человеком зависит от него самого).

3. *Социальная сложность.* Для одних людей мир межличностных отношений является сложным: индивидуальное поведение может меняться время от времени, от ситуации к ситуации, и невозможно простое упорядочение мыслей, чувств, черт. Результаты нынешней ситуации не могут предсказать результаты будущих ситуаций, и приходится иметь дело с событиями, которые имеют причины, объясняющие эти события лишь единожды.

4. *Религиозность.* Содержание этого фактора фокусируется на позитивных функциях религиозной веры (в 6 из 7 тем). Седьмая тема относится к существованию Высшего существа, что является центральным догматом мировых монотеистических религий. Религиозная вера и практика — черты, присущие всем культурным группам.

5. *Контроль судьбы.* Анализ тем, составляющих данный фактор, предполагает две основные темы: предсказуемость важных результатов и «предрешенность» того, что происходит в жизни. Некоторые пункты связаны со степенью веры людей в предсказуемость результатов их действий, в то, насколько люди могут сами воздействовать на эти результаты и формировать их.

Однако возникает вопрос: насколько универсальна факторная структура социальных аксиом и как они связаны с различными поведенческими установками, в частности, у россиян?

Цель нашего исследования состояла в апробации опросника «Социальные аксиомы» на российской выборке, а также поиске связей социальных аксиом с социально-экономическими установками россиян.

Гипотеза 1: факторная структура социальных аксиом в России имеет культурную специфичность.

Гипотеза 2: социальные аксиомы взаимосвязаны с социально-экономическими и социально-политическими представлениями россиян.

Методика

Выборка. Объем выборки исследования составил 286 человек. Этнический состав выборки приведен в табл. 1.

Большинство респондентов имеют высшее образование, все являются работающими. Русские опрашивались в г. Москве и г. Сибее (Республика Башкортостан), башкиры в г. Сибее, опрошенные чеченцы, дагестанцы и армяне являются жителями Ставропольского края.

Методика. Методика состояла из двух основных блоков.

Блок 1. Первый блок анкеты включал методику «Социальные аксио-

мы» М. Бонда и К. Леунга. В опросник входят 68 утверждений, направленных на выявление 5 классических, универсальных социальных аксиом (Социокультурные факторы экономического развития, 2008).

Блок 2. Во второй блок вошел ряд вопросов, позволяющих оценить социально-экономические, социально-политические представления респондентов, а также их уровень доверия.

1. Общий уровень доверия. Данный показатель является средним арифметическим двух вопросов, позволяющих оценить, насколько индивид склонен доверять другим людям. Данные вопросы заимствованы из опросника World Values Survey (Inglehart, сайт <http://margaux.grandvinum.se>).

2. Субъективное восприятие экономического положения. Методика включает ряд вопросов, позволяющих оценить экономические установки респондента:

- патернализм — самостоятельность в формировании своего материального благосостояния;
- восприятие изменений своего благосостояния за последние два года;
- прогноз изменений в собственном материальном благосостоянии;

Табл. 1

Характеристики выборки

Этническая группа	Количество респондентов	Средний возраст	Количество мужчин	Количество женщин
Русские	86	37	38	50
Башкиры	50	35	20	30
Армяне	50	36	18	32
Дагестанцы	50	36	19	31
Чеченцы	50	37	20	30

– удовлетворенность жизнью.

Вопросы, содержащиеся в данном блоке, были заимствованы из методик, разработанных в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (Современная психология, 2002).

3. Социально-политические представления. Использовалась методика Дж. Берри, позволяющая оценить следующие четыре параметра:

- этническая интолерантность;
- позитивность отношения к культурному многообразию;
- ориентация на социальное равенство;
- негативность отношения к фактам дискриминации.

Методика прошла адаптацию и опубликована на русском языке (Лебедева, Татарко, 2007).

Результаты исследования и их обсуждение

Выше упоминалось, что основной целью исследования была апробация новой версии опросника М. Бонда и К. Леунга «Социальные аксиомы» на российской выборке. Поэтому первоначальная обработка данных состояла в факторизации результатов опроса. Использовался метод главных компонент с последующим вращением факторов методом Varimax. Поскольку выборка состояла из русских, башкир, дагестанцев, армян и чеченцев, факторизация данных всей выборки позволяет выделить универсальную факторную структуру социальных аксиом для всех пяти групп, объясняющую 52% дисперсии.

Проведенный факторный анализ результатов позволил выявить три

из пяти классических социальных аксиом: *Религиозность* (11.26% объясняемой дисперсии), *Социальный цинизм* (7.13% объясняемой дисперсии), *Социальная сложность* (6.4% объясняемой дисперсии). Также выявился фактор, который был получен в исследованиях, проведенных в Германии, – *Межличностная гармония* (8.59% объясняемой дисперсии). А фактор *Контроль судьбы*, полученный в исследованиях М. Бонда и К. Леунга, распался в нашем исследовании на две составляющие, которые были интерпретированы как *Зависимость от судьбы* (7.03% объясняемой дисперсии), и *Контроль собственной судьбы* (6.2% объясняемой дисперсии). Утверждения, составившие в исследовании М. Бонда и К. Леунга фактор *Награда за усилия*, не имели достоверных нагрузок по факторам, а одно из таких утверждений попало в фактор *Межличностная гармония*. Также выделился совершенно новый фактор, который, исходя из его содержания, был интерпретирован как *Сила* (5.3% объясняемой дисперсии).

Таким образом, результаты факторного анализа, показали, что не все суждения из опросника М. Бонда и К. Леунга достаточно хорошо «работают» на полиэтнической российской выборке. Кроме того, факторный анализ позволил, помимо классических блоков социальных аксиом, выделить новый, который нами был интерпретирован как *Сила*. В данный фактор вошли социальные аксиомы, подчеркивающие важность силы и «сильных» поступков в общественной жизни: *Суровые законы могут сделать людей послушными; Поступая согласно принципам, избегаешь*

необходимости принимать трудные решения; Быть всегда готовым к войне — лучший способ обеспечить мир.

Утверждения, составившие фактор *Контроль судьбы* в исследованиях М. Бонда и К. Леунга, в нашем исследовании были разнесены по двум факторам, которые были интерпретированы как *Зависимость от судьбы* и *Контроль собственной судьбы*.

Фактор *Зависимость от судьбы* характеризует набор социальных аксиом, указывающих на то, что человек и вся его жизнь подвержены влиянию неконтролируемой силы — судьбы. Примеры социальных аксиом, вошедших в данный фактор: *Успехи и неудачи человека обусловлены судьбой; Все во Вселенной предопределено.*

Фактор *Контроль собственной судьбы*, напротив, включает социальные аксиомы, указывающие на то, что жизнью человека не правят некие силы и что каждый сам властен над своей жизнью и судьбой. Примеры утверждений, вошедших в данный блок: *Существуют способы изменить свою судьбу; Человек — творец своей судьбы.*

Далее, с помощью критерия Колмогорова–Смирнова была оценена достоверность различий между блоками социальных аксиом. Анализ достоверности различий в средних значениях по блокам социальных аксиом между этническими группами позволяет выявить, что существуют межэтнические различия в ориентации на те или иные блоки социальных аксиом. Причем межгрупповые различия существуют по всем блокам социальных аксиом.

1. *Социальный цинизм.* Наименьший социальный цинизм был выявлен у русских. Определены досто-

верные различия в средних значениях по блоку *Социальный цинизм* между русскими и представителями всех других этнических групп. Также обнаружены различия в показателях социального цинизма между башкирами и чеченцами.

2. *Зависимость от судьбы.* Наибольшими фаталистами оказались чеченцы. Их средние значения по блоку *Зависимость от судьбы* достоверно самые высокие по выборке. При этом самые низкие значения по данному фактору у русских.

3. *Контроль собственной судьбы.* Самые высокие значения по данному блоку у русских респондентов. При этом данные показатели у русских достоверно отличаются от показателей армян и дагестанцев. Таким образом, в рамках данной выборки русские выглядят самой «нефаталистичной» культурой.

4. *Межличностная гармония.* Самые высокие значения (достоверно отличающиеся от значений ответов других четырех этнических групп) по данному блоку социальных аксиом у чеченцев. Фактор *Межличностная гармония* был обнаружен Г. Бирбрауером, соавтором и коллегой М. Бонда и К. Леунга, на немецкой выборке и практически не воспроизводился в дальнейших исследованиях. Как видно, на российской выборке этот фактор воспроизвелся. Данный фактор означает стремление к гармонии в межличностных отношениях.

5. *Социальная сложность.* Самые высокие значения по данному блоку социальных аксиом выявлены у чеченцев. Их показатели по данному блоку социальных аксиом статистически значимо превышают аналогичные

показатели представителей всех других этнических групп, принявших участие в исследовании.

6. *Сила*. Как уже отмечалось, данный фактор абсолютно новый и выявился только на российской выборке. Самые большие значения по данному фактору (достоверно отличающиеся от значений ответов дру-

гих четырех этнических групп) были обнаружены у чеченцев.

Рассмотрим взаимосвязи социальных аксиом с различными социально-экономическими представлениями россиян (см. табл. 2, данные по всей выборке).

Данные множественного регрессионного анализа, представленные в

Табл. 2

Взаимосвязи социально-экономических и социально-политических представлений с блоками социальных аксиом

Зависимые переменные	Р	МГ	СЦ	ЗС	СС	КС	С	R ²	F
Уровень доверия			-0.19*	-0.17*				0.10	90.5**
Удовлетворенность жизнью		0.23***	0.15*	-0.28***				0.15	100.8***
Экономическая самостоятельность			-0.14*		-0.21**	0.30***		0.12	80.8***
Экономический патернализм	0.24***				-0.24***			0.10	100.3***
Восприятие улучшения своего благосостояния за последние 2 года				-0.18*				0.03	60.2*
Ожидание улучшения своего благосостояния в будущем году				-0.27***		0.18*		0.11	120.3***
Этническая интолерантность			0.19**					0.04	70.3**
Позитивное отношение к культурному многообразию		0.18**						0.03	60.7**
Ориентация на социальное равенство		0.29***			-0.15*			0.10	100.2***

Примечание. Р – Религиозность, МГ – Межличностная гармония, СЦ – Социальный цинизм, ЗС – Зависимость от судьбы, СС – Социальная сложность, КС – Контроль собственной судьбы, С – Сила.

* – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$.

табл. 2, свидетельствуют о том, что все блоки социальных аксиом, кроме блока *Сила*, взаимосвязаны с рассмотренными в исследовании социально-экономическими и социально-политическими представлениями россиян.

Блок социальных аксиом *Религиозность* положительно связан с экономическим патернализмом.

Самым «продуктивным» для социальных отношений оказался блок *Межличностная гармония*. Социальные аксиомы данного блока положительно связаны с удовлетворенностью жизнью, позитивным отношением к культурному многообразию и ориентацией на социальное равенство. Данный блок оправдывает свое название: социальные аксиомы, входящие в этот блок, способствуют гармонии в социальных и межэтнических отношениях, а результирующей хороших отношений с окружающими является удовлетворенность жизнью.

Самым «непродуктивным» блоком социальных аксиом является *Социальный цинизм*. Данный блок отрицательно связан с уровнем доверия, экономической самостоятельностью и положительно — с этнической интолерантностью. Однако примечательной является также положительная связь этого фактора с уровнем удовлетворенности жизни. Это в какой-то мере свидетельствует о том, что людям, разделяющим социальные аксиомы, входящие в блок *Социальный цинизм*, вполне комфортно в нашей культуре, такие люди в целом будут удовлетворены своей жизнью.

Блок социальных аксиом *Зависимость от судьбы* отрицательно свя-

зан с уровнем доверия, удовлетворенностью жизнью, а также отрицательная связь обнаружена с социально-экономическими представлениями: восприятием улучшения своего благосостояния за последние два года и ожиданием улучшения своего благосостояния в будущем. Данный блок социальных аксиом по своей «непродуктивности» может сравниться разве что с *Социальным цинизмом*. Однако *Социальный цинизм* положительно связан с удовлетворенностью жизнью, а *Зависимость от судьбы* имеет высокозначимую отрицательную связь с уровнем удовлетворенности жизнью.

Противоположный блок социальных аксиом *Контроль собственной судьбы* является самым продуктивным для установок экономического развития: данный блок положительно связан с экономической самостоятельностью и ожиданием улучшения своего благосостояния в будущем.

Социальная сложность имеет амбивалентный характер связей с социально-экономическими представлениями. С одной стороны, наблюдается отрицательная связь с экономической самостоятельностью и ориентацией на социальное равенство, а с другой — отрицательная связь с экономическим патернализмом. Блок *Социальная сложность* отражает набор социальных аксиом, указывающих на то, что результаты нынешней ситуации не могут предсказать результаты будущих ситуаций. Логика, лежащая в основе происходящих событий, не ясна, и повседневная жизнь требует некой сложной теории, чтобы люди могли эффективно взаимодействовать в постоянно меняющихся ситуациях. По всей вероятности, поэтому и действие данного

конструкта на социальные представления людей неоднозначно. Представления о сложности социального мира препятствуют ориентации на социальное равенство, так как становится понятно, что все люди не могут быть равны. А отрицательная связь с экономическим патернализмом и экономической самостоятельностью свидетельствует о неоднозначности восприятия данных феноменов людьми, отдающими себе отчет в сложности социального мира.

Таким образом, можно сказать, что социальные аксиомы обладают объяснительной и прогностической ценностью при понимании социально-экономического и социально-политического поведения людей. Данные социальные аксиомы являются культурно-универсальными, поэтому особый интерес представляет выявление культурно-специфических коллективных верований, подобных социальным аксиомам у представителей различных этнических групп. Особенно перспективным представляется выявление связей культурно-специфических верований с различными социальными представлениями и установками разных этнических групп, населяющих Россию. Мы предполагаем, что такие культурно-специфические верования будут обладать высоким объяснительным потенциалом для понимания причин поведения представителей различных этнических групп.

Выводы

1. Факторный анализ опросника «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга позволил обнаружить культурную специфичность структуры

социальных аксиом россиян: были выявлены три из пяти классических социальных аксиом: *Религиозность*, *Социальный цинизм*, *Социальная сложность*. Также выявился фактор, который был получен в исследованиях, проведенных в Германии, — *Межличностная гармония*. Фактор *Контроль судьбы*, полученный в исследованиях М. Бонда и К. Леунга, распался в нашем исследовании на две составляющие, которые были интерпретированы как *Зависимость от судьбы* и *Контроль собственной судьбы*. Утверждения, составившие в исследовании М. Бонда и К. Леунга фактор *Награда за усилия*, не имели достоверных нагрузок по факторам. Также выделился совершенно новый фактор, который по его содержанию был интерпретирован как *Сила*.

2. Выявлен ряд взаимосвязей социальных аксиом с социально-экономическими и социально-политическими представлениями россиян.

– Блок социальных аксиом *Контроль собственной судьбы* является наиболее продуктивным для экономического развития, он положительно связан с экономической самостоятельностью и ожиданием улучшения своего благосостояния в будущем.

– Блок социальных аксиом *Зависимость от судьбы* отрицательно связан с уровнем доверия, удовлетворенностью жизнью, а также отрицательная связь обнаружена с социально-экономическими представлениями: восприятием улучшения своего благосостояния за последние два года и ожиданием улучшения своего благосостояния в будущем.

– Социальная сложность имеет амбивалентный характер связей с социально-экономическими пред-

ставлениями. С одной стороны, наблюдается отрицательная связь с экономической самостоятельностью и ориентацией на социальное равенство, а с другой — отрицательная связь с экономическим патернализмом.

– Самым «непродуктивным» блоком социальных аксиом является

Социальный цинизм. Данный блок отрицательно связан с уровнем доверия, экономической самостоятельностью и положительно — с этнической интолерантностью. Однако примечательной является положительная связь этого фактора с уровнем удовлетворенности жизнью.

Литература

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.

Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 5: Программы и методики психологического исследования личности и группы / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 2002.

Социокультурные факторы экономического развития: разработка и апробация теоретической концепции и методов исследования // Отчет о научно-исследовательской работе лаборатории «Социально-психологические исследования» Центра фундаментальных исследований Государственного университета — Высшей школы экономики, 2008.

Bond M.H., Leung K., Au A., Tong K.K., Reimel de Carrasquel S., Murakami F. et al. Culture-level dimensions of social axioms and their societal correlates across 41 cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. 35. 548–570.

Leung K., Bond M.H., Reimel de Carrasquel S., Muñoz C., Hernández M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T.M. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. 33. 286–302.

Leung K., Bond M.H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2004. 36. 119–197.

Татарко Александр Николаевич, Государственный университет — Высшая школа экономики, доцент, кандидат психологических наук

Контакты: tatarko@yandex.ru

Лебедева Надежда Михайловна, Государственный университет — Высшая школа экономики, профессор, доктор психологических наук

Контакты: lebedhope@yandex.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.M. Petrov. Ternarity in Thinking, Culture, and Art: System-informational Roots of Unconsciousness

The results obtained in the framework of six informational models of perception prove the preference of encoding of input information by three-graded features, the preference of using of three-parameter mechanisms and reliable fixation of periodic events which are repeated three times. In the latter case the excess of chance threshold and fixation of regularity by means of positive emotions play an important role.

Deduced ternarity dominates in the unconscious, it is revealed primarily in phenomena of culture (colour triads in national schools of painting, three stage structure of literature texts, religious, philosophical, language and other systems) as well as in three-factorial structure of semantic space and three-dimensionality of the perceived world.

Key words: information, perception, threshold effect, gradation, features, saving of resources, classification, three-detectors, three-parameters, three-times repetition, periodicity, regularity, painting structures, color triads, three-factorial semantic space, three-dimensionality of the perceived world

Facts and Reflections

V.F. Petrenko, E.A. Korotchenko. Imagery in Painting and Literature. Visual Analogies of Literature Tropes

The article is devoted to the research of visual semantics. Analogy is

drawn between different forms of metaphorisation (so called tropes such as metaphor, metonymy, hyperbole, litotes, oxymoron and the like) used in rhetoric and philology and visual forms of figurative material which, to our view, allow to produce a metaphor. The study is carried out in the domain of painting. It is stated that function of metaphorisation lies not only in embellishment of speech as it is believed in philology and rhetoric but from the point of view of psychological science it serves as a means of transformation of creator's and spectator's consciousnesses, a means of generation and transformation of a visual image sense. The question of energetic (magic) potential of image is raised.

Key words: visual semantics, sense, trope types, metaphor, metonymy, hyperbole, litotes, oxymoron, psychic energy

Work in Progress

T.N. Berezina. Humans Reactions to Alcohol Image Reflection

The article describes the influence of reflection of images related to alcohol on the smell produced by a participant. The possibility of registration of ethanol vapor in participant's exhalation by means of alcohol tester «Drive-safe» as a result of the reflection of images, the smell and taste of alcohol is proved empirically. Two types of positive reactions to reflection of alcohol images are revealed. The first one is fixation on alcohol images that is the emergence of alcohol in exhalation and retention of this effect after the moment

when a participant begins to think about something else. The second one is a classical switching that is the emergence of ethanol in exhalation when alcohol is thought about and its disappearance when the process of imagination has stopped. It was registered that in some cases the effect of image reflection could be stable and last up to 20 minutes after the experiment was finished. It was demonstrated that in a half the cases registration of alcohol vapor in exhalation is accompanied by its presence in saliva.

Key words: imagination, alcohol image, sense of smell, smells, alcohol, ethanol

S.S. Belova. Creativity: Psychological and Computational Models

The article examines the contemporary points of contact between psychological and computational models of creativity. It demonstrates that the cognitive modeling notions are applied in interpretation of empirical phenomena of creativity in modern psychological studies. At the same time computer modeling as a means of evaluation and comparison of predictive power of models of creativity keeps aloof from psychological theorizing and empirical data of psychology.

Key words: computational models of creativity, psychological models of creativity, cognitive modeling

A.A. Gayvoronskaya. The Contents of the Person's Moral Consciousness

The issues of moral consciousness contents, of the system of personality-relevant meanings and personal relations are of a special interest for scientific psychology. The given study of

person's moral consciousness structure was carried out by means of reconstruction of parameters of personality-relevant meanings which form the basis for self-perception and perception of other people, objects and relationships. The author concludes that person's moral consciousness contents are defined by components of decency and civic position, culture-cognitive component, personality-oriented component. The comparison of factorial structures and locations of role positions in their semantic spaces allows to conclude that personality-relevant meanings which form the contents of constructs are contradictory and they depict the relationships that a person builds with its environment.

Key words: moral consciousness, psychosemantic methods, reconstruction of the system of individual meanings, semantic spaces, repertory grid, role positions

O.V. Gulevich. The Influence of Reward Distribution Aim on the Choice of Distributive Justice Norm

The study examined the relations between the peculiarities of interaction (such as context and type of resources), its aims (increase of production, a reward according to one's deserts, preserving good relations, and restoring of justice) and the choice of distributive justice norms. The results of the study allowed drawing several conclusions. Firstly, the interaction aim influences the choice of distributive justice norm which is used when the resources are shared between the participants. Secondly, two factors – interaction context and type of distributed resources – influence in their turn the choice of aim of interaction. Thirdly, the interaction

context also influences the understanding of what it means «to restore justice».

Key words: distributive justice, interaction

A.N. Tatarko, N.M. Lebedeva. The Study of Social Axioms: their Structure and Interrelations with Socio-economic Predispositions of Russians

The article presents the results of a study which was carried out on a Russian sample and dealt with a new socio-psychological construct «social axi-

oms». The study showed that the universal structure of social axioms revealed by M. Bond and K. Leung in their cross-cultural studies is replicated on the Russian sample with some changes and it has certain specificity. In addition the authors have revealed some interrelations between the social axioms and the socio-economic and socio-political beliefs of Russians.

Key words: cross-cultural psychology, values, social axioms, economic beliefs, political beliefs, trust, satisfaction in life

Указатель статей, опубликованных в журнале «Психология. Журнал Высшей школы экономики» в 2008 г.

Философско-методологические проблемы

- Дорфман Л.Я.** Горизонты современной эмпирической психологии № 3, 3–30
Петров В.М. Тернарность в мышлении, культуре, искусстве:
системно-информационные корни бессознательного № 4, 3–18
Розин В.М. Психотерапия на перепутье: от фрейдизма к гуманитарной работе
(по мотивам романа Ирвина Ялома «Шопенгауэр как лекарство») № 1, 3–31
Шадриков В.Д. Психологическое описание нормального человека
(идеологические, теоретические и методологические проблемы) № 2, 3–18

Теоретико-эмпирические исследования

- Иванченко Г.В.** Представления студентов выпускных курсов о возможном:
региональные и гендерные различия № 1, 32–63
Уточкин И.С. Теоретические и эмпирические основания уровневого
подхода к вниманию № 3, 31–66

Факты и размышления

- Петренко В.Ф., Коротченко Е.А.** Образная сфера в живописи и литературе.
Визуальные аналоги литературных тропов № 4, 19–40

Специальные темы выпусков:

Психология рефлексии, № 1, с. 64–138

- Дударева В.Ю., Семенов И.Н.** Феноменология рефлексии
и направления ее изучения в современной зарубежной психологии № 1, 101–120
Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель
четырёх ресурсов № 1, 77–100
Похмелкина Г.Ф., Семенов И.Н. Рефлетехнологии медиации
в современной зарубежной практической психологии
и конфликтология № 1, 121–138
Семенов И.Н. Взаимодействие отечественной и зарубежной психологии
рефлексии: история и современность № 1, 64–76

Менталитет и экономические успехи нации, № 2, с. 19–108

- Лебедева Н.М.** Вступительное слово № 2, 19–24
Лебедева Н.М. Ценности культуры, экономические установки
и отношение к инновациям в России № 2, 68–88
Линн Р. Интеллект и экономическое развитие № 2, 89–108
Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия
национальных различий № 2, 37–67
Ясин Е.Г. Исследование культурных ценностей —
общее дело социальных наук № 2, 25–36

К 100-летию со дня рождения Абрахама Маслоу, № 3, с. 67–122

- Иванченко Г.В.** Понятие метапатологии у А. Маслоу:
контексты и перспективы № 3, 105–122
Леонтьев Д.А. Вступительное слово № 3, 67
Леонтьев Д.А. Абрахам Маслоу в XXI веке № 3, 68–87
Семинар с А. Маслоу весной 1970 года № 3, 88–104

Психодиагностика в России через 5 лет, № 4, с. 41–101

- Заключительные комментарии № 4, 86–98
Интервью-прогноз. Участники: **М.К. Акимова, Т.Ю. Базаров, А.Б. Балунув,**

- Н.А. Батурин, Л.Ф. Бурлачук, А.Н. Гусев, Т.Н. Корнилова, К.В. Осетров, М.В. Розин, Л.Н. Собчик, А.Г. Шмелев** № 4, 44–85
 Постановление Президиума Российского психологического общества (7 июля 2008 г.) № 4, 99–101
Ушаков Д.В., Денисова Ю.А. Российская психодиагностика в канун перемен № 4, 41–43

Календарь памятных психологических дат

- Ждан А.Н.** Календарь памятных психологических дат: 2008 г. № 1, 139–147

Психодиагностика

- Бормотов А.А.** Разработка и апробация методики диагностики честности как устойчивой черты личности № 3, 123–136

Короткие сообщения

- Барабанщиков В.А., Демидов А.А.** Динамика восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в микроинтервалах времени № 2, 109–116
Белоконь О.В. Эмоциональный интеллект и феномен лидерства: эксперимент «Строим вместе» № 3, 137–144
Белова С.С. Творчество: психологические и компьютерные модели № 4, 112–119
Березина Т.Н. Реакции человека на представление образов спиртного № 4, 102–111
Бутенко Т.П. Методика диагностики понимания неопределенности жизненных ситуаций и совладания с ними № 2, 117–123
Воронин А.Н., Кочкина О.М. Дискурсивные и лингвистические способности в структуре интеллекта человека № 2, 124–132
Гайворонская А.А. Содержание нравственного сознания личности № 4, 120–125
Горбатков А.А. Исследование позитивно-негативной асимметрии эмоций на разных уровнях субъектного развития № 2, 133–143
Горбатков А.А. Позитивно-негативная асимметрия эмоций на разных уровнях субъектного развития: внутриуровневая и межуровневая динамика № 1, 148–156
Гулевич О.В. Влияние цели распределения вознаграждения на выбор нормы дистрибутивной справедливости № 4, 126–134
Демина Е.В. Лингводидактические опыты психологической диагностики языковой способности № 2, 144–151
Дороднев А.Б., Алмаев Н.А. Особенности характера у инвалидов по зрению и их связь с речевым поведением № 1, 157–164
Кукушкина Ю.А., Спиридонов В.Ф. Критическое мышление как фактор профессиональной компетентности программистов № 1, 165–174
Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян № 4, 135–143
Шендяпин В.М., Барабанщиков В.А. Использование теории обнаружения сигнала для разработки модели принятия решения и уверенности в нем человека № 3, 145–156
 Памяти О.А. Конопкина № 2, 152
 Памяти Е.Н. Соколова № 1, 175

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/default.aspx